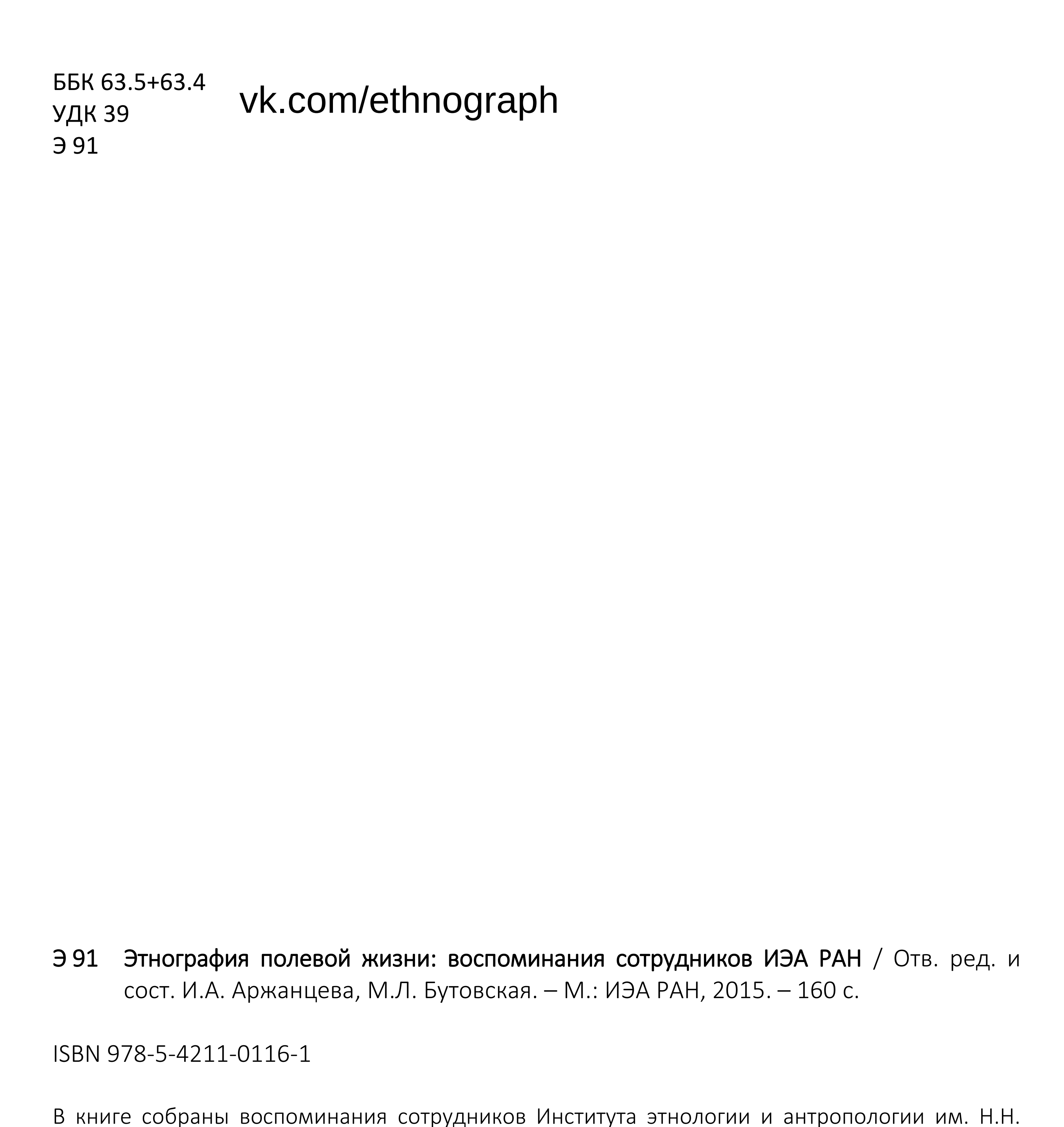
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОГРАФИЯ ПОЛЕВОЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ИЭА РАН

МОСКВА
2015

ББК 63.5+63.4
УДК 39
Э 91

Э 91 **Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН** / Отв. ред. и сост. И.А. Аржанцева, М.Л. Бутовская. – М.: ИЭА РАН, 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-4211-0116-1

В книге собраны воспоминания сотрудников Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Основное внимание уделяется экспедиционной работе, осуществлявшейся сотрудниками института в разных регионах мира.

ББК 63.5+63.4
УДК 39

ISBN 978-5-4211-0116-1

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Идея сборника «Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН» пришла к нам практически одновременно в канун восьмидесятилетия со дня основания Института этнологии и антропологии РАН, и состояла в том, чтобы показать повседневную полевую жизнь ученых (антропологов, этнографов и археологов), чья исследовательская работа и сама жизнь неразрывно связаны с полевой работой: ту жизнь, которая состоит из деталей экспедиционного быта и неформального общения в компании коллег и представителей местного населения. Нам хотелось показать, что полевые исследования ученых, связанных с «полем», далеко не ограничены жесткими рамками непосредственной задачи, в рамках которой осуществлялась поездка, ведь для нас поле – это вся окружающая его жизнь. Восприятие всех без исключения событий повседневной жизни в поле так или иначе отражается на собранных материалах, нюансах их интерпретации, и даже обобщающих выводах автора. Культурный шок при погружении в отличную от привычной социальную среду переживают даже самые подготовленные исследователи.

Индивидуальный опыт установления контактов с местным населением, встраивание в систему социальных связей – всё это чаще всего остается за гранью публикуемых научных сведений; однако, именно этот опыт должен передаваться последующим поколениям. Рассказы коллег о поездках захватывают дух, и поражают научное воображение ничуть не меньше научных монографий. Огорчает одно – истории из полевой жизни крайне редко попадают на страницы печатных изданий, и этот уникальный опыт уходит вместе его носителями. Утрачивается практически безвозвратно…

На наше предложение издать мемуары сотрудников института, связанные с их полевой деятельностью, откликнулись 12 человек, предоставившие для настоящего издания свои воспоминания и авторские фотографии. В сборнике собраны воспоминания антропологов, этнологов, археологов, проводивших исследования в нашей стране и далеко за ее пределами; в советское время, и в наши дни. Статьи получились разные по своему характеру: серьезные и профессионально выдержанные; лирические и полные юмора. Статьи написаны в разных жанрах, но всегда чувствуется голос профессионала, увлеченность его работой и любовь к исследуемым объектам. В этих воспомина-

ниях отразилась целая эпоха (более 60-ти лет) жизни нашего института, начиная с 50-х годов прошлого, XX века и до последних лет века нынешнего. Большая часть мемуаров проникнута «советской» ностальгией, что объясняется не столько любовью к социалистическому прошлому, сколько возможностью беспрепятственно ездить в пределах бескрайнего Советского Союза. С сожалением теперь понимаешь, что многие места ты уже не сможешь посетить никогда. Такие исследования и работы, которые описаны, например, в воспоминаниях Д.Д. Тумаркина и М.Н. Губогло, также могли быть возможны только в советские времена, с серьёзной государственной поддержкой. С другой стороны, в советские же времена невозможны были бы такие экспедиции к племенам хадза в Танзании (М.Л. Бутовская) и индивидуальные путешествия исследователей по джунглям и горным долинам Юньнаня (А. Закурдаев). В воспоминаниях есть и серьезные размышления о трагических судьбах целых народов и регионов, волею судеб и безответственных властей, попавших в тяжелые экологические и исторические условия (мемуары Г.А. Комаровой, А.Е. Тер-Саркисянц, Н.А. Дубовой). Другие мемуары насквозь пронизаны восточной «ностальгией» и любовью к Средней Азии, с которой авторов связывают многие годы работы (Н.А. Дубова, И.А. Аржанцева). Нашлось место и образцам экспедиционного поэтического творчества («гимн» в честь В.А. Спицына в воспоминаниях Н.Х. Спицыной), и приключениям, зачастую довольно опасным для жизни (чего стоит героический перелет И.В. Власовой на крошечном самолетике из Кяхты в Читу, а также ее «личное участие» в знаменитом Среднебайкальском землетрясении 1959 года). Ну и, конечно, спасительное чувство юмора, без которого так трудно выжить в экспедиции, и здесь незаменимы замечательные советы и рекомендации Н.Л. Жуковской по поводу того, как надо выживать в этнографическом (и не только) застолье.

Утрата исторического ландшафта, в котором большинство из нас выросло и работало, превращает сами наши воспоминания в уникальный источник, который будет интересен будущим этнологам, антропологам и археологам.

И.А. Аржанцева, М.Л. Бутовская

Д.Д. Тумаркин

«О ТАМО, КАЙЕ!»

(о полевой работе на Берегу Маклая)

«Безусловно, с точки зрения антропологии академической жизни, – писал автор этих строк, – полевая работа на островах представляет большой интерес и очень отличается от деятельности на борту научно-исследовательского судна, хотя при высадке мы обычно не теряли контакта с «Дмитрием Менделеевым»: корабль либо стоял поблизости на якоре, либо уходил в море для проведения океанологических исследований и затем возвращался к месту нашей высадки» [*Тумаркин* 2013: 314]. Расскажу об особенностях нашей полевой работы в новогвинейской деревне Бонгу, увековеченной в трудах Н.Н. Миклухо-Маклая, который проводил здесь полевые исследования в 1871–1872, 1876–1877 и 1883 гг. [см.: *Тумаркин* 2011: гл. 6, 13, 18].

Шестой рейс научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» был посвящен двойной годовщине: столетию со дня первой высадки в Бонгу «белого папуаса» и 125-летию со дня его рождения. Но дело не только в этих памятных датах. Это был первый выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Миклухо-Маклая. О длительной предыстории этой экспедиции, ее подготовке, разного рода сложностях при формировании этнографического отряда, его составе и плавании «Дмитрия Менделеева» от Владивостока до Новой Гвинеи рассказано в процитированной статье в «Антропологии академической жизни». В основу нынешней статьи положены публикации членов нашего отряда (включая начальника), мои дневники и записные книжки и, конечно, то, что отложилось в закромах моей памяти.

В 1971 г. северо-восточная Новая Гвинея еще была подопечной территорией Австралии, но уже началась подготовка к созданию независимого государства Папуа – Новая Гвинея. 8 июля «Дмитрий Менделеев» зашел в Маданг – небольшой портовый город, выросший на Берегу Маклая (примерно в 30 км от Бонгу). Здесь на борт поднялся наш «куратор» – сотрудник местной администрации австралиец Крейг Саймонс. По межправительственной договоренности, достигнутой между Москвой и Канберрой, он должен был помогать советским ученым, но мы прекрасно понимали, что он будет пристально следить за нашими действиями (в годы «холодной войны» в Австралии повсюду мерещилась «советская угроза»). Скажу сразу, что участники нашей экспедиции – не только этнографы, но и географы, ботаники, зоологи и ученые других специальностей, высаживавшиеся на побережье или проводившие исследования

в прибрежных водах, – старались не давать повода для подозрений, а Саймонс относился к нам в целом доброжелательно и нередко бывал полезен.

В полдень 9 июля «Дмитрий Менделеев» вошел в залив Астролябия и бросил якорь в бухте Константина (Меланүа). Радостное волнение овладело всеми нами, когда показались места, хорошо знакомые по описаниям и рисункам Миклухо-Маклая. Вот маленькая песчаная коса, а за ней роща кокосовых пальм. Это мыс Гарагасси. Здесь в 1871–1872 гг. стояла хижина Николая Николаевича. Правее, за узкой полосой тропического леса, находится невидимая с корабля деревня Бонгу. «Море с коралловыми рифами, с одной стороны, и лес с тропической растительностью, с другой, – оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм», – так описал путешественник красоту местной природы [*Миклухо-Маклай* 1990: 91]. По-прежнему величествен и живописен здешний ландшафт. А бонгуанцы? Они такие же, как были при Миклухо-Маклае, или весь строй их жизни изменило соприкосновение с «западной цивилизацией»? Пока готовилась высадка, мы перебирали в памяти скудные и противоречивые сообщения о папуасах бонгу, появившиеся в мировой научной литературе после Н.Н. Миклухо-Маклая.

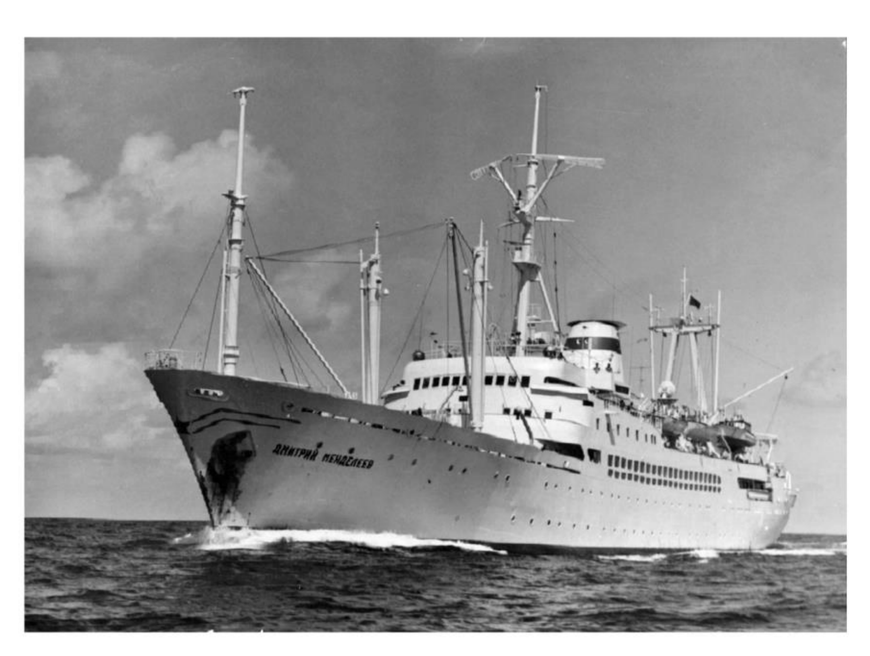

Фото 1. Корабль «Дмитрий Менделеев»

Фото 2. Такой мы увидели деревню Бонгу

По следам русского ученого на северо-восточное побережье Новой Гвинеи отправились «исследователи» с совсем иными целями. В 1884 г. здесь был поднят германский флаг. Непосредственный организатор этого захвата, натуралист и этнограф О. Финш выпустил две книги, в которых содержится материал и о жителях Бонгу [*Finsch* 1888; *Finsch* 1893]. Широко использовав те немногие статьи, которые Миклухо-Маклай до своей ранней смерти успел

опубликовать на немецком и английском языках, Финш открыто признал, что русскому ученому «суждено было больше, чем кому бы то ни было, рассказать о земле и людях того берега, который носит его имя <…>; и который он изучил лучше, чем кто-либо из белых людей до или после него» [*Finsch* 1893: 17]. Из сочинений Финша и книги служащего монопольной Новогвинейской компании Л. Биро [*Biro* 1901] можно извлечь сведения о традиционной культуре бонгуанцев и некоторые подробности появления немецких колонизаторов на Берегу Маклая.

В 1909 г. была опубликована работа «Грамматика и словарь языка бонгу», написанная немецким миссионером А. Ханке, который много лет прожил в этих местах [*Hanke* 1909]. Несовершенная в историческом отношении, работа эта, однако, существенно дополняет языковой материал, собранный Миклухо-Маклаем. В предисловии и комментариях говорится, кроме того, о первых последствиях вторжения колонизаторов, в том числе о смертоносных эпидемиях оспы и дизентерии, о захвате крупных массивов плодородных земель, что вынудило обитателей двух близлежащих деревень, Горенду и Гумбу, переселиться в Бонгу[1]. Немецкий врач Б. Хаген, служивший в Новогвинейской компании, собрал по просьбе Д.Н. Анучина, первого серьезного биографа русского путешественника, воспоминания о нем папуасов Берега Маклая [*Хаген* 1903].

В результате Первой Мировой войны северо-восточная Новая Гвинея перешла под управление Австралии. В 1920-х – 1930-х гг. этнографические исследования там почти не проводились. Только по окончании Второй Мировой войны началось усиленное изучение народов Новой Гвинеи австралийскими, американскими и западноевропейскими исследователями. Но и в послевоенный период Берег Маклая остался, по образному выражению немецкого ученого К. Шмитца, «пасынком этнографии» [*Schmitz* 1954: 27]. Правда, еще в 1953 г. в районе Маданга начал свои изыскания австралийский этнограф и религиевед П. Лоуренс. Основные результаты своих исследований он изложил в монографии, посвященной истории синкретических культов в этом районе [*Lawrence* 1964]. В книге Лоуренса не раз упоминается Бонгу. Но сам он в этой деревне не бывал и пользовался сведениями о религиозной ситуации в ней, извлеченными из разных источников, в том числе из рассказов своих папуасских информаторов. Что же касается К. Шмитца, то он проводил исследования в горах Финистерре и в прибрежной деревне Билиаи и лишь проездом останавливался в Бонгу. В статье о некоторых этнографических проблемах Берега Рай (так стал теперь именоваться Берег Маклая) он только по одному частному вопросу ссылался на информацию, полученную в этой деревне [*Schmitz* 1954: 37].

Соотечественники «белого папуаса» в течение многих десятилетий не посещали Берег Маклая. Как упомянуто в моей статье, лишь в 1966 г. в Маданг – для заправки топливом, питьевой водой и свежими припасами – зашло научно-исследовательское судно «Витязь». Этнографов и вообще ученых-гуманитариев на борту судна не было. Его штурман член РГО В.О. Гурецкий попытался посетить на автомашине Бонгу. Но грунтовая дорога, проложенная вдоль побережья, была размыта тропическими ливнями, повредившими и мост через реку Гогол. Встреченный в Маданге американский протестантский миссионер Дик Хейтер, чья миссия располагалась на холме близ Бонгу, рассказал Гурецкому, что местные жители хорошо помнят *тамо русс* Маклая. В декабре 1970 г., т.е. за полгода до «Дмитрия Менделеева», в ходе очередного океанологического рейса «Витязь» на несколько часов зашел в бухту Константина. В связи с приближающимся столетием со дня первой высадки Миклухо-Маклая на Новой Гвинее участники экспедиции – по согласованию с дирекцией Института океанологии АН СССР и австралийской колониальной администрацией – установили на мысе Гарагасси скромный обелиск – медную памятную доску на бетонном основании [*Тумаркин* 2013: 292–293].

* * *

Спущена шлюпка, и этнографический отряд направляется к берегу. Мы проведем там четыре дня. На корабле, стоящем на рейде примерно в 3 км от Бонгу, объявлен приказ: чтобы не мешать работе этнографов, другим участникам экспедиции и членам команды «Дмитрия Менделеева» запрещено без особого на то разрешения посещать эту деревню.

Между тем на берегу начала собираться толпа. Папуасы хмуро и настороженно смотрели на приближающуюся шлюпку. Но их настроение изменилось, когда они услышали: «О тамо, кайе! Га абатра симум» («О люди, здравствуйте! Мы с вами братья»). То, что Н.А. Бутинов, я и некоторые другие члены отряда могли хоть в какой-то мере объясниться на местном языке[2], произвело на бонгуанцев огромное впечатление. Дело в том, что на нем говорят только жители Бонгу (около 400 человек), тогда как даже в соседних деревнях – иные языки. Австралийские колониальные чиновники, в том числе Саймонс, изредка посещавшие Бонгу, не знали здешнего языка и объяснялись с бонгуанцами на пиджине[3]. А тут появились какие-то белые люди, говорящие по-бонгуански!

Удивление и радость бонгуанцев еще более возросло, когда они узнали, что мы прибыли из *таль Маклай* («деревни Маклая»). Нам пришлось употребить слово *таль*, так как в местном языке, разумеется, не было слова, обозначающего страну или государство. Оказалось, что жители деревни сохранили добрую память о *тамо русс* Маклае, он превратился в легендарную фигуру в местных преданиях. Мы объяснили, что хотим узнать, как живут теперь *тамо бонгу* и рассказать об этом на родине Маклая. Бонгуанцы охотно отвечали на наши вопросы, всячески стремились нам помочь. Не надо было добиваться их доверия – они поверили нам сразу, а для этнографа это половина дела. Не надо было ломать психологический барьер – его сто лет назад сломал для нас Миклухо-Маклай.

Нас разместили в гостевой хижине – большой свайной постройке, стоявшей на пригорке на окраине деревни. Вечером сюда пришли именитые люди Бонгу, и за общей трапезой разгорелась оживленная беседа. И тут наступила наша очередь удивляться: староста деревни Каму сообщил нам, что папуасы залива Астролябия готовятся по инициативе местного миссионера торжественно отпраздновать 125-летие со дня рождения *тамо русс*. В этот день, 17 июля, в Бонгу соберутся папуасы из пятидесяти деревень. Празднество по традиции продлится несколько суток. Далеко вокруг разнесется призывной гул сигнальных барабанов (*барум*), в ночи будут гореть костры. Каждая деревня покажет свою программу – театрализованные действа, песни и пляски[4].

Нас очень обрадовало это неожиданное известие. Оказывается, *тамо русс* помнят не только в Бонгу, но и в других деревнях залива Астролябия. Но к чувству радости примешивалась грусть: «Дмитрий Менделеев» должен уйти отсюда 13 июля, график рейса строго соблюдается. Неужели нам придется покинуть Бонгу, не увидев праздника в честь Маклая? Мы рассказали о нахлынувших на нас чувствах Каму, и он, посоветовавшись с другими *тамо боро* («большими людьми», бигменами), торжественно объявил, что в один из ближайших дней бонгуанцы покажут нам пантомиму о прибытии Маклая и старинные танцы, которые они собираются исполнить на празднике.

Папуасы покинули нашу «гостиницу» поздно ночью. Но, несмотря на усталость, спать не хотелось. Мерный шум морского прибоя, экзотическая звуковая палитра ночного тропического леса постоянно напоминали о необычности обстановки, рождали мысли о предстоящей работе, планы на будущее. Решили искупаться, хотя, как предупредил Саймонс, это небезопасно, особенно ночью, так как в прибрежных зарослях можно наступить на змею, укус которой смертелен, или подвергнуться нападению крокодила.

Вообще отмечу, что радушие бонгуанцев контрастировало с «коварством» местной природы. Мы знали из дневников Миклухо-Маклая, как жестоко страдал он здесь от тропической малярии, а потому заблаговременно начали принимать по рекомендованной схеме противомалярийное средство делагил. Но, возвратившись с купания, мы обратили внимание на то, что не слышно жужжания комаров. Может быть, они не водятся на сухом, обдуваемом морскими ветрами пригорке? Не стали пользоваться репеллентами и улеглись спать в «гостинице» на надувных матрасах, положенных на раскладушки. Только Ирина Мануэлевна Меликсетова – единственная женщина в нашем отряде – соорудила из марли подобие противомалярийного полога, но он отнюдь не был герметичным. Однако, проснувшись после короткого беспокойного сна, почти все члены отряда обнаружили на теле красные пятна – следы малярийных укусов. Как объяснил Саймонс, ночевавший на холме в миссии, местные комары бесшумны и кусают практически безболезненно. Но они очень опасны, так как являются переносчиками не только малярийных плазмодиев, но и филяриев (микроскопически малых червей), вызывающих «слоновую болезнь» (элефантиаз). Уже на следующий день я записал в дневнике, что видел в деревне молодого папуаса с распухшей, слоноподобной ногой, заболевшего элефантиазом[5]. В отличие от малярии признаки этой болезни начинают проявляться через несколько месяцев после укуса. Поэтому даже по возвращении в Москву члены этнографического отряда посматривали друг на друга… К счастью, мы избежали этой напасти. Но, как я рассказал в упоминавшейся статье, все члены отряда, кроме меня, заболели малярией во время этой экспедиции, так как на Новой Гвинее и некоторых островах северной Меланезии появились штаммы малярийных плазмодиев, резистентные к делагилу. Недостаточно надежными оказались и репелленты, которыми мы стали пользоваться, убедившись в наличии комаров. Но, как упоминалось в этой статье, я заболел малярией в 1977 г., во время XVIII рейса «Дмитрия Менделеева», причем в очень тяжелой, тогда почти неизлечимой форме.

Фото 3. Щелевой барабан (барум) под хижиной

Рано утром, наскоро закусив, мы перебрались через небольшой ручей, отделявший нас от деревни, и приступили к выполнению заранее разработанной программы. В чем же заключались задачи этнографического отряда в Бонгу?

Миклухо-Маклай неоднократно писал, что предпочитает излагать только строго проверенные факты, воздерживаясь от широких обобщений и всякого рода гипотез [см., например: *Миклухо-Маклай* 1993: 60]. Поэтому, опираясь на современные методы полевых исследований, необходимо было прежде всего попытаться заполнить хотя бы некоторые лакуны, остав-

ленные путешественником, и дать более широкое истолкование собранному им огромному фактическому материалу. Нашей второй задачей было выявление изменений, которые произошли в разных сторонах жизни бонгуанцев за столетие, истекшее со времени пребывания здесь Миклухо-Маклая. Кроме того, предстояло собрать воспоминания местных жителей о *тамо русс* и отыскать другие следы его пребывания на Берегу Маклая. Наконец, предполагалось приобрести для МАЭ экспонаты, характеризующие традиционные стороны современной культуры папуасов бонгу.

Возникает вопрос, насколько реальны были эти задачи, учитывая кратковременность пребывания отряда в Бонгу.

Мы, конечно, понимали, что не сможем получить ответы на все интересующие нас вопросы, что некоторые стороны жизни бонгуанцев, требующие длительного изучения (например, религиозные верования), останутся почти недосягаемыми. Но мы надеялись осветить ряд ключевых вопросов и сформулировать проблемы, подлежащие дальнейшему исследованию.

Длительность пребывания в «поле» – очень важное, но не всегда решающее условие успеха полевых исследований. В этнографическом отряде было восемь квалифицированных специалистов, подготовленных для работы в Бонгу. Поэтому продолжительность пребывания там нашего отряда (четверо суток) правильнее выразить 32 человеко-днями. Если же учесть, что все члены отряда работали с раннего утра до позднего вечера, то последнюю цифру можно значительно увеличить.

Нельзя не учитывать еще одно важное обстоятельство. Каждый член отряда собирал материал по строго определенной проблематике и в то же время попутно интересовался более широким кругом вопросов, как бы страхуя своих товарищей. Каждый вечер я устраивал краткую «планерку», на которой подводились итоги сделанного и намечалась программа на следующий день, включая взаимодействие отдельных членов отряда. Рациональное разделение труда не только увеличивало продуктивность работы отряда, но и, как всякая производственная кооперация, рождало новое качество. Невольно приходит на ум аналогия из жизни бонгуанцев. Один папуас не в состоянии деревянным колом поднять глыбу земли (для последующего ее измельчения), тогда как несколько бонгуанцев, встав в ряд и одновременно воткнув свои колья в землю, быстро выворачивают такую глыбу. Работая совместно, мы стремились поднять новый пласт бонгуанской этнографической целины и по мере возможности изучить его содержимое.

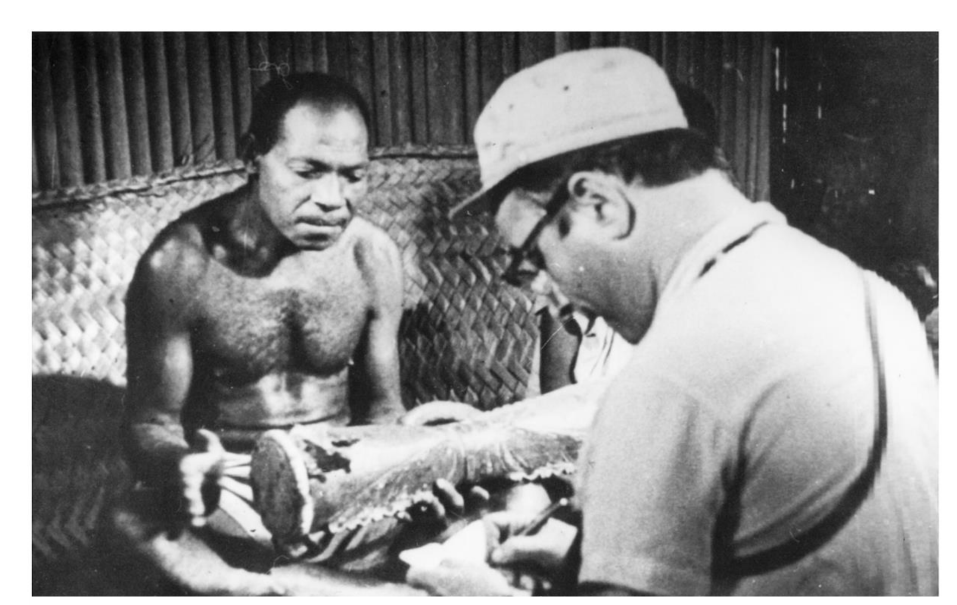

Фото 4. Д.Д. Тумаркин рассматривает ручной барабан (окам) в хижине Ирагу

Разумеется, эта задача была осуществима только при наличии в Бонгу благоприятных условий для работы. Но, как уже отмечалось, действительность превзошла все наши ожидания.

Фото 5.Юная бонгуанка

В центре Бонгу находится деревенская площадь – обширная, хорошо утрамбованная, всегда чисто подметенная. Бонгуанцы называют ее *гогуму аре* («сердце деревни»). Здесь принимают почетных гостей, устраивают деревенские сходы, пиры и празднества.

Перенесемся на эту площадь в один из дней, когда в Бонгу работал этнографический отряд. Ваше внимание прежде всего привлечет маленький белый экран (изготовленный из простыни), так как он установлен почти посередине площади. Рядом раскладной столик с фотоаппаратурой и какими-то инструментами. Здесь под немилосердно палящим тропическим солнцем проводит исследования человек в белом халате – антрополог Олег Михайлович Павловский. Помимо антропологических измерений он делает стандартные фотопортреты для последующей метрической обработки и сопоставления с портретами бонгуанцев, выполнеными Миклухо-Маклаем, берет образцы волос для биохимического и генетического анализа. Оторвавшись на время от собственных наблюдений, ему помогает Ирина Мануэлевна Меликсетова.

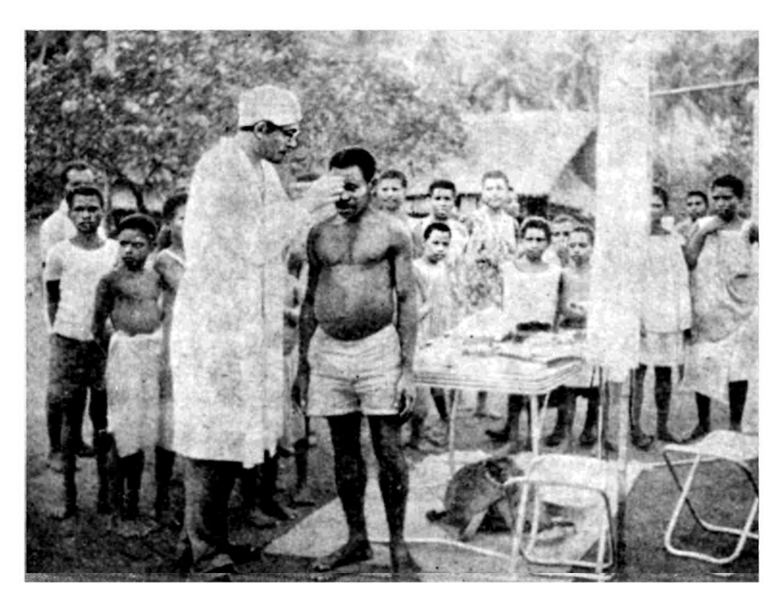

Фото 6. Антропологические измерения под тропическим солнцем. К О.М. Павловскому выстроилась очередь

«Белый папуас» писал, что во время первого пребывания на Берегу Маклая ему вовсе не удавалось заняться антропологическими измерениями «вследствие недоверия и подозрительности папуасов». Снова поселившись тут в 1876–1877 гг., он сумел преодолеть у мужчин «отвращение к подобным, непонятным для них манипуляциям над их личностью» [*Миклухо-Маклай* 1993: 201]. Однако ему так и не удалось приступить к измерению женщин.

Теперь дело обстоит совсем по-другому. К Олегу Михайловичу охотно идут жители деревни, в том числе молодые женщины и девушки, так что иногда выстаивается целая очередь – наверно, первая в истории Бонгу. Более того, некоторым девушкам настолько понравилась процедура измерений и фотографирования, что они пытаются пройти ее вторично.

Из-за цветущего дерева (разновидности магнолии) доносится песня, исполняемая множеством звонких голосов. Тут расположился с магнитофоном фольклорист Борис Николаевич Путилов. Большой опыт полевых исследований помогает ему быстро установить нужный контакт с любой аудиторией. Сейчас возле него полукругом уселись два десятка ребятишек. Необычайно серьезно и в то же время по-детски непосредственно поют они для гостя из *таль Маклай*. «Сингсинг намбер файф!» – торжественно провозглашает ученый и, когда пение смолкает, дает прослушать ребятишкам только что исполненную ими песню. «Сингсинг намбер сикс», «сингсинг намбер севен», «сингсинг намбер эйт»… Кажется, что импровизированному концерту не будет конца.

Фото 7. Б.Н. Путилов записывает на магнитофон папуасскую мелодию

Возле одной из хижин, окаймляющих *гогуму аре*, сидят Николай Александрович Бутинов и Николай Михайлович Гиренко. Их окружает группа папуасов. Ученые составляют список «кварталов» Бонгу, выясняют количество семейных хижин и мужских домов в каждом из них, записывают генеалогии своих собеседников, стремясь добраться до поколения, лично знавшего *тамо русс*. Наступил волнующий момент: Николай Александрович достает из портфеля фотокопии портретов, сделанных Миклухо-Маклаем, и старейший житель деревни Таног узнает на одном из них папуаса по имени Асоль.

Этот эпизод снимают кинооператоры «Центрнаучфильма» Владимир Григорьевич Рыклин и Анатолий Николаевич Попов, ежедневно приезжающие с корабля в Бонгу. Их задача – создать художественное киноповествование о рейсе «Дмитрия Менделеева». Важнейшей частью фильма должен стать рассказ о посещении Берега Маклая[6].

В доме бонгуанца Ирагу, также выходящем на площадь, необычный гость – автор этих строк. Он сидит на циновке рядом с хозяином, наблюдает, как его жена готовит обед на примитивном очаге, и расспрашивает об основных занятиях жителей деревни, их денежных доходах и расходах. Цель расспросов – выяснить роль товарно-денежных отношений в современном хозяйстве бонгуанцев, проследить их влияние на традиционный уклад.

Возле одной из соседних хижин остановились Владимир Николаевич Басилов и Михаил Васильевич Крюков. Пока первый фотографирует хижину, изучает ее конструкцию и затем составляет опись имеющихся в ней предметов материальной культуры, другой неторопливо беседует с хозяином, методично выявляя бонгуанские термины родства.

Солнце в зените. Земля и воздух раскалены. В эти часы жизнь в деревне обычно замирает. Но у «научного десанта» нет времени ждать, пока спадет полуденный зной. Ритм исследований нарастает…

Наша воображаемая экскурсия подошла к концу. Она не дает сколько-нибудь полного представления о формах и методах работы этнографического отряда, о диапазоне его научных интересов. Например, В.Н. Басилов и М.В. Крюков изучали еще бонгуанские лодки-

долбленки и даже совершили в них пробное плавание; Н.М. Гиренко собирал этнолингвистические материалы; И.М. Меликсетова и Д.Д. Тумаркин знакомились с работой Совета местного управления залива Астролябия (выборного органа, созданного австралийской администрацией и действовавшего под ее контролем) и начальной школы при миссии, расположенных вблизи от Бонгу.

Важным каналом получения информации были вечерние беседы в нашей «гостинице», неизменно затягивавшиеся до поздней ночи. В основном ее помещении установили грубо сколоченный длинный деревянный стол, а по обоим его сторонам – деревянные скамьи. Во главе стола на табурете обычно сидел Саймонс (как представитель власти), по правую его руку – ученые во главе с начальником отряда, по левую – *тамо боро* во главе со старостой деревни Каму. По указанию Саймонса, за стол усаживали также пастора-папуаса по имени Абудзь и учителя миссионерской начальной школы Кони Хомате (присланного из другого района Новой Гвинеи). Сам миссионер Дик Хейтер отсутствовал (уехал на несколько дней в Маданг – возможно, не случайно).

Застольные беседы сопровождались обильным угощением. Мы пробовали папуасскую еду (преимущественно сырые и запеченные овощи и фрукты), бонгуанцы охотно, с аппетитом поглощали в большом количестве пищу, ежевечерне доставляемую катером с «Дмитрия Менделеева». На корабле неуклонно соблюдалось правило: выбрасывать за борт всю недоеденную за день пищу, приготовленную на камбузе. Капитан М.В. Соболевский распорядился доставлять нам эти припасы: ведро борща, большие кастрюли с котлетами, макароны по-флотски и т.д. Привезенные кушанья мы разогревали на очаге: металлическую посуду ставили на три камня, между которыми разводили огонь. Узнав, что эта пища пользуется огромным успехом у бонгуанцев, капитан приказал поварам увеличить ее производство с учетом новых едоков, в том числе выпекать дополнительно несколько буханок белого хлеба, который особенно нравился папуасам. Всё привезенное доедали без остатка, так как Каму передавал то, что не смогли «умять» *тамо боро*, другим мужчинам и мальчикам, собиравшимся возле нашей «гостиницы».

Еду запивали чаем, который тоже нравился папуасам. Кроме того, уже на следующий вечер мы приготовили и начали наливать всем желающим «рашн виски» – разбавленный водой «технический» спирт (очень высокого качества), настоянный на местных плодах. И хотя пили его маленькими порциями из чашечек (*гамба*), сделанных из скорлупы кокосового ореха, напиток заметно оживлял беседу и помогал получать более откровенные ответы. Саймонс, который внимательно прислушивался к нашим вопросам и иногда помогал переводить их на пиджин, не возражал против такой вольности и сам охотно пил эту настойку.

В папуасском обществе традиционно велика роль совместной еды. В языке бонгу даже есть специальный термин *нгама* – «братство по еде». От Кони Хомате я узнал, что незадолго до нашего посещения Бонгу в этом районе собирал лингвистические материалы австралийский ученый П. Макларен. Он поселился в протестантской миссии, расположенной на холме в километре от Бонгу. Кони сказал: «Он жил отдельно от нас, не ел вместе с нами, а потому мы не рассказывали ему того, что рассказываем вам».

Как я уже отмечал, бонгуанцы активно сотрудничали с гостями из *таль Маклай*. Особенно большую и ценную помощь нам оказали Кони Хомате, знаток местных обычаев и преданий старик Таног и юноша Какал, вернувшийся в деревню после учебы в мадангской средней школе.

Элементарное знание языка бонгу пригодилось главным образом при первой встрече с бонгуанцами и дальнейшем завязывании знакомств, а также при выявлении генеалогий и местных терминов родства. Значительно чаще мы пытались объясниться на пиджине, который

знали большинство мужчин и часть женщин, а при малейшей возможности переходили на английский, на котором сносно говорили некоторые молодые бонгуанцы, например, Какал. Нужно признать, что языковой барьер мы преодолевали с трудом, и это отрицательно сказывалось на качестве собираемой информации, а иногда приводило к недоразумениям. Приведу курьезный пример. На второй день нашего пребывания в Бонгу ко мне подошел Каму и пожаловался на то, что Рыклин («толстый человек с камерой»), получив у одного из жителей плоды папайи, не расплатился, точнее – ничего не дал взамен. Я немедленно позвал Владимира Григорьевича, который занимался киносъемкой в деревне вместе со своим напарником Поповым, чтобы разобраться со случившимся. Оказалось, что бонгуанец, вручая плоды, сказал: «Папу» (папайя на пиджине), и тот, ничтоже сумняшеся, решил, что это подарок для Попова. Я объяснил Рыклину, что он допустил ошибку (если это и был подарок, его следовало отдарить), и расплатился с жалобщиком, к вящему его удовольствию, нашей «валютой» – банкой тушенки и несколькими пачками сигарет «Прима».

Впрочем, в Бонгу было несколько мужчин, которые не ходили в церковь, избегали контактов с гостями из *таль Маклай* и лишь наблюдали за нашей деятельностью. Вечером в «гостинице» я обратил внимание на мужчину средних лет, который не сидел за общим столом (да его никто и не приглашал присоединиться к трапезе), а стоял в темном углу и вглядывался в происходящее. Кони Хомате пояснил: «Это Сонгон – лидер местных культистов. Каму побаивается его, поэтому не прогоняет».

Дело в том, что в XX веке во многих районах Новой Гвинеи – там, где коренные жители были вовлечены в более или менее постоянные контакты с колонизаторами (в частности, работали на плантациях, принадлежащих чужеземцам), где действовали миссионеры – возникали культы карго. Эти религиозные движения, причудливо сочетавшие отдельные своеобразно истолкованные догматы христианства с местными верованиями, в первую очередь с широко распространенным мифом об обожествленных культурных героях Килибобе и Манупе, в 1960–1970-х гг. вспыхивали и на Берегу Маклая. В некоторых из этих культов Маклай выступал в роли божества (*тибуд*), которое посылает новогвинейцам европейские товары (*карго* на пиджине – «груз», «товар»), перехватываемые белыми [*Тумаркин* 1997: 161]. За неделю до прихода «Дмитрия Менделеева» в соседнем округе (в нескольких десятках километров от Бонгу) местный лидер культистов (бывший миссионерский служка) призвал своих сторонников подняться на гору, на вершине которой был установлен бетонный геодезический знак, утверждая, что под ним зарыты сокровища, присланные предками. Чтобы избежать беспорядков, австралийский чиновник, управлявший этим округом, приказал вырыть знак и перенести его в долину. Рассказав об этом, Саймонс попросил меня передать ученым, находящимся в Бонгу и на «Дмитрии Менделееве» его настоятельную просьбу (по существу – требование): не ходить группами на мыс Гарагасси, где установлена мемориальная доска, а главное – не устраивать там никаких церемоний. В противном случае, предупредил он, некоторые бонгуанцы могут начать раскопки под обелиском, чтобы обнаружить богатства, присланные Маклаем.

С каждым днем мы все более убеждались в том, что пребывание в Бонгу «белого папуаса» оставило большой и глубокий след в сознании местного населения. Здесь узнают о нем с детства, так как рассказы о Маклае передаются от отца к сыну, из поколения в поколение. Пожилые бонгуанцы, а также приверженцы культа карго всё еще считали его, как только что упоминалось, сверхъестественным существом, одним из местных божеств. Некоторые молодые люди, учившиеся в школе, по-видимому уже не обожествляли Маклая, но и для них он был человек из легенды – таинственный, могущественный и необычайно добрый.

Бонгуанцы помнили, что именно Маклай привез первые стальные топоры и ножи, многие новые для них культурные растения, подарил бычка и телку. Эти исторические факты запечат-

лились не только в их коллективной памяти, но и в бонгуанском языке, в который вошли слова *схапор* (топор), *гугрус* (кукуруза), *абрус* (дыня; первоначально, очевидно, арбуз), *бика* (бык). Кроме того, к местным названиям некоторых культурных растений, привезенных русским ученым, принято прибавлять его имя: *дьигли Маклай* (огурец), *валю Маклай* (тыква) и т.д.

Жители Бонгу не забыли, что хижины Маклая стояли на мысах Гарагасси и Бугарлом, хотя буйная тропическая растительность и прожорливые муравьи давным-давно уничтожили все следы этих построек. Тропинка из Бонгу на мыс Бугарлом, где он жил в 1876–1877 гг., называется *гом Маклай* – «тропа Маклая».

В бонгуанскую ономастику вошло имя Маклай. Правда, мы не обнаружили в Бонгу человека с таким именем. Его носитель, как нам сказали, умер незадолго до визита «Дмитрия Менделеева»[7]. Возможно, позднее там появился новый Маклай.

Члены этнографического отряда, в том числе автор этих строк, записали на магнитофонную ленту три варианта предания о *тамо русс*: два – от Каму (на пиджине), один – от Танога (на бонгу). Были записаны также их переводы на английский язык, сделанные Абудзем и Кони Хомате. В этих текстах, как и во всяком фольклорном источнике, есть, конечно, неточности. Но они отражают события, зафиксированные в дневниках Миклухо-Маклая [*Тумаркин* 1997: 162–163].

В волнующую демонстрацию глубокого уважения к памяти *тамо русс* и дружеских чувств к гостям из *таль Маклай* вылился показ участникам экспедиции программы, с которой бонгуанцы собирались выступить на празднестве, назначенном на 17 июля. Сначала мы увидели пантомиму о первом появлении Маклая, причем роль ученого по просьбе Каму исполнил М.В. Соболевский.

К берегу подошла шлюпка, из нее высадился «Маклай». Увидев его, три папуаса, вооруженные копьями, луками и стрелами, в старинном воинском одеянии, с раскрашенными лицами, с перьями райских птиц в волосах, стали перебегать от дерева к дереву, отступая к деревне. Всем своим видом они изображали ужас и смятение и в то же время пытались отпугнуть грозного пришельца. Они целились в «Маклая», он шел прямо на стрелы…

В этой пантомиме отразился, хотя и в трансформированном виде, случай, действительно происшедший в первые дни пребывания ученого на мысе Гарагасси [*Миклухо-Маклай* 1990: 93–96]. Пантомима исполнялась предельно реалистически, движения «актеров» были настолько рискованными, что временами казалось: мы можем остаться без капитана.

Затем на деревенской площади бонгуанцы продемонстрировали старинные танцы, исполняемые в особо торжественных случаях. Казалось, мы перенеслись в прошлое столетие. На таких танцах в качестве почетного гостя присутствовал Миклухо-Маклай. Выступавшие перед нами танцоры были одеты и разукрашены так, словно сошли с его рисунков.

Вместе с этнографами на этом представлении присутствовала большая группа моряков и ученых во главе с капитаном и начальником экспедиции А.А. Аксеновым, специально прибывшая с «Дмитрия Менделеева». Думается, все они, а не только мы, сохранили в памяти это красочное зрелище.

После танцев жители Бонгу нанесли ответный визит на наш корабль. Они осмотрели капитанскую рубку, конференц-зал, жилые каюты, научные лаборатории, отведали угощение в кают-компании.

Бонгуанцы впервые находились на таком большом корабле, многое было им в диковинку. Но они держались спокойно, с достоинством, хотя, несомненно, жадно впитывали новые впечатления. Лишь однажды они дали волю своим чувствам – при просмотре мультфильма «Шайбу, шайбу» и кинокомедии «Пес Барбос и необычный кросс». Папуасы хорошо поняли их содержание, и помещение, где демонстрировались фильмы (столовая команды) буквально сотрясалось от шума и смеха.

Незаметно пролетело четверо суток. Ранним утром 13 июля за этнографическим отрядом пришла шлюпка с «Дмитрия Менделеева». Нам очень не хотелось уезжать, и бонгуанцы провожали нас на берегу опечаленные, так как успели с нами подружиться.

Выйдя из залива Астролябия, «Дмитрий Менделеев» зашел в Маданг, где корабль покинул Крейг Саймонс, оставив теплую, даже прочувствованную запись в судовой книге почетных посетителей.

На следующий день, когда за горизонтом исчезли берега Новой Гвинеи, в маленьком конференц-зале «Дмитрия Менделеева» состоялось заседание этнографического отряда, на котором присутствовал А.А. Аксенов. На заседании были подведены предварительные итоги нашей работы в Бонгу, которые оказались довольно значительными. Специфика статьи не позволяет их здесь изложить. Они подробно освещены в коллективном труде членов отряда [*На Берегу Маклая* 1975] и многочисленных статьях[8]. Отмечу лишь открытие, имеющее теоретическое значение. Миклухо-Маклай писал, что деревня Бонгу делится на «кварталы». Но он не смог, а возможно, и не пытался выяснить структуру этих «кварталов». Сказалось слабое знакомство «белого папуаса» с теоретическими новациями в области изучения первобытности, которые появились в 1860–1870-х гг.[9] Мы же установили, что «кварталы» населяет экзогамная семейно-родственная группа типа клана (по-бонгуански *вемуну*), состоящая из мужчин, их незамужних сестер, а также женщин, пришедших по браку, и адаптированных лиц, преимущественно мужчин, которые бежали по какой-то причине из другой деревни. Отвечу также на вопрос, заданный в начале статьи: в какой мере бонгуанцы изменились с тех пор, как их изучал Миклухо-Маклай.

Фото 8. По традиции кокосовые орехи сбрасывают с пальм юноши, а переносят в деревню мальчишки

Конечно, обитатели деревни были уже не теми первобытными людьми, какими их застал *тамо русс*. Ослабли значение и сплоченность *вемуну*, возросла роль малой семьи. В Бонгу появились миссионерская начальная школа, церковь (большой деревянный сарай с крышей из пальмовых листьев), три маленьких лавочки наподобие киосков, которые были почти все время закрыты, а их владельцы занимались земледелием и рыбной ловлей наравне с другими бонгуанцами. Местные жители широко употребляли металлические топоры, пилы и ножи, носили одежду из покупных тканей (правда, очень скудную), но по-прежнему ходили босиком, пользовались керосиновыми лампами, когда имели деньги на керосин. У старосты Каму появился транзисторный радиоприемник. Основной источник денежных поступлений – продажа скупщикам-австралийцам копры (сушеной мякоти кокосового ореха). Некоторые мужчины уходили работать на крупные плантации, принадлежавшие австралийским компаниям. Полученные деньги шли на уплату подушного налога, церковного сбора, на плату за обучение детей в школе, на покупку риса, ткани, керосина и т.п.

Однако жители Бонгу сохранили многие основные черты своей самобытной культуры. Мы пришли к выводу, что колониально-капиталистические порядки и элементы «западной» культуры здесь были как бы наложены на традиционный жизненный уклад; они частично модифицировали его, но не уничтожили.

Основой хозяйства осталось подсечно-огневое земледелие и в меньшей мере – рыболовство, имевшие потребительский характер. Как и сто лет назад, женщины по утрам уходили на огороды и вечером возвращались домой, неся за спиной большие плетеные сумки с овощами, прикрепленные лямками ко лбу. Главным земледельческим орудием остался деревянный кол (*саб*), дополняемый деревянной лопаткой (*удья саб*). Пища, как и раньше, состояла в основном из корнеплодов и клубнеплодов (таро, ямс, бататы и др.), дополненных кукурузой, интродуцированной Миклухо-Маклаем, а также бананов, кокосовых орехов и рыбы. По-прежнему широко распространены были циновки из пальмовых листьев, посуда из дерева и скорлупы кокосового ореха, а также глиняные горшки, которые, как и при Миклухо-Маклае, бонгуанцы приобретали в прибрежной деревне Били-Били (в XIX в. она находилась не на «материке», а на близлежащем островке). На рыбную ловлю местные жители выходили в традиционных лодках-долбленках с балансирами, но употребляли теперь железные рыболовные крючки, а наконечники бамбуковых острог делали из гвоздей.

Фото 9. Перед уходом на плантацию бонгуанка готовит на завтрак гугруз (кукурузу)

Христианство было усвоено бонгуанцами весьма поверхностно и переплеталось с древними верованиями; встречались здесь, как уже упоминалось, и приверженцы культа карго. О глубине усвоения христианского вероучения свидетельствует такой эпизод. Во время одной из вечерних бесед, когда зашла речь о происхождении бонгуанцев, пастор Абудзь доверительно шепнул мне: «Вообще-то мы потомки Килибоба и Манупа».

На собрании отряда, посвященном предварительному подведению итогов, говорили не только об успехах. Обнаружились пробелы в собранных материалах, неодинаковое толкование некоторых явлений, расхождения в записях генеалогий и т.д. Казалось, что если мы вернемся в Бонгу хоть на несколько дней, удастся устранить все разночтения и собрать недостающие «кирпичики» информации. А.А. Аксенов, как заместитель директора Института океанологии, сказал на этом собрании, что будет добиваться включения этнографического отряда в следующий «островной» рейс «Дмитрия Менделеева».

* * *

Обещание Аксенова исполнилось через шесть лет, в 1977 г., когда состоялся XVIII экспедиционный рейс «Дмитрия Менделеева», в котором, кроме ученых океанологического цикла (океанографов, гидрологов, метеорологов и др.) участвовали, как в VI рейсе, ученые-«береговики» (этно-

графы, зоологи, ботаники и др.). Соответственно программа рейса предусматривала многочисленные заходы на тихоокеанские острова.

На сей раз этнографический отряд насчитывал пять человек. Трое – Д.Д. Тумаркин (начальник отряда). В.Н. Басилов и И.М. Меликсетова участвовали в VI рейсе, тогда как Н.А. Бутинов, Н.М. Гиренко, М.В. Крюков, О.М. Павловский и Б.Н. Путилов по разным причинам не смогли снова отправиться на острова Океании [*Тумаркин* 2013: 316]. Вместо них в отряд были включены двое молодых ученых – африканист из МАЭ Евгений Николаевич Кальщиков и московский сотрудник ИЭ этносоциолог Валерий Никифорович Шамшуров. Они постарались как можно скорее войти в курс дела, усердно работали в экспедиции, но не смогли полностью заменить выбывших коллег.

Как и в 1971 г., к нашему отряду были прикомандированы кинодокументалисты В.Г. Рыклин и А.Н. Попов, создавшие по возвращении короткометражный фильм о пребывании советских ученых на Новой Гвинее и сюжеты для нескольких выпусков «Альманаха кинопутешествий». Кроме них, в наш отряд была включена немолодая супружеская пара – художники М.Л. Плахова и Б.В. Алексеев. Они привезли из экспедиции не только картины и рисунки, но и подробные дневники, опираясь на которые выпустили интересную, увлекательно написанную книгу [*Плахова, Алексеев* 1981]. В ней уделено много внимания работе этнографов.

За шесть лет в мире, в том числе в Океании, произошли изменения, знаменующие конец эпохи колониализма. Если в 1971 г. «Дмитрий Менделеев» посетил как молодые независимые государства этого региона, так и островные территории, которые находились под управлением колониальных держав, то в 1977 г. вся работа береговых отрядов экспедиции велась на островах, входящих в состав трех освободившихся стран – Папуа-Новой Гвинеи, Тонга и Фиджи. Наше судно заходило также в Сингапур и австралийский порт Брисбен.

Фото 10. Дети у морского берега. На втором плане лодка-долблёнка с балансиром

Австралийская подмандатная территория Новая Гвинея (северо-восточная часть огромного острова Новая Гвинея) и австралийская колония Папуа (юго-восточная часть этого острова), объединенные в административный союз, 1 декабря 1973 г. получили самоуправление, а 16 сентября 1975 г. была провозглашена независимость государства Папуа-Новая Гвинея (ПНГ). Это одна из наименее развитых стран мира. Социальная архаика усугубляется здесь необычайной этнолингвистической дробностью. В стране с трехмиллионным населением насчитывалось около 700 языков [*Вурм* 1977]. Не случайно ПНГ превратилась в своего рода Мекку для этнографов и лингвистов.

В водах ПНГ «Дмитрий Менделеев» работал почти полтора месяца. За это время мы побывали в ее столице, Порт-Морсби, портовых городах Маданг и Лаэ, высаживались на Тробриансских островах (где в годы Первой Мировой войны вел полевые исследования основатель функционального направления в этнографии Б. Малиновский), на Новой Ирландии, Лавонгаи (Новый Ганновер), Капатирунге (Каботтерон), островах Сент-Эндрю и Хермит. И, конечно, этнографический отряд воспользовался возможностью снова посетить деревню Бонгу.

Фото 11. Старейший житель деревни Таног. Он держит сосуд из бутылочной тыквы с жевательной смесью (бетель с известью)

В Маданге на борт «Дмитрия Менделеева» поднялся наш «куратор» – представитель новой власти папуас Джоэ Сомаэ – скромно одетый человек средних лет, присланный в местную администрацию из другой провинции ПНГ. Он хорошо говорил по-английски и на пиджине, бывал в Бонгу, но не знал ни слова по-бонгуански. Сомаэ внимательно следил за нашими действиями, но был доброжелателен и старался помочь в выполнении программы работы отряда в Бонгу, которую мы ему сразу вручили.

Утром 13 февраля «Дмитрий Менделеев» бросил якорь в бухте Константина – там, где он стоял в 1971 г. Не теряя времени, мы на катере отправились к берегу. Здесь собрались несколько десятков бонгуанцев. Они приветствовали нас громкими возгласами, но на сей раз не были удивлены нашим появлением. Оказалось, что правительственная радиостанция в Порт-Морсби, которая вещала на пиджине, накануне сообщила о прибытии «Дмитрия Менделеева» в Маданг и о том, что утром следующего дня он придет в бухту Константина, где высадит нескольких ученых. Эта новость быстро распространилась по Бонгу.

Среди встречавших был старейший житель деревни Таног, сильно похудевший и совершенно седой. Он пожал мне руку и сказал дрожащим голосом (на пиджине): «Я пока живой, но некоторые другие уже на небе». В частности, умер Парива, который в 1971 г. помогал Б.Н. Путилову изучать песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев. А где Какал? Оказалось, что он теперь работает в строительной фирме в Лаэ.

Нас разместили в недостроенной хижине в центре деревни. Часть стен у этой хижины отсутствовала, и мы жили в ней как на сцене, на виду у бонгуанцев. Гостевой дом (наша «гостиница» в 1971 г.), в котором обычно останавливались австралийские чиновники, был разрушен как символ колониализма.

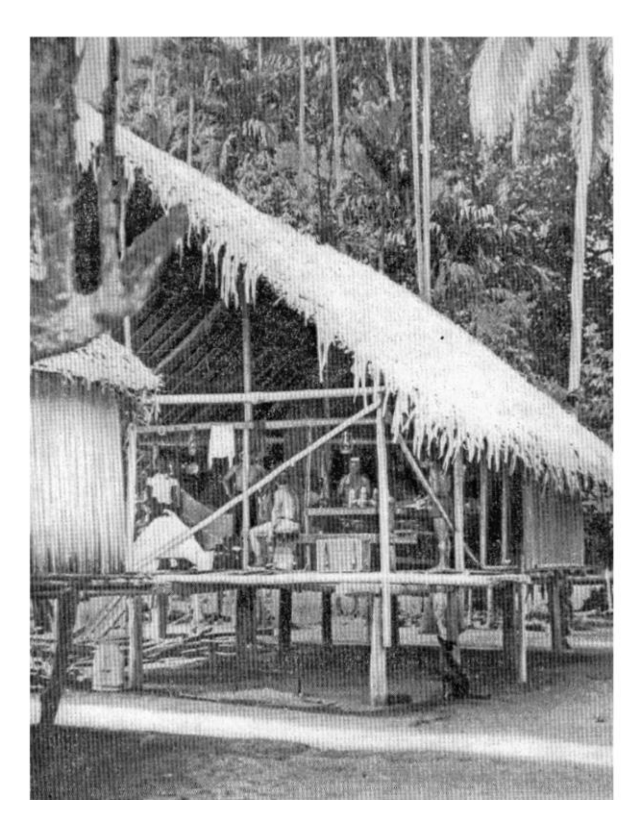

Фото 12. «Резиденция» этнографического отряда в Бонгу в 1977 г.

Уже в первый день мы заметили и другие перемены, связанные с предоставлением ПНГ государственной независимости. Так, днем на деревенской площади состоялось собрание жителей нескольких деревень, на

котором обсуждались местные дела и предстоящие выборы в парламент ПНГ. Два приезжих агитатора-папуаса растолковывали собравшимся особенности избирательной системы, отвечали на вопросы и призывали голосовать за свою партию: один за Пангу пати (Партия Папуа-Новой Гвинеи), другой – за Объединенную партию. Все разговоры велись на пиджине.

Джоэ Сомаэ, сторонник Пангу пати, объяснил мне, что эта партия хотела бы сочетать капиталистическое развитие с сохранением и использованием коллективистских, общинных традиций (своеобразный вариант народничества), а Объединенная партия, в которой состояли как коренные жители, так и иностранные поселенцы, выступала за безоглядное развитие по западному образцу.

Фото 13. Предвыборное собрание в Бонгу

Еще задолго до высадки были уточнены задачи каждого члена отряда. Его начальник – помимо координации работы отряда и регулярных контактов с местными лидерами и руководством экспедиции – изучал соотношение традиций и инноваций, новую конфигурацию власти, продолжил выявление и запись легенд и преданий о *тамо русс*. В.Н. Басилов сосредоточил внимание на исследовании архаических элементов культуры и социальной организации. В.Н. Шамшурова интересовали прежде всего социально-этнические и демографические аспекты современной ситуации. Е.Н. Кальщиков уделял основное внимание изучению изменений в материальной культуре; он же, по просьбе Б.Н. Путилова, записывал на магнитофонную ленту традиционные песни и мелодии, звучание большого щелевого барабана (*барум*), который использовался (путем комбинации ритма и тона ударов) для передачи коротких сообщений на значительные расстояния, ручного барабана (*окам*), используемого при танцах, и флейты (*схюмбинг*). И.М. Меликсетова изучала проблемы просвещения и религиозной жизни. Как и в 1971 г., я каждый вечер проводил «планерку», на которой подводились итоги сделанного и намечалась программа на следующий день, включая взаимодействие членов отряда.

Наряду с традиционными для этнографов методами полевой работы мы решили, по инициативе В.Н. Шамшурова, использовать (насколько мне известно, впервые на Новой Гвинее) метод анкетирования, который стал тогда широко применяться при этносоциологических исследованиях в СССР. Ученик Ю.В. Арутюняна, Валерий Никифорович разработал совместно со мной и В.Н. Басиловым специальную анкету для интервью (на английском языке) и она была распечатана на множительном аппарате, имевшемся на корабле. Решено было «адресовать» ее главам малых семей. Конечный вариант опросного листа содержал 61 вопрос. Они были призваны выявить демографический состав жителей деревни, уровень их образования, знание английского языка и пиджина, миграцию населения, ее причины и направленность, состав малых семей, круг брачных связей, имущественную дифференциацию, отношение отцов к получению образования их детьми, выбору ими профессии и т.д. По моей просьбе новый деревенский староста Са-

ли выделил трех местных юношей, знающих английский язык, для проведения анкетирования и собрал *тамо боро* деревни, чтобы объяснить им эту диковинную процедуру (как он ее понимал) и призвал через них всех мужчин отвечать на задаваемые вопросы.

Как я теперь понимаю, решение провести анкетирование в Бонгу было не только смелым, но и недостаточно реалистичным. Хотя Валерий Никифорович проинструктировал этих юношей и постоянно следил за их работой, наши помощники явно не обладали необходимой квалификацией и смутно понимали некоторые вопросы анкеты. К тому же не все вопросы оказались «работающими». Так, большинство опрошенных не знали своего возраста и возраста своих жен, сестер и детей. Удалось собрать сведения о 63 семьях, что составляло примерно $^3/_4$ их общего количества в деревне. Полученные данные по ряду вопросов могут рассматриваться как характерные для Бонгу в целом. Однако неполный охват не позволил судить о величине каждого клана (*вемуну*), об их численном соотношении, выявить в полной мере картину брачных связей. Отмечая несовершенство, даже легковесность этой «атаки с анкетами наперевес», нужно все же признать, что анкетирование как дополнение к традиционным методам полевой работы позволило в условиях острой нехватки времени (мы находились в Бонгу пять дней) получить более полное представление о социально-экономических и культурных процессах в этой деревне[10].

Предварительные результаты нашего второго пребывания в Бонгу изложены в статьях, опубликованных по возвращении из экспедиции [*Тумаркин* 1977, *Басилов* 1977, 1979, *Шамшуров* 1979, *Кальщиков* 1981]. Поэтому кратко остановлюсь лишь на наиболее важных итогах и расскажу о нескольких эпизодах, почерпнутых из моего дневника.

Прежде всего, удалось углубить наши представления об основных особенностях местных кланов, их соотношении с малыми семьями и деревней в целом, о наличии субкланов, о динамике местной социальной структуры (превращении субкланов в самостоятельные кланы и поглощении вымирающих кланов более многочисленными). В то же время выявлены два издавна существовавших клана (Кинальби и Балама), не зафиксированных в 1971 г. Установлено, что во времена Миклухо-Маклая этнокультурная группа бонгу жила не в трех деревнях (Бонгу, Горенду, Гумбу), как считал путешественник, а в четырех. Четвертое небольшое селение, Со-Банглю, было расположено недалеко от Гумбу. Удалось собрать интересный материал о функциях мужских домов в прошлом и настоящем, об особенностях обряда инициации, который совершался и в 1970-х гг., когда все бонгуанцы, по крайней мере формально, были обращены в христианство.

Наши наблюдения и беседы, а также анкетирование выявили значительное углубление имущественной дифференциации по сравнению с 1971 г. В 1975 г. с помощью контролируемого властями Банка развития ПНГ бонгуанцы выкупили большую кокосовую плантацию Меламу, основанную на их землях немецкой Новогвинейской компанией, а после Первой Мировой войны проданной австралийской фирме «Коконатс продактс лимитед». Формально плантация была передана кланам, владевшим этой землей до ее захвата колонизаторами. Но фактически большинством растущих там кокосовых пальм овладел бывший деревенский староста Каму. Так в Бонгу начала проявляться характерная и для других районов Океании «пальмовая парцеллизация», когда возникает частная собственность на значительные массивы имеющих товарное значение плодовых деревьев при формальном сохранении коллективной собственности на землю. Другой признак усилившейся имущественной дифференциации – появление у шести жителей деревни небольших стад крупного рогатого скота, приобретенных ими с помощью ссуд, предоставленных властями. В то же время общедеревенское стадо, существовавшее в 1971 г., было ликвидировано[11].

Мне довелось провести полдня на склоне одного из холмов, где находились огороды нескольких *вемуну*, поделенные на семейные участки. Спрятавшись от палящего зноя в огород-

ной хижине (*сапа*), я расспросил с помощью юноши, который знал английский язык, работающих тут бонгуанцев (в основном – женщин) о сезонности в выращивании разных культур, методах сохранения урожая, иерархии прав на землю и т.д., а потом осмотрел огороды. Здесь возделывали традиционные для папуасов бонгу культуры и те, которые интродуцировал *тамо русс*. Землю по-прежнему обрабатывали деревянными *удья* и *удья саб*, но использовали и железные топоры и ножи. Я обратил внимание на сеть оросительных канав, проходящих между огородными участками. По этим канавам дождевая вода, стекая по склону холма, скапливалась в небольшом пруду. Бонгуанцы сказали мне, что оросительные канавы существовали тут с незапамятных времен. Об этой примитивной ирригации, не характерной для папуасов северо-восточной Новой Гвинеи, ничего не сообщает Миклухо-Маклай. И мы не узнали о ее существовании в 1971 г., так как не осмотрели эти огороды.

Обследование 10 жилых домов показало, что у бонгуанцев появилось больше покупных вещей – одежды, посуды и т.д. В быт широко вошли электрические фонарики. Если в 1971 г. в деревне имелся только один портативный радиоприемник (у старосты), то теперь их насчитывалось более десятка. Бонгуанцы начали регулярно слушать передаваемые из Порт-Морсби на пиджине новости, познавательные передачи, разнообразную музыку – от традиционных мелодий новогвинейских племен и песен жителей других тихоокеанских островов до военных маршей, джаза и даже «хард рока». Это способствовало постепенному преодолению былой изолированности жителей деревни. Вместе с тем бонгуанцы продолжали широко применять традиционные деревянные и бамбуковые сосуды, глиняные горшки, циновки; дома сохранили прежнюю форму и строились только из местных материалов.

И.М. Меликсетова и автор этих строк посетили миссию и существовавшую при ней начальную школу. Выяснилось, что миссионер-американец Дик Хейтер вернулся в США и теперь миссию, которая перешла в ведение Евангелическо-лютеранской церкви, созданной в ПНГ, должен возглавить папуас, который окончил одну из духовных семинарий, появившихся в молодом государстве. Значит, и здесь проявился феномен, зафиксированный членами отряда на других островах Океании, – закат классического миссионерства. Но, как рассказал Джоэ Сомаэ, австралийские, европейские и американские религиозные организации, занимавшиеся миссионерской деятельностью на Новой Гвинее, сохранили здесь влиятельные позиции: предоставляли финансовую помощь местным церквам, снабжали их религиозной литературой, посылали наставников и преподавателей в духовные семинарии. Ситуация в религиозной сфере отражала общее положение в стране: правительство ПНГ ежегодно получало крупные субсидии от бывшей метрополии, во всех министерствах, полиции, армии и местных органах власти тон задавали австралийские советники. Можно утверждать, что в 1977 г. неоколониализм в ПНГ был отнюдь не отвлеченным понятием.

Очень интересным оказалось посещение Совета местного управления залива Астролябия, где мне впервые удалось побывать еще в 1971 г. Совет расположен в маленьком, специально построенном для него поселке Илег в 2 км от Бонгу. Как рассказал его председатель Гау Ябиле, полномочия этого органа, который состоял из *тамо боро*, делегированных жителями местных деревень, были несколько расширены после получения страной независимости, но он по-прежнему действовал под контролем провинциальной администрации. За шесть лет поселок сильно изменился. Здесь появились медпункт с фельдшером и почта, снабженная радиотелеграфом. На расчищенной от кустарника и высокой травы поляне оборудована взлетно-посадочная полоса для небольших самолетов. По словам Гау, сюда еженедельно прилетал восьмиместный самолет из Порт-Морсби с почтой, депешами, официальными лицами, а иногда и с состоятельными туристами. Неподалеку открылась опытно-показательная сельскохозяйственная станция. Ее сотрудники выращивали саженцы высокоурожайных сортов бананов и других плодо-

вых культур для раздачи жителям окрестных деревень. Они с гордостью показами мне участок с саженцами какао, который впервые начали возделывать в этих местах. С внедрением такой высокодоходной, ориентированной на экспорт культуры, как какао хозяйство бонгуанцев, в значительной мере еще сохранившее в 1977 г. потребительский характер (при наличии товарного сектора – заготовки и продажи копры), должно было сильно измениться, способствуя углублению имущественной дифференциации и развитию товарно-денежных отношений.

Находясь в Бонгу, я убедился в том, что память о *тамо русс*, уважение к нему не только не ослабли, но за шесть лет приобрели новые формы и, более того, распространились по всей Папуа-Новой Гвинее.

В первый день пребывания в Бонгу у меня произошла волнующая встреча. Из близлежащей деревни Богадьим на предвыборное собрание пришел лавочник (в прошлом школьный учитель) Джон Ботти. В руках у него была книга – перевод на английский язык новогвинейских дневников Миклухо-Маклая, выпущенный в 1975 г. маленьким издательством «Кристен пресс» в Маданге [*Mikloucho-Maclay* 1975]. Публикация этой книги была приурочена к провозглашению независимости ПНГ. У меня с собой был кассетный магнитофон с выносным микрофоном. Джон охотно согласился рассказать о своих впечатлениях от прочитанной книги и дать оценку деятельности русского ученого на Новой Гвинее. Нас окружили полтора десятка бонгуанцев, которые взволнованно слушали интервью Кони о *тамо русс*, хотя отнюдь не все понимали по-английски. Рядом оказался В.Г. Рыклин, который заснял эту сценку на кино и фотопленку. И сейчас, рассматривая фотографию и слушая магнитофонную запись, я живо вспоминаю случившееся 37 лет тому назад в Бонгу.

Фото 14. Д.Д. Тумаркин записывает предание о Маклае, которое рассказывает школьный учитель из соседней деревни, принесший в Бонгу английский перевод новогвинейских дневников Миклухо-Маклая, изданный в 1975 г. в Маланге

Английское издание новогвинейских дневников Миклухо-Маклая получило широкое распространение в ПНГ. Более того, на основе этих дневников была подготовлена серия передач на английском языке и пиджине, которую неоднократно транслировало радио Порт-Морсби. Эти радиопередачи сделали Миклухо-Маклая известным и популярным во всех провинциях ПНГ [*Тумаркин* 1997: 165].

Читатель, возможно, захочет узнать, устраивались ли в 1977 г. вечерние застолья. Вопрос законный, и я на него отвечу.

Едва мы, высадившись на берег, поселились в отведенной нам недостроенной хижине, как Каму и Абудзь (помните эти имена?) спросили, собираемся ли мы возобновить нама. Мы были к этому готовы, и уже в первый вечер начались застольные беседы, сопровождавшиеся обильным угощением (получаемым с корабля) и легкой выпивкой. Вновь в хижине установили специально

сколоченный длинный стол со скамейками по обеим его сторонам, только во главе стола на табурете сидел не австралийский чиновник, а Джоэ Сомаэ, а по левую руку от него почетное первое место занимал новый деревенский староста Сали. Рядом с ним восседал бывший староста Каму, который, оставшись членом деревенского совета, сосредоточился на развитии фактически присвоенной им плантации Меламу. Именно во время этих застолий, как и в 1971 г., этнографы получили много интересной информации как по некоторым аспектам традиционной культуры, так и о переменах, происходящих в Бонгу. Кроме того, пастор Абудзь, советуясь со стариками, рассказал три новых предания о Маклае, отчасти пересекавшихся друг с другом.

На первой же вечерней посиделке я вручил Сали книгу «На Берегу Маклая», изданную в Москве в 1975 г. Книга пошла по рукам. Бонгуанцы с огромным любопытством рассматривали многочисленные иллюстрации и радостно вскрикивали, узнавая на фотографиях жителей деревни. На титульном листе была дарственная надпись, сделанная на английском языке еще в Москве; ее подписали все авторы – члены этнографического отряда 1971 г. Абудзь, прочитав надпись, попросил добавить: «To abatra belong mipela» («Моим братьям»), что я с удовольствием исполнил.

Шесть лет назад бонгуанцы во время вечерних бесед держались довольно скованно, отвечали на наши расспросы, но сами вопросы задавать не решались и явно побаивались Крейга Саймонса. Теперь же они держались гораздо свободнее, охотно высказывались на самые различные темы и задавали нам много вопросов. Они с уважением относились к Джоэ Сомаэ, но, по-видимому, считали его «своим». Мне пришлось отвечать на вопросы о нашей стране (численности населения, главных городах, избирательной системе, климате, одежде, пище и т.д.). Сали сказал: «Это хорошо, что люди из Русии посещают Бонгу. Маленького обелиска на мысе Гарагасси недостаточно, Нужно поставить достойный памятник Маклаю там, где стоял его домик». А Абудзь под одобрительные возгласы других *тамо боро* заявил: «Вам интересно посещать места, где жил Маклай, а нам интересно увидеть Русию, родину Маклая. Не только вы должны сюда приезжать, но и нам следует побывать в Русии». Я обещал сообщить об их пожеланиях *тамо бороборо* («очень большим людям») в Москве.

Уже в 1976 г., после визита в Москву министра иностранных дел ПНГ Маори Кики, были установлены дипломатические отношения между двумя странами. Обсуждался вопрос об открытии советского посольства в Порт-Морсби. Но приглашение группы бонгуанцев в Москву в «верхах» сочли – не без оснований – слишком экзотическим и рискованным предприятием. Что же касается установки памятника в Бонгу, эта идея была в принципе одобрена. Я узнал, что московский скульптор Г.Д. Распопов создал в глине два скульптурных изображения Миклухо-Маклая (бюст и фигуру во весь рост) и готов безвозмездно предоставить отобранный вариант для установки в Бонгу, так что требовалось оплатить только отливку его в бронзе. Но Министерство культуры СССР тогда не смогло или не захотело изыскать необходимые средства.

Однако на этом не закончилась история с установкой памятника. В 1996 г., когда в России и Австралии торжественно отмечалось 150-летие со дня рождения Миклухо-Маклая, Сидней по приглашению австралийских властей посетила небольшая российская делегация во главе с Министром культуры РФ Е.Ю. Сидоровым. Автор этих строк, представлявший в делегации Российскую академию наук, вспомнил о работах Распопова и, несмотря на очень трудное финансовое положение в стране, Сидоров «выбил» из Минфина средства на изготовление по особой технологии (тонкостенного, полого внутри) бронзового бюста *тамо русс*. Надежно упакованный, он прибыл вместе с нами в Австралию в багажном отсеке самолета. 17 июля, в день рождения Миклухо-Маклая мы торжественно вручили этот дар Сиднейскому университету для установки на пьедестале возле здания музея, где хранится часть коллекций, собранных нашим знаменитым соотечественником, и развернута посвященная ему экспозиция [*Тумаркин* 1997а].

О пожеланиях бонгуанцев я рассказал известному путешественнику и кинодокументалисту О.И. Алиеву, несколько раз проводившему съемки в западной части Новой Гвинеи (принадлежащей Индонезии территории Западное Папуа). Вдова Г.Д. Распопова разрешила за некоторое вознаграждение заказать и изготовить бронзовый слепок со скульптуры, на которой *тамо русс* изображен во весь рост. Во время очередной экспедиции в западную часть Новой Гвинеи Олег Исламович не смог посетить Бонгу и привез ящик со скульптурой в небольшой портовой город Ванимо, расположенный вблизи границы с Западным Папуа. Здесь, на небольшом холме в парке гостиницы, принадлежащей знакомому ему европейцу, Алиев и установил памятник Миклухо-Маклаю. При его открытии в феврале 2000 г. состоялась торжественная церемония с традиционными папуасскими песнями и танцами (*сингсинг*), на которой присутствовали официальные лица ПНГ, включая губернатора провинции Маданг. Этот чиновник был вне себя от возмущения, справедливо полагая, что памятник *тамо русс* следовало установить в его провинции – в деревне Бонгу или, в крайнем случае, в городе Маданг.

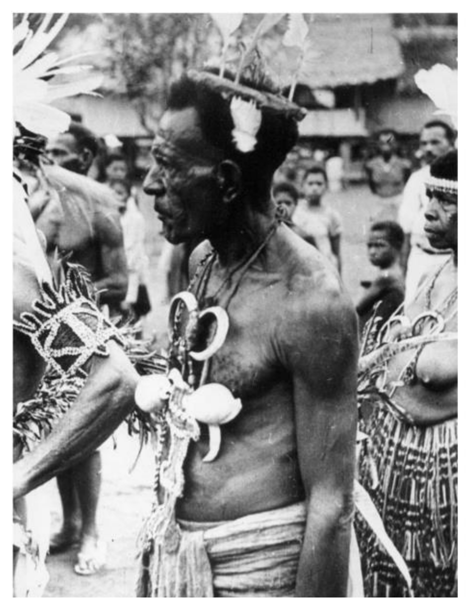

Фото 15. Танцор в традиционном убранстве

По приглашению капитана судна А.С. Свитайло и начальника экспедиции, известного гидробиолога Л.А. Пономаревой бонгуанцы (сначала мужчины, потом женщины) посетили «Дмитрия Менделеева». Как и в 1971 г., их провели по кораблю, угостили в кают-компании, а в столовой команды показали художественно-документальный фильм «К берегам далекой Океании», снятый в 1971 г. В.Г. Рыклиным и А.Н. Поповым (к сожалению, без английских субтитров). Гости очень внимательно, что называется, на одном дыхании, посмотрели это киноповествование. Но особенно понравилась им, естественно, та его часть, в которой рассказывалось о пребывании этнографов в Бонгу и устроенном тогда празднике. Они бурно реагировали, узнавая себя и других бонгуанцев. Несколько мужчин, посетивших судно в 1971 г., попросили показать «фильм про собаку». Киномеханик (он же матрос-моторист) быстро принес коробку с этой лентой, и снова помещение буквально сотряслось от восторженных криков и хохота. Фильм «Пес Барбос и необычный кросс» пожелали еще раз увидеть и бонгуанские дамы.

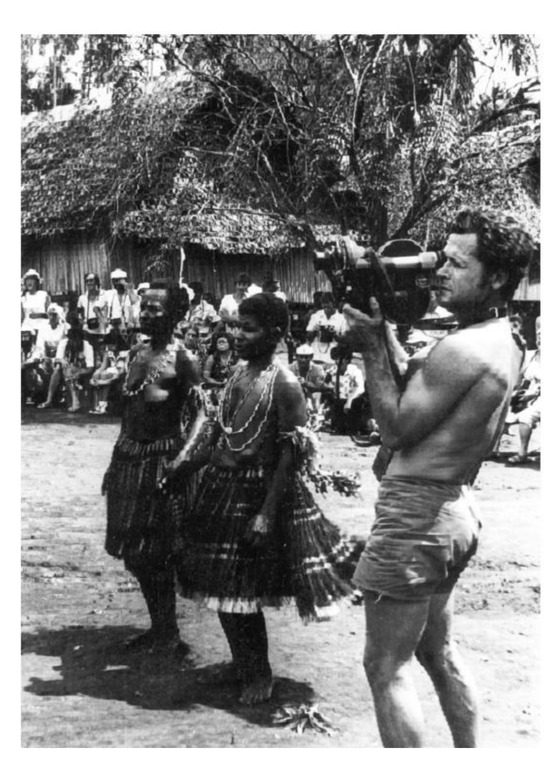

Фото 16. В.Н. Басилов с кинокамерой. На праздник приехали моряки и ученые с «Дмитрия Менделеева»

Сали объявил, что утром 17 февраля, в последний день пребывания этнографов в Бонгу, на деревенской площади состоится большой праздник в честь гостей из «страны Маклая». Он пригласил приехать на этот *сингсинг* ученых и моряков с «Дмитрия Менделеева».

Корабельный «десант» во главе с капитаном и начальником экспедиции насчитывал 103 человека, вооруженных фотоаппаратами, кинокамерами и портативными магнитофонами. Они расположились по периметру площади, а в центре ее начали происходить красочные, экзотические для них события. Праздник начался с сюрприза – пантомимы, в основу которой было положено одно из преданий о Маклае. В ней изображалось первое появление *тамо русс* в этих местах, его знакомство с жителем деревни Горенду по имени Тойя (в дневнике путешественника – Туй), посещение Маклаем этой деревни. (В землю был вбит шест с дощечкой, на которой было написано: GORENDU). Далее языком жестов и мимики рассказывалось о том, что островитяне по обычаю решили отдать чужеземцу в жены одну из местных девушек, но он отказался от этого предложения, и тогда жители заподозрили его в недобрых намерениях и сговорились его убить, когда он снова посетит Горенду. Маклай, придя в деревню, расстелил на земле циновку и лег спать в окружении вооруженных людей. Увидев это, Тойя сказал: «Смотрите, он не хочет сражаться, он вам доверяет. Не трогайте этого человека». Жители Горенду оставили Маклая в живых, а когда он проснулся и встал, подружились с ним[12].

Фото 17. Традиционное убранство воинов

Фото 18. Папуасские танцы

Пантомиму по ходу действия комментировал на пиджине Абудзь, а я переводил его объяснения участникам экспедиции. Пантомима была очень выразительно исполнена группой бонгуанцев в традиционных одеяниях, вооруженных копьями и дротиками. Роль Маклая, сидевшего первоначально на площади под табличкой «MAKLAI TAMO RUSS», исполнил молодой мужчина в шортах и белой рубашке.» Для достоверности» он надел панаму с узкими полями, но не смог найти подходящей обуви (Бонгуанцы и в 1977 г. не употребляли головных уборов и ходили босяком).

Затем гостям из «страны Маклая» были показаны старинные танцы. Их участники, как в 1971 г., надели традиционные танцевальные наряды и украшения, натерли тела до блеска кокосовым маслом, а лица разрисо-

Фото 19. Танцами руководит Таног

вали черной и белой краской. В руках у большинства танцоров были *окамы*, с помощью которых они четко отбивали ритм. Танцы сопровождались пением. Среди танцоров я заметил несколько юношей и молодых мужчин – свидетельство того, что древнее танцевальное искусство бонгуанцев в 1977 г. еще передавалось из поколения в поколение.

Но не вся молодежь в Бонгу придерживалась старинных обычаев. В то время как на площади исполнялись традиционные танцы, на окраине деревни несколько юношей демонстративно устроили «модерновый» концерт. Аккомпанируя себе на трех покупных гитарах, самодельном «ксилофоне» из бамбуковых стволов и самодельном однострунном басе-резонаторе, они исполняли мелодии, услышанные по радио, сопровождая их иногда, как мне сказали, сочиненными ими самими песенками на пиджине. Их слушали, подпевая и пританцовывая, около двух десятков юношей и девушек. Этот концерт символизировал перемены, происходившие в Бонгу.

Я недолго смотрел этот молодежный перформанс, так как нужно было поскорее возвращаться к хижине, занимаемой отрядом. Оттуда уже начали выносить ящики, баулы и другие вещи, чтобы перенести их с помощью бонгуанцев на берег, куда должны были прийти катер и шлюпка с «Дмитрия Менделеева». Провожала нас чуть ли не вся деревня. Сали сердечно попрощался с нами и выразил надежду, что Бонгу будут посещать не только ученые, но и другие гости из «страны Маклая».

Фото 20. Прощание с Таногом

На собрании этнографического отряда, состоявшемся после ухода «Дмитрия Менделеева» из залива Астролябия, мы подвели предварительные итоги работы в Бонгу. За пять дней было сделано немало, заполнены некоторые лакуны, но обозначились новые. Все члены отряда говорили о том, что необходимы длительные полевые исследования. В 1978 г. я и В.Н. Басилов сделали попытку отправиться в Бонгу на три месяца, но из-за обострения международной обстановки эта экспедиция не состоялась [*Тумаркин* 2013: 318–319]. С тех пор отечественные ученые по существу ни разу не работали в Бонгу и вообще на Берегу Маклая. Это очень огорчительно, так как здесь история как бы поставила своего рода эксперимент, позволивший сделать хронологический разрез глубиною больше чем в столетие. В 1871–1877 гг. в Бонгу проводил исследования Н.Н. Миклухо-Маклай, в 1971 и 1977 г. в этой деревне побывали этнографы с «Дмитрия Менделеева». Представляется весьма желательным снова провести полевые исследования в Бонгу, чтобы выяснить, какие изменения произошли здесь за последние четыре десятилетия.[13]

Примечания

[1] Жители Бонгу, Горенду и Гумбу, как видно из работ Миклухо-Маклая, говорили на одном языке (бонгу) и составляли определенную этнокультурную общность. Поэтому их можно с некоторыми оговорками считать одним племенем (в широком значении этого термина).

[2] Мы располагали словником языка бонгу, подготовленным по словарику, составленному Миклухо-Маклаем, и книге Ханке [*Тумаркин* 2013: 306–307].

[3] Новогвинейский пиджин (*ток писин*) – возникший в колониальной ситуации конца XIX – начала XX в. язык-гибрид, в котором фонетически измененная английская и немецкая лексика сочетается с обобщенной меланезийской грамматикой. Обнаружив в московской библиотеке учебное пособие по пиджину, я заказал несколько ксерокопий, составил краткий словник, размножил его и раздал членам отряда. Во время плавания мы спешно стали осваивать основы этого своеобразного языка.

[4] Трудно сказать, только ли уважением к памяти русского ученого руководствовался Дик Хейтер, организуя это празднество. Следует учитывать, что в те годы миссионеры при поддержке австралийских властей боролись с карго-культом, распространенным на Берегу Маклая. Приверженцы этого культа считали Маклая одним из своих божеств. Организуя празднование годовщины со дня рождения *тамо русс*, Хейтер, возможно, хотел подчеркнуть его земное, человеческое происхождение, совлечь с него «священный покров» и тем самым нанести удар по вероучению культистов.

[5] Филярии закупоривают лимфатические сосуды, преимущественно ног и мошонки, вследствие чего происходит прогрессирующее утолщение кожи и подкожной клетчатки, развиваются отеки. Папуасы не умели бороться с элефантиазом, да и западная медицина в XX в. не могла сколько-нибудь эффективно противостоять этой болезни, ограничиваясь массажем, мазями, а при острой необходимости хирургическими операциями. Лишь в 2007 г. появились первые лекарства, способные непосредственно влиять на филярии, разрушая их или подавляя их развитие.

[6] В 1972 г. «Центрнаучфильм» выпустил полнометражный цветной художественно-документальный фильм «К берегам далекой Океании».

[7] Миссионер Д. Хейтер в 1966 г. сказал В.О. Гурецкому, что знает «одного папуаса из деревни Бонгу и двух из окрестностей Маданга – всех трех зовут Маклаями» [*Гурецкий* 1969: 89].

[8] См. список литературы в моей статье, опубликованной в третьем томе «Антропологии академичсекой жизни» [*Тумаркин* 2013: 322–324].

[9] Наибольший вклад внесли три столпа английской школы социокультурного эволюционизма – Э. Тэйлор, Дж. Лёббок и Дж. Макленнан, разработавшие в своих трудах проблемы родовой организации, экзогамии, анимизма и т.п. [*Stocking* 1987: 150–170] Знание этой проблематики могло бы послужить своего рода ориентиром в исследованиях Миклухо-Маклая.

[10] Материалы анкетирования в Бонгу остались недостаточно разработанными, т.к. В.Н. Шамшуров (1941–1998), опубликовав по возвращении из экспедиции предварительные результаты, сразу возобновил активную научную деятельность по специальности, принимая участие в экспедициях, который проводил в стране сектор этносоциологии ИЭ АН СССР, а затем предпочел административную карьеру, став к середине 1990-х гг. заместителем Министра по делам национальностей. Сохранились ли опросные листы, заполненные в Бонгу, установить не удалось. Во всяком случае, их нет ни в секторе этносоциологии ИЭА РАН, ни в архиве этого института.

[11] Как мы узнали в 1971 г., бонгуанцы не доили коров и не употребляли в пищу их мясо, а ежегодно осенью резали нескольких животных и на арендованном мотоботе отвозили их туши на продажу в Маданг. Вырученные деньги расходовались на общедеревенские нужды [*Тумаркин* 1975а: 100–102].

[12] Этот случай, происшедший вскоре после первой высадки ученого в заливе Астролябия, отражен в его дневнике [*Миклухо-Маклай* 1990: 96–97], но там не говорится о том, что враждебность жителей Горенду объяснялась его нежеланием взять жену. Указанный мотив возник не случайно: Миклухо-Маклаю не раз предлагали жениться на местных девушках, но ученый, как он пишет, в таких случаях заявлял, что «Маклаю женщин не нужно» [*Миклухо-Маклай* 1990: 211, 266].

[13] В июне 2010 г. два молодых сотрудника кафедры этнографии истфака МГУ А.А. Винецкая и А.В. Туторский, совершившие поездку по островам Океании, провели пять дней в деревне Бонгу и сумели собрать интересный материал. Но, разумеется, научный туризм не может заменить полевые исследования.

Литература

Басилов 1977 – *Басилов В.Н*. Мужские дома в Бонгу // СЭ. 1977. № 6.

Басилов 1979 – *Басилов В.Н*. Некоторые итоги полевых работ в Папуа-Новой Гвинее // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979.

Вурм 1977 – *Вурм С.А.* Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе // СЭ. 1977. № 1.

Гурецкий 1969 – *Гурецкий В.О.* По следам Миклухо-Маклая // Природа. 1969. № 3.

Кальщиков 1981 – *Кальщиков Е.Н.* О материальной культуре населения некоторых районов Новой Гвинеи (полевые данные) // Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М.: Наука. ГРВЛ, 1981.

Миклухо-Маклай 1990 – *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 1. М.: Наука, 1990.

Миклухо-Маклай 1990а – *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 2. М.: Наука, 1990.

Миклухо-Маклай 1993 – *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 3. М.: Наука, 1993.

На Берегу Маклая 1975 – *На Берегу Маклая (Этнографические очерки).* М.: Наука. ГРВЛ, 1975.

Плахова, *Алексеев* 1981 – *Плахова М.Л., Алексеев Б.В.* Океания далекая и близкая. Путевой дневник художников. М.: Наука. ГРВЛ, 1981.

Тумаркин 1972 – *Тумаркин Д.Д.* По островам Океании (Этнографические работы во время 6-го экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева» // СЭ. 1972. № 2.

Тумаркин 1975 – *Тумаркин Д.Д.* По следам *тамо русс* (Советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М.: Наука. ГРВЛ, 1975.

Тумаркин 1975а – *Тумаркин Д.Д.* Хозяйство папуасов бонгу // На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М.: Наука. ГРВЛ, 1975.

Тумаркин 1977 – *Тумаркин Д.Д.* Новая встреча с Океанией // СЭ. 1977. № 6.

Тумаркин 1997 – *Тумаркин Д.Д.* «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа-Новой Гвинее // ЭО. 1997. № 1.

Тумаркин 1997а – *Тумаркин Д.Д.* В Австралии // ЭО. 1997. № 1.

Тумаркин 2011 – *Тумаркин Д.Д.* Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011.

Тумаркин 2013 – *Тумаркин Д.Д.* За морем телушка – полушка, да рубль перевоз (о двух этнографических экспедициях на острова Океании) // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М., 2013.

Хаген 1903 – *Хаген Б.* Воспоминания о Миклухо-Маклае у жителей бухты Астролябии на Новой Гвинее // Землеведение. 1903. № 2/3.

Шамшуров 1979 – *Шамшуров В.Н.* Анкетное обследование в новогвинейской деревне Бонгу (Предварительные результаты) // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979.

Biro 1901 – Beschreibender Catalog der ethnographischen Sammlung Ludwig Biro's aus Deutschen-Neu-Guineu (Astrolabe-Bai). Budapest, 1901 (Ethnographische Sammlungen des ungarischen Natioalmuseums, III).

Finsch 1888 – *Finsch O.* Samoafahrten. Reisen in Kaiser Wilhelms-Land und Englisch-Neu-Guinea in den Jahren 1884 und 1885 an Bord des Deutschen Dampfers «Samoa». Leipzig, 1888.

Finsch 1893 – *Finsch O.* Ethnologische Erfahrungen und Belegstücke aus der Südsee. Wien, 1893.

Hanke 1909 – *Hanke A.* Grammatik und Vocabularium der Bongu-Sprache. Berlin, 1909.

Lawrence 1964 – *Lawrence P.* Road Belong Cargo. A Study of the Cargo Movement in the Southern Madang District, New Guinea. Melbourne, 1964.

Mikloucho-Maclay 1975 – *Miklouchо-Maclay*: New Guinea Diaries 1871-1883 / Translated from the Russian with Biographical Comments by C.L. Sentinella. Madang, 1975.

Schmitz 1954 – *Schmitz C.A.* Zur Ethnologie der Rai Küste in Neuguinea // Anthropos. Bd. 54. 1954. № 1-2.

Stocking 1987 – *Stocking G.W.* Victorian Anthropology. N.Y.; L., 1987.

Г.А. Комарова

ЭКСПЕДИЦИЯ К БЕРЕГАМ МЕРТВОЙ РЕКИ

Посвящение в этнографическое сообщество – своего рода обряд профессиональной инициации (ААЖ 2008; 2010; 2013) я прошла в августе 1970 г. в абазинском селении Хабез, находясь в отряде Северо-Кавказской этнографической экспедиции МГУ под руководством Е.Н. Даниловой. Это была моя первая этнографическая экспедиция.

В последующие годы я познакомилась с исследовательским «полем» в его самых разнообразных ипостасях: «поле» – этнографическое, археологическое, этноархеологическое, этносоциологическое; отечественное и зарубежное; экспедиционное и стационарное; городское и сельское; традиционное и виртуальное и т.д., при этом постоянно и неизменно воспринимая «Его Величество Поле» как особую методологическую (эпистемологическую) проблему возможностей и пределов познания, как цель и средство исследования. Я была руководителем или участником свыше пятидесяти экспедиций и полевых выездов в различные регионы бывшего СССР (Карачаево-Черкесию (фото 1), Туркменистан (фото 2), Абхазию, Грузию, Чувашию, Калмыкию, Башкирию, Мари Эл, Татарстан, Южный Урал, Европейский Север, Литву, Латвию, Эстонию) и зарубежных стран (США, Японию (фото 3), Австрию, Израиль (фото 4), Финляндию).

В этнографическом поле я провела в общей сложности около восьми лет, из них свыше 400 дней вела полевые исследования в зоне повышенной радиации на Южном Урале. Случилось так, что в 1992 г. меня пригласили помочь в организации социологического опроса населения Челябинской области. Уже имея достаточный опыт подобных исследований, я отнеслась к поездке как к обычной «дежурной» командировке, даже и не подозревая на тот момент об «Уральском Чернобыле», Кыштымской аварии, атомном озере Карачай, «мертвой» реке Теча. Однако, очутившись на ее берегах, на радиационно-пораженных землях, где зашкаливают дозиметры и «звенит» всё: и трава, и речной ил, и камни, и земля в огородах, увидев лица, а главное, глаза людей, третье поколение которых без их желания и ведома, зачастую без элементарной медицинской и социальной помощи оказалось вовлеченным в убийственный круговорот радионуклидов, услышав множество трагических историй, жутких признаний жителей зоны повышенной радиации, я испытала страшное потрясение, просто «заболела» от потока обрушившихся на меня переживаний, знаний, эмоций, впечатлений…

Фото 1. Посвящение Г.А. Комаровой в этнографы (с. Хабез, 1970 г.)

Фото 2. Туркмения, 1971 г.

Вместе с тем, посещая дома, наблюдая, расспрашивая теченцев, я с первых же дней пребывания в зоне не могла не заметить, что в одних и тех же обстоятельствах ее жители ведут себя по-разному. И их поведение зависит не только от возраста, пола, уровня образования, степени материального достатка и т. п., но и от того, к какому этносу (башкиры, татары, русские, цыгане, украинцы, белорусы, немцы, эстонцы, казахи, мордва, чуваши) они принадлежат, какими этнокультурными нормами и религиозными воззрениями руководствуются в организации своей системы жизнеобеспечения. Я предположила, что в экстремальных условиях экоцида в регионе, ставшем, помимо воли его жителей, своеобразной лабораторией борьбы за выживание, этнические и конфессиональные особенности поведения представителей разных этнических культур могут служить важным фактором, который необходимо принимать во внимание для оказания помощи людям.

Фото 3. Осака, 2005 г.

Фото 4. Иерусалим, 2003 г.

Вернувшись из Челябинска в Москву, я поспешила поделиться наблюдениями, знаниями, эмоциями со своими коллегами. Но, к великому моему удивлению и сожалению, подавляющее большинство проявили или равнодушие к предполагаемому исследованию, или непонимание предлагаемого мной научного подхода, а то и резкий от-

пор; в частности, этноэколог В.И. Козлов утверждал, что «не дело этнографов лезть в эти проблемы».

В результате в челябинские села радиационно-зараженной поймы реки Теча мне пришлось ездить в одиночку. Мои экспедиции в зону повышенной радиации не только отличались от всех прочих полным отсутствием какой-либо полевой «романтики», но и сопровождались порой драматическими и даже трагическими событиями, а также постоянными социально-бытовыми, научно-организационными трудностями и огромными психофизическими нагрузками. Об этом невозможно рассказать «в двух словах». Это опасность облучения при полной дезинформации о его источниках; огромные расстояния и транспортные проблемы; отсутствие «чистых» продуктов питания, элементарных санитарно-гигиенических условий, а самое главное – безопасной воды; необходимость использовать «в поле» специальную одежду и обувь, стараясь при этом не выглядеть «чучелом» в глазах местных жителей. В результате приходилось весь день таскать с собой тяжелый рюкзак с необходимым рабочим оборудованием, запасной одеждой, обувью, водой, едой, «сувенирами», лекарствами, заказами информантов и др.

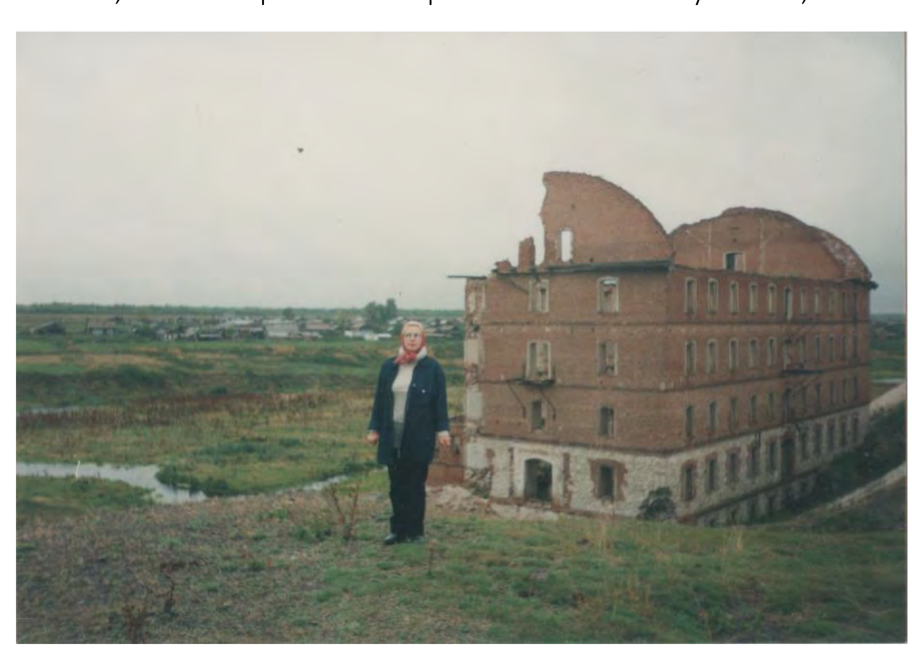

Фото 5. В пойме радиационнозараженой реки Теча (1997 г.)

Большую проблему для исследования представляли также, с одной стороны, апатия и недоверие жителей зоны, уставших от праздного внимания прессы и бесконечных «гостей», а с другой – неусыпный контроль со стороны разного рода «органов», объявивших в августе 1994 г. пойму р. Теча «особой зоной». Так сложилось, что после обнародования данных о теченской трагедии туда хлынули десятки «интересантов»: журналисты, сотрудники ТВ, челябинские чиновники, кандидаты в депутаты, активисты национальных движений, «зеленые» и просто туристы. Они обычно приезжали в ближайшее к железной дороге село Муслюмово на 2–3 часа, «общались с народом», фотографировали Течу, село, его жителей, себя на их фоне и исчезали. Особую группу посетителей Муслюмова составляли представители различных отраслей науки, прежде всего зарубежные ученые: почвоведы, экологи, радиобиологи и т. п. Практически никто из них не работал в зоне. Как правило, оценив обстановку, они организовывали работу с помощью местных кадров и руководили ею издалека. Другие труднодоступные населенные пункты, расположенные в зоне повышенной радиации по берегам Течи, вообще не пользовались вниманием СМИ и научной общественности. Поток посетителей в зону, продолжавшийся до августа 1994 г., вначале оживлял жизнь села. Люди охотно шли на контакты с гостями. Однако со временем интерес исчез, появились разочарование, раздражение и справедливое требование: «Сколько можно любопытствовать?! Помогите выжить!»

Разумеется, время уже стерло в памяти подробности экспедиционной повседневности тех лет. Но некоторые её детали сохранил, в частности, материал, опубликованный в 1996 г. в

«Независимой газете». Корреспондент этой газеты Н.А. Ажгихина писала: «С этнологом Галиной Комаровой мы познакомились на научном симпозиуме, где ее доклад об этносоциальных проблемах населения "уральского Чернобыля" взволновал всех. Поразили не только научное изложение фактов и цифр, выводов и наблюдений, демонстрация карт и схем. Главное – собранные ею исповеди, признания, истории самых обыкновенных людей, продолжающих жить в условиях экологической катастрофы. И еще то, что эта сугубо городская по виду, отнюдь не атлетического сложения женщина по собственной инициативе несколько лет подряд выезжает в глухие села под Челябинском, чтобы изучить и обобщить всё, что происходит там с людьми, чтобы помочь им. Вот что рассказала исследовательница о своей работе в зоне повышенной радиации, отвечая на вопросы редакции «НГ».

– Как Вы впервые попали на Южный Урал? Каким образом вообще появилась в Вашей жизни эта тема?

– Мои коллеги-социологи пригласила меня помочь в организации опроса населения Южного Урала. Я согласилась, даже не подозревая, что окажусь в районе «генеральной репетиции Чернобыля». О «мертвой реке» Теча я не знала ничего... Но мне пришлось делать выборку в теченском селе Муслюмово, находящемся в зоне повышенной радиации. Побывав там, я буквально «заболела» от потока обрушившихся на меня впечатлений.

– И вы поехали в зону заражения, где уровень радиации превышает норму во много раз?

– Как только появились возможности, прежде всего финансовые, я начала исследования в пойме реки Теча. Я пыталась сделать пусть и немногое, но то, что могу как профессионал: понять ситуацию, изучить систему жизнеобеспечения людей в нечеловеческих условиях существования, собрать и обобщить крупицы неоценимого народного опыта выживания в условиях экологической катастрофы, затем проконсультироваться с ведущими отечественными и зарубежными специалистами, чтобы по возможности помочь жертвам теченской трагедии.

К несчастью, мы и там «оказались впереди планеты всей»... Первый и крупнейший в СССР плутониевый завод ПО «Маяк» за весь период своей деятельности сбросил в Течу количество радиоактивных отходов, сопоставимое с результатами взрыва атомной бомбы в Хиросиме. Специалисты надеялись, что речная сеть Теча–Исеть–Тобол–Иртыш вынесет радионуклиды в океан и они разбавятся до безопасных концентраций. Но, к сожалению, их расчеты не подтвердились: тихая красавица Теча с очень слабым течением (всего 0,3 км/час) мгновенно превратилась из реки жизни в страшный источник заражения для сотен тысяч людей.

Фото 6. Г.А. Комарова и директор ПО «Маяк» М.И. Гладышев (Челябинск, 1993 г.)

– Ученые не рассчитали? Просто не думали о людях?

– Я убедилась, изучая различные материалы, архивы, мемуары, разговаривая с учеными и строителями, очевидцами и ликвидаторами трагедии, что во всем этом не было злого умысла. Создавая «ядерный щит Родины», ученые, по словам одного из них, работали не «только в потемках, но и под дулом пистолета Лаврентия Берия». Преступление состояло в другом: людей никто не поставил в известность. По данным моего опроса, свыше

80% населения узнали правду о происходящем лишь в 1989–1990 гг. И десятилетия люди пили зараженную воду, стирали белье, купались, поили скот, ловили рыбу, удивляясь ее белым глазам, собирали в пойме грибы и ягоды необычайных размеров, заготовляли высокую сочную траву, употребляли прибрежный камень для строительства и так далее. Более того, и по сей день пойма реки активно используется. И внутреннее, и внешнее облучение людей продолжается... В результате на берегах Течи возникла чудовищная уникальная лаборатория...

Конечно, радиация не выбирает. Но у меня сразу же вызвал профессиональный интерес тот факт, что в одних и тех же обстоятельствах люди ведут себя по-разному в зависимости не только от своего материального достатка, уровня образования, пола и возраста, но и от того, к какому этносу они принадлежат, какими этническими нормами и религиозными воззрениями обладают и руководствуются в своем поведении.

Никогда не забуду рассказ одного пожилого татарина о том, что из двух его сыновей, которые росли и жили вместе в одних и тех же условиях, в живых, как это ни парадоксально, остался тот, который, по словам отца, «забыл Аллаха». Выяснилось, что этот молодой человек, в отличие от своего умершего брата, нарушая нормы шариата, ел свинину, никогда не пил цельное молоко, которое считается наряду с медом лучшей пищей для истинного мусульманина, не совершал ежедневные омовения водой Течи, употреблял алкоголь и тому подобное.

– *Вы хотите сказать, что люди разных этнических культур ведут себя по-разному в зоне повышенной радиации? Кстати, а кто проживает там?*

– Жертвами радиационного заражения на Южном Урале стали люди самых разных национальностей – русские, белорусы, евреи, марийцы, украинцы, немцы... Но в силу объективных обстоятельств 29 сентября 1957 г. в зоне радиационного выброса с подветренной стороны оказались прежде всего селения, в которых большинство составляли татары и башкиры. А десять лет спустя ураган, разнесший радиоактивные отложения озера Карачай, посыпал вновь практически те же самые территории. Более того, и большинство населения поймы Течи составляли башкиры и татары. Этот факт позволил некоторым деятелям националистических движений, причем не местным, уральским, а заезжим, говорить о «татаро-башкирских заложниках ядерных сверхпрограмм», о геноциде татарского и башкирского населения Южного Урала. Я пыталась разобраться в этой проблеме и пришла к выводу, что геноцида не было, был и остается «экоцид», от которого в равной степени страдают все жители зараженных мест, независимо от этнической принадлежности. В печально известном селе Муслюмово на Тече татары составляют 82,7%, башкиры – 12,3%. И опять же не было в этом чьего-то злого умысла.

Фото 7. Г.А. Комарова в семье жертв радиационного заражения (Кыштым, 1992 г.)

Чудовищное я увидела в другом. Люди разных национальностей периодически обследовались в Челябинске, некоторых возили в Москву (при этом даже своим домашним они должны были говорить, что едут на курорт или на ВДНХ). Мне рассказывали и русские, и татары, и башкиры, что, не объясняя причин и не сообщая результатов, у них брали всевозможные анализы – даже спинной мозг, волосы, иной раз здоровые зубы...

Что касается этнических особенностей поведения людей в экстремальных условиях выживания, они могут в той или иной мере влиять на экологическую адаптацию людей, служить профилактическим средством или провоцировать заболевание, улучшить или усугубить положение человека. Такой вывод я сделала, проведя конкретное исследование в конкретных обстоятельствах.

Знания о воздействии радиации на организм человека до сих пор крайне ограничены, а проблема выживания людей в условиях радиационного загрязнения ещё недавно даже не поднималась. Например, ученые, в том числе этнологи, никогда не изучали социально-культурные последствия радиационного загрязнения, в частности – систему жизнеобеспечения различных этнических и конфессиональных групп населения, а также социокультурные особенности их поведения в зоне повышенной радиации. Представители различных научных направлений могут выделить свои аспекты в разработке этой проблематики. Исследовательское «поле» этнологов связано с пониманием механизмов культурной традиции, которая в своих локальных (этнических) вариантах, аккумулируя в условиях индустриально-урбанистического общества опыт прошлого, не всегда оптимальна для настоящего и будущего данной группы населения. С одной стороны, развитие культуры (в данном случае ядерной технологии) может подвергать человека смертельному риску; с другой – традиционная культура в условиях усиливающегося антропогенного влияния иногда теряет свое жизнеобеспечивающее значение, не только не предоставляя человеку адекватных механизмов для защиты, но порой своими нормами и предписаниями затрудняя инновационную деятельность. Тем не менее, иных средств для того, чтобы, по крайней мере, минимизировать негативные побочные влияния культурного прогресса, кроме самой культуры, у человека нет. В связи с этим сравнительный анализ различных этнических культур, занимающих общую экологическую нишу в условиях антропогенной катастрофы, способен сыграть существенную роль в изучении проблемы, помочь выработать политику, направленную на поддержание конструктивных и снижение деструктивных тенденций в обществе, способствовать переориентации его экологического мышления, социально-психологических установок и, прежде всего, перестройке моделей социального поведения людей.

– *Каков же уровень здоровья населения поймы реки Теча?*

– Свыше 96% опрошенных ответили, что они плохо себя чувствуют и связывают свои страдания с рекой. К сожалению, никакая сверхсекретность не защищала людей от болезней, особенно страдали те, чья жизнь была прочно связана с Течей. Особую группу риска составили те, чье половое созревание пришлось на годы наиболее активных сбросов. Не случайно, лишенные информации и медицинской помощи, они называли свои недуги «речкина болезнь». «Речкина болезнь» – следствие воздействия повышенной радиации на организм человека. Большинство заболеваний носят генетический характер, и самое страшное – даже не мутанты, которые рождаются в регионе, а мутация самих болезней...

За период с 1950 г. до начала 1990-х гг. на 41% увеличилась заболеваемость лейкозами. Рост общей смертности среди жителей, состоящих на учете, выше, чем у необлученных жителей этих же районов, на 17–24%. За период с 1980-го по 1990 г. на территории Челябинской области, подвергшейся радиоактивному заражению, увеличилась заболеваемость населения по всем основным классам болезней: рост заболеваемости по классу новообразований со-

ставил 21%, болезней системы кровообращения – 31%. Средняя продолжительность жизни у женщин – 47 лет, у мужчин – 45.

– Вы говорили, что женщины и мужчины в зоне повышенной радиации также ведут себя по-разному?

– Да. Практически все обязанности, связанные с уходом, воспитанием, образованием детей, в зоне заражения выполняют женщины. И в обычных условиях – это огромный труд, а в условиях радиации – ежедневный подвиг. Представьте себе состояние матери, которая каждый день должна думать не только о том, где и на что купить продукты, как накормить своих близких, но еще и о том, как обезопасить напичканные нуклидами молоко, картошку, мясо... Именно такие женщины-хозяйки сообщили мне множество своих «рецептов выживания»: это способы приготовления «полезной» пищи, приемы ухода за скотом, выращивания и сохранения овощей, рецепты народной медицины и др. Материалы исследования продемонстрировали, что большинство в группе активных теченцев составляют женщины. Именно они чаще мужчин обращаются к своей традиционной этнической культуре, рациональным и иррациональным способам профилактики и самолечения болезней, к рецептам народного лечебного питания, приемам личной гигиены, традиционным способам ведения подсобного хозяйства. Наряду с этим, среди тех, кто стремится внедрять инновации в быт семьи, обращается к тому новому, что, по их мнению, является средством защиты от заболеваний, также лидируют женщины. В целом, женщины в условиях экологической катастрофы оказались более жизнестойкими, чем мужчины, прежде всего потому, что именно они более ориентированы на спасение не только своего здоровья, но и жизни своих близких, прежде всего детей.

Фото 8. Село Муслюмово, 1995 г.

Опрос женского населения зоны показал, что представительницы активного типа поведения проявляют повышенный интерес и обеспокоенность собственным здоровьем, судьбой и здоровьем своих родных, близких и, прежде всего, детей, что является необходимым условием мобилизации внутренних ресурсов и повышения активности человека в экстремальных условиях. Экстремальные условия жизни в зоне заставляют именно женщин творчески мыслить и искать решения жизненных проблем. В группу теченок с активной жизненной позицией входят представительницы разных этнических групп. Большинство их имеет специальное среднее или высшее образование. Среди них есть верующие женщины, но практически нет правоверных мусульманок.

Наряду с этим, велика доля женщин, ставших жертвами трагических обстоятельств. Так, при изучении социально-гигиенического статуса населения, проживающего в зоне радиоактивного заражения, было выявлено, что у теченских женщин уровень реактивной тревожности и особенно уровень длительной тревожности выше, чем у мужчин. Именно у женщин уровень

длительной тревожности значимо возрастает с увеличением возраста и при наличии хронических заболеваний. Печальным фактом стало и то, что заметно возросла доля женщин среди тех теченцев, кто считает водку единственным спасением от повышенной радиации и часто использует ее как средство для уменьшения физических страданий и психоэмоционального напряжения. Пьют женщины разных национальностей, в том числе и татарки, и башкирки. Но среди них нет ни одной истинной мусульманки.

Подводя итог, можно сказать, что именно женщины, будучи в целом более чувствительными и уязвимыми, в экстремальных условиях оказываются и более жизнеспособными. Именно они борются за жизнь и здоровье своих близких до конца. Об этом мне неоднократно рассказывали сельские медики, прекрасно знающие истории болезней всех жителей зоны, отмечая, что если в семье заболевает женщина – жена, мать, хозяйка, – то и вся семья гибнет. Мужчина, оставшись один на один с бедой, как правило, начинает пить. Это типичная мужская реакция на проблему.

– А Вы верите, что усилия Ваши и таких, как Вы, специалистов способны будут остановить чудовищную машину разрушения экосферы?

– Я не рассматриваю свою работу столь масштабно. Делаю то, что могу. Я оказываю помощь конкретным людям в конкретных обстоятельствах: помогаю получить социальные льготы, медицинскую и гуманитарную помощь, выступаю с лекциями, докладами, статьями. Например, в местной прессе, причем не только на русском языке, публикую те советы, рекомендации, результаты моей работы, которые прошли надежную экспертную оценку специалистов.

К сожалению, зачастую специалисты видят проблему в таком масштабе, который намного превосходит срок человеческой жизни. Но ведь люди живут первый и последний раз, без репетиций... А эти узковедомственные интересы, неписаные законы гильдии! Я очередной раз столкнулась с тем, что есть медицина для элиты, наука – для элиты, информация – для избранных... Кстати, были у меня случаи, когда московские научные авторитеты поражались, услышав об открытиях простых сельских жителей (например, деревенские женщины обнаружили, пользуясь бытовым дозиметром, что плесень поглощает радионуклиды, и продукты, очищенные от нее становятся более безопасными). Оказывается, специалисты тоже ведут подобные опыты, но в лабораторных условиях. «Их, наверное, японцы научили!» Нет, с японцами жители зоны контактов не имели. Но, возвращаясь к вашему вопросу, должна сказать, что я не единственная, кто пытается как-то *изменить ситуацию.*

Я знаю медиков, экологов. Огромную работу ведет социально-экологический союз, создавая концепцию социально-экологической реабилитации зараженных районов. Я уж не упоминаю о тех бесчисленных министерствах, ведомствах, учреждениях, государственных служащих, которые обязаны заниматься проблемами населения Южного Урала по долгу своей службы и не первый год получают на это средства – так называемые «экологические» деньги. К сожалению, мои информаторы об их деятельности ничего не знают. И их внимания и заботы на себе не ощущают. Сейчас у меня появилось много друзей, помощников, единомышленников на Урале. Но существует еще одна сложность в работе: уж очень не любят исследователей местные власти, особенно после августа 1994 г., когда каждый камень в зоне повышенной радиации был вновь объявлен собственностью государства и началась локальная «охота на ведьм».

– Вы – мужественный человек?

– Абсолютно нет... Хотя иной раз совершаю неожиданные для самой себя поступки: вот, в прошлом апреле моя крохотная собачка прыгнула в Москва-реку, напротив «Президент-отеля», и стала тонуть. Не успев опомниться, я сама оказалась в воде... Было очень холодно,

грязно, противно, но мы обе остались живы и даже не заболели. Но, конечно же, это не мужество, это скорее безрассудство.

– Вам было страшно «в поле»?

– Было. Вообще первое время я пыталась увидеть какие-то следы, отметины, запахи повышенной радиации. Но всё это невидимо, неслышимо, неосязаемо. Однажды мы стояли на берегу Течи, а ее вброд переходила очень пожилая женщина. Она поскользнулась, и я хотела помочь, меня удержали за руку: «Туда нельзя!» – «А как же она?» – «Она привыкла». И тогда, я помню, испугалась. Было страшно в местной столовой, где пища готовится в основном из местных продуктов. Но вообще-то я стараюсь всё – и еду, и воду – брать с собой. Было не по себе ночевать в местной гостинице, где я оказалась единственной женщиной, кроме горничной, которая сама спасалась в моем номере в то время, как в коридоре до рассвета дюжина «златоротых» молодцов, упакованных в кожу, в огромных нутриевых шапках, гортанно перекрикивая друг друга, азартно занимались дележом денег, сваленных на стол. Просто Эверест из засаленных купюр!

– Как отнеслись родные к вашей работе?

– Моя мама последние годы жизни была тяжело больна и, конечно же, я скрывала всё, что могло ее огорчить. Она так и не узнала, зачем (на самом деле) я уезжала в командировки на Южный Урал... Муж всегда с пониманием и уважением относится к моей научной деятельности. Но именно в эти годы он в основном работал за границей и оказать какую-либо реальную помощь мог только советом. Я очень благодарна сыну за полную компьютеризацию моего исследования. На всех его этапах – от составления анкеты до обработки полученных материалов – он во всем очень помогал мне.

– Кто для вас эталон ученого?

– Мой муж. Он археолог по образованию, но занимается широким спектром социогуманитарных наук: этнография/этнология, этноархеология, этнополитология, этнолингвистика, религиеведиение. Долгие годы я наблюдаю, как он работает: не просто трудоголик, а наукомен, наука для него – образ жизни ...

– Собираетесь ли вы продолжить свою работу?

– Исследование на Южном Урале я проводила помимо своей основной работы в ИЭА РАН. В ближайшее время я едва ли смогу повторить подобную акцию в одиночку. Но если будут единомышленники – я готова. Пока систематизирую богатейшие материалы. Надеюсь, что мне удастся их издать. И в любом случае постараюсь продолжить помощь тем, кто остался на берегах Течи.

Теченская проблема не исчезнет сама собой. С первых минут пребывания в зоне радиации я поняла: людей надо не просто учить правильному образу жизни, но выселять из этих мест. Но средств на это нет ни у людей, ни у государства. А надо жить сегодня! Тем более что проблема выживания в условиях повышенной радиации актуальна не только для Южного Урала: тень Чернобыля покрыла 14 регионов России. А в самом Чернобыле растет число самоселов» [*Ажгихина* 1996].

* * *

Сегодня к тексту, опубликованному много лет назад, можно добавить лишь одно. В начале «лихих, голодных и смутных» девяностых годов любая экспедиция сопровождалась массой всевозможных проблем. Но моя полевая работа в зоне повышенной радиации на Южном Урале более всего осложнялась еще и тем, что до начала 1990-х гг. проблема выживания людей в условиях радиационного загрязнения в силу известных причин не подлежала обсужде-

нию. Этнокультурные аспекты радиационного загрязнения как следствия самых мощных в истории человечества техногенных катастроф вообще не исследовались.

Мое исследование представляло собо1 первый опыт в этом направлении и поэтому постоянно требовало разработки особых методико-методологических подходов [*Комарова* 2003]. Многое нужно было делать впервые, начинать с нуля. Но мне очень повезло в том, что в ходе реализации проекта я имела возможность общаться с представителями самых различных наук в той или иной степени занимавшихся проблемами радиационного загрязнения. Именно постоянное взаимополезное общение (совместная работа, рекомендации, экспертизы, верификация полученных материалов и т.д.) с отечественными и зарубежными учеными: медиками, психологами, социологами, радиобиологами, биофизиками, специалистами по лечебному питанию, экологами, генетиками, цитологами, почвоведами, а главное – использование в работе междисциплинарного исследовательского подхода, помогли мне в решении многих научных задач.

В частности, в первые два–три года мне довелось скоординировать свою работу с комплексным медицинским и цитогенетическим обследованием населения, проводимым группой генетиков и врачей под руководством известного цитогенетика, зав. сектором медицинской генетики Института цитологии и генетики СО РАН, к.б.н. Н.А. Соловьёвой. Эта научная группа в рамках программы международного сотрудничества на Южном Урале проводила исследование генетического эффекта от действия радиации на человека. «Цель работы состояла в том, чтобы выявить повреждения в структуре ДНК населения, облучившегося в результате заражения р. Теча. В задачу входили клинические исследования пострадавших для выявления патологических состояний, коррелирующих с повреждением генетических структур, а также оценка генетического и клинического статусов населения, пострадавшего от мощного заражения и далее подвергавшегося в течение более сорока лет действию малых доз радиации» [*Соловьёва* 1994:11].

Мною была разработана и апробирована специальная анкета для изучения системы жизнеобеспечения жителей зоны, прошедших предварительное общемедицинское и цитогенетическое обследование. Методика многофакторного исследования системы жизнеобеспечения жителей зоны была разработана и внедрена с учетом их этнической и конфессиональной принадлежности. Для моего исследования крайне важную часть нашей совместной с Н.А. Соловьёвой работы составляло анкетирование населения в совокупности с анализом клинических данных. Оно было нацелено на то, чтобы выявить комплекс жалоб и нарушений, специфичных для пострадавших, а также выявить, с какими факторами среды люди связывают свои болезни. Анализ клинических данных позволял экстраполировать проявление генетических нарушений на уровне организма [*Соловьёва* 1994; 1994а]. Уникальность и ценность проведенной Н.А. Соловьевой и ее коллегами работы состояла также и в том, что обследование больных и членов их семей проводилось ими непосредственно в самой зоне. Всё это имеет огромную научную значимость и даёт возможность верифицировать многие данные, полученные в результате использования других источников. К величайшему сожалению, внезапная кончина Нины Александровны Соловьёвой и болезнь других членов ее группы не позволили реализовать полностью этот проект.

Обработка материалов, полученных в ходе этносоциологических обследований, была произведена сотрудниками Калужского института социологии, специализирующимися с конца 1980-х гг. на исследовании экологических последствий радиационного загрязнения на территориях бывшего СССР. Мои этнографические материалы и данные разнообразных этносоциологических обследовании дополнялись материалами социологов, медицинской статистикой, данными, полученными в мировых научных центрах, в том числе таких, как Международный центр по изучению последствий радиационного заражения (г. Хиросима), MIT (г. Бостон) и др.

Очень полезным и крайне интересным способом верификации данных стал сбор экспертной информации. В ходе многочисленных экспертных интервью с ведущими специалистами в области радиационной медицины, гигиены питания, радиологии, биофизики, почвоведения, психологии и т.п. – сотрудниками научных институтов и ВУЗов гг. Челябинск, Екатеринбург, Москва, Обнинск, Калуга, Дубна, а также с зарубежными учеными из США, Японии, Канады, Израиля, Англии, Чехии были получены очень важные материалы. Особую ценность результаты экспертных оценок и научных консультаций с ведущими специалистами представили при решении основной научно-практической цели проекта. Именно специальные интеграционные исследования в зоне повышенной радиации позволили, по крайней мере, для взрослого человека, выявить определенную корреляцию уровней инкорпорации радиоизотопов со стереотипами его поведения в зоне заражения. Представители разных наук (радиологи, медики, генетики, психологи и др.) пришли к выводу о том, что, в отличие от острого одномоментного облучения в результате ядерного взрыва, при проживании людей в зоне радиационного загрязнения формирование индивидуальной дозы человека связано не только с ситуационными факторами (положение по отношению к источнику излучения, наличие экранов и т.д.), но и с поведением самого человека. Иными словами, асимметричное распределение индивидуальной дозы внутреннего облучения со сдвигом в сторону высоких значений формируется не случайным образом, а под воздействием поведенческих стереотипов. Сделать подобный вывод помогли, в частности, мои экспедиционные материалы, собранные в исследовательском поле в пойме радиационно-зараженной реки Теча.

** Работа выполнена в рамках проекта 6.5. по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».*

Источники

ААЖ 2008 – Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с.

ААЖ 2010 – Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. – 333 с.

ААЖ 2013 – Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. – 376 с.

Ажгихина 1996 – *Ажгихина Н.А.* Четыре года на «мертвой»: речке // Независимая газета. 13.05.1996.

Комарова 2003 – *Комарова Г.А.* «ПредТеча Чернобыля». М.: ИЭА РАН. 2003.

Комарова 2012 – *Комарова Г.А.* Опыт интеграции. М.: ИЭА РАН. 2012.

Соловьёва 1994 – *Соловьёва Н. А.* Выявление генетических нарушений у детей, проживающих в Челябинской области на радиационно-загрязненных территориях. Новосибирск, 1994.

Соловьёва 1994а – *Соловьёва Н.А.* «Муслюмовский синдром» // После холодной войны: разоружение, конверсия и безопасность. Красноярск, 1994а.

М.Л. Бутовская

АФРИКАНСКАЯ САГА: КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, БЭБИ ЦИКЛОПЧИК, ХАДЗА И ДРУГИЕ

Долгая дорога к хадза

Когда в нашей стране упоминают о работе с «первобытными» племенами, то одним из первых по праву называют имя Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Его отвага и выдержка, а также умение ладить с далеко не мирными папуасами (этот исследователь работал на Новой Гвинее) – достойный пример для каждого современного антрополога. Не случайно ведущий в стране институт, занимающийся изучением народов и культур в прошлом и настоящем, Институт этнологии и антропологии РАН носит имя этого выдающегося ученого. О далеких странах и аборигенах Африки, Австралии или Южной Америки каждый из нас читал в детстве. И, конечно, многие мальчишки и девчонки представляли себя первобытными охотниками, строили шалаши и хижины на деревьях, мастерили луки и стрелы и соревновались в меткости стрельбы из этого оружия. В дни школьных каникул они целые дни проводили в своих убежищах, собирали фрукты и ягоды в лесу или в садах у соседей и с удовольствием жарили на костре сосиски, представляя, что добыли на охоте как минимум дикого кабана или антилопу. Между тем, охотники-собиратели – это не легенда из далекого прошлого человечества, а реалии наших дней. Таких культур на земле остались считанные единицы, но они есть, и способ их жизни во многом схож с тем, который был у наших предков, еще не знавших сельского хозяйства и скотоводства. И с одной из таких культур – хадза Танзании – мне и моим коллегам (в разные годы в экспедиции принимали участие сотрудники и аспиранты нашего института – Буркова Валентина Николаевна, Дронова Дарья Алексеевна, Драмбян Михаил Игоревич, сотрудник МГУ Карелин Дмитрий Витальевич) (Фото 1-8) посчастливилось тесно работать в последние 8 лет. К настоящему времени часть материалов по экспедиционным исследованиям в северной Танзании уже опубликована нами в отечественных и зарубежных научных изданиях (1-12). Сама возможность такой работы – фантастическая удача. Так или иначе, чтобы это стало возможным, должно было совпасть несколько независимых (как говорят статистики) переменных. Первая из которых – попасть в Африку и получить официальное разрешение на работу с аборигенным населением Танзании

Фото 1. Встреча со старыми знакомыми по дороге в Эндомагу. Октябрь 2008. Фото В.Н. Бурковой

Фото 2. Валя Буркова с Пандой Млеко, лидером одного из хадзабских бэндов. Сентябрь 2007. Фото М.Л. Бутовской

Фото 3. Автобиографическая история Панды Млеко – увлекательная повесть о человеке, живущем в мире охоты и собирательства сегодня. Сентябрь 2011. Фото Д.А. Дроновой

Фото 4. На собрании общественной организации хадза и датога, посмященном правовым вопросам собственности на землю. М.Л. Бутовская, Гудо (лидер одного из хадзабских бэндов) и наш полевой ассистент Момоя Мерус. Август 2011 г. Фото Р.О. Бутовского

Фото 5. С Пандишей и членами его бэнда. Август 2012 г. Фото Д.А. Дроновой

– была из разряда маловероятных. Основная сложность заключалась в том, что танзанийское правительство тщательно ограничивает доступ антропологов к хадза, а специальная комиссия по науке и технике, выдающая разрешение на полевые исследования, требует (вполне справедливо), чтобы в проекте всегда участвовали ученые с танзанийской стороны. Благодаря помощи тогдашнего директора Русско-Танзанийского культурного центра в Дар-эс-Саламе Рифата Кадыровича Патеева (дело было в 2005 г.) нам удалось найти такого партнера в Дарском университете; им оказался замечательный специалист по археологии и антропологии палеолита профессор Аудакс Мабулла (Фото 9). В дальнейшем все проекты мы осуществляли совместно Аудаксом и его помощь оказалась поистине неоценимой.

Фото 6. Работа с учениками начальной школы-интерната в Эндомаге (специальная школа для хадза). Август 2009 г. Фото Р.О. Бутовского

Далее нужно было добыть деньги на полевые исследования, и немаленькие, поскольку Танзания – страна не из дешевых, а в полевых условиях даже простая вода стоит огромных денег. К несказанному счастью мы получили финансирование на наши экспедиции от Российского гуманитарного фонда и, таким образом, работа среди хадза стала реальностью.

Фото 7. Момент работы. М.Л. Бутовская и Д.В. Карелин записывают голоса хадза. Аврель 2012 г. Фото Д.А. Дроновой

Оставалось последнее – прийтись ко двору самим хадза, так как ни правительство, ни бумажки, подписанные местными органами управления, ни задабривание подарками не могут заставить этих свободолюбивых детей природы делать то, что им не по нраву. Хадза – миролюбивый народец. Они не стали от нас убегать и уж, тем более, не пытались угрожать луком и стрелами. Нас приняли благожелательно и поинтересовались целями визита.

В одних бэндах[1] люди соглашались на интервью с нами, в других разрешали также провести антропометрические измерения по короткой программе. А в третьих – следовал твердый отказ: делать что-либо в рамках вашей программы исследований не будем. И точка.

Фото 8. На измерениях. Август 2011 г. Фото Р.О. Бутовского

Но хадза – небольшая популяция, а исследования по физической антропологии и этологии требуют большого объема выборки. Так что мы запаслись небывалым терпением и постарались вести себя максимально тактично по хадзабским меркам. Со временем, даже в группах, где прежде никто не желал участвовать в антропологических исследованиях, стали соглашаться отдельные личности (это могли быть пожилые мужчины и женщины, сам лидер бэнда или молодые люди, пришедшие в гости). А коли начало положено, то и другие хадза постепенно «сменили гнев на милость». Со временем мы стали для многих хадза знакомыми, а для некоторых из них – близкими друзьями, которым всегда рады и которым стараются искренне помочь. Правда, чтобы это произошло, потребовалось время, много времени. Вот почему полевые исследования среди охотников-собирателей – дело не одного года. Мои коллеги, ведущие специалисты по культуре хадза, работают в этом племени всю жизнь, и сами хадза считают их представителями своей культуры. Белым хадза и «одним из нас» именовали Джеймса Вудборна (британского антрополога, работающего среди хадза с конца 50-х гг.) мои друзья хадза. Понять и объективно оценить какие-либо действия в отличной от собственной культурной среде чрезвычайно сложно: довлеют усвоенные с детства нормы и стереотипы. Но только такое понимание другой культуры позволяет делать качественные антропологические описания. В противном случае можно получить череду анекдотов и «мифов» о кровожадных дикарях или пасторальные и благостные картинки «эпохи первобытного коммунизма».

Фото 9. В дар эс салаамском университете с коллегами антропологами. Профессор Аудакс Мабулла, М.Л. Бутовская и доцент Пастори Бушози. Январь 2013 г. Фото Р.О. Бутовского

Осваивать премудрости полевого быта нам пришлось буквально с нуля (Фото 10, 11). Весь опыт туристических походов здесь, в Африке, мало полезен. Путешествие всегда начинается с Дар-эс-Салама. В видавший виды джип «Тойота» 1988 г. выпуска, прозванный нами «бэби Циклопчиком» по причине потери одной большой фары, загружается неимоверное количество скарба (необходимое для исследования антропометрическое оборудование, опросные листы, дневники и другие сопутствующие предметы), хозяйственные принадлежности (начиная с лопаты, пилы, молотка, мотков веревки и заканчивая мешками для мусора: в поле купить что-либо не представляется возможным, а мусор мы никогда не оставляем, дабы не загрязнять среду), туристическая плитка и газовые баллончики к ней (благо, в Даре сегодня можно приобрести один из вариантов), медикаменты (что может понадобиться в критический момент предсказать никак нельзя, так что нужно иметь под рукой все основные средства, начиная с антибиотиков и средств от малярии и заканчивая мазями и спреями от ожогов и ран). Принимая во внимание предшествующий опыт, в арсенале имеются также противогрибковые и противочесоточные средства для хадза, равно как и профилактические средства для нас самих. Существенное место в машине занимают продукты (крупы, консервы, сухое печение), словом, то, что не портится на жаре и хорошо упаковано, дабы не стало провиантом для местных муравьев и термитов.

Фото 10. В африканских поездках мы научились готовить кофе в любых условиях. Ибага. Май 2013 г. Фото Р.О. Бутовского

Важно выбраться из Дара до утренних пробок, так что мы стартуем на сафари в полной темноте, примерно в 4.30 утра, и наш добрый друг, директор русско-танзанийского культурного центра, заступивший на смену Рифату Кадыровичу Патееву, Евгений Анатольевич Калашников машет нам на прощанье рукой. Проскакиваем город на полной скорости и выбираемся на трассу. Теперь можно несколько перевести дух, здесь дорога менее загружена и пробок не ожидается. Зато по всей трассе от Дара до Аруши теперь разбро-

Фото 11. Наш танзанийский дом под горой близ с. Горофани. Район озера Эяси. Январь 2013 г. Фото М.Л. Бутовской

саны «лежачие полицейские» преогромного размера и скорость на подходе к каждой деревне (а их великое множество) не должна превышать 40 км, а в некоторых случаях и 30 км. Дабы водители не расслаблялись, в помощь «копам» стоят другие копы – в белой одежде и с измерителями скорости; они с вожделением штрафуют всех, кто игнорирует дорожные знаки. Впрочем, к нам дорожная полиция порой проявляет дружественную симпатию, особенно, узнав, что мы русские. Пожурив за невнимательность, отпускают, напутствуя впредь быть более осторожными. На огромном перегоне примерно в 150 км (по обе стороны тянутся поля сезаля[2] и окутанные голубоватой дымкой романтические Узумбарские горы) машина начинает барахлить и останавливается. Неимоверная жара, вокруг никакого жилья, а также и тени. Поднимаем капот и обнаруживаем, что с одного из аккумуляторов слетела клемма. Можно вздохнуть спокойно – клемма возвращается на место, и мы вновь в пути. Но машина не тянет и двигается черепашьей скоростью даже там, где можно ехать под 100 км. Уже на последнем издыхании добираемся до шамбы (ферма на суахили) наших арушских друзей Личей и попадаем в теплые объятия Ларисы, Тома и других членов семейства (включая команду добродушных собак и кошек).

Фото 12. Лара Лич в обществе четвероногих питомцев на собственной кухне. Январь 2013 г. Фото М.Л. Бутовской

Фото 13. М.Л. Бутовская с Момоей Мерус и его женой Вероникой. Горофани. Август 2011 г. Фото Д.А. Дроновой

Смыв тонны пыли, проводим вечер в замечательной компании друзей, собак, кошек (Ролик, один из котов, играет в наших поездках знаковую функцию как символ удачи; и теперь он взобрался ко мне на колени и мурчит, заглядывая в лицо), гверец и галаго (последние, приветствуют нас криками, дождем мочи и объедками вечерней трапезы: здесь важно правильно расположиться на открытой террасе, дабы не подвергнуться подобной атаке). Поутру загружаем последние экспедиционные вещи: палатки, спальники и пенки, хранящиеся у наших друзей, и вновь в дорогу. Лариса с Томом заботливо готовят нам термос с кофе и бутерброды. Том дает последние советы по уходу за нашим Циклопчиком. Путешествие до Горофани (деревенька на берегу озера Эйяси) проходит без особых приключений. Из Карату до Горофани около 45 км, но дороги практически нет, джип плывет в облаке красноватой пыли. Здесь главное не пропороть шины о камни, которые, в сущности,

Фото 14. Мои датогские подружки всегда надут повод для хорошей шутки. Январь 2013 г. Фото Р.О. Бутовского

представляют собой вулканические бомбы или выходы базальта. Рифтовая долина в своем неизменно девственном состоянии: цепи потухших вулканов вдоль всей дороги, а вдалеке возвышается Нгоро-Нгоро – всемирно известный кратер, богатейший на земле естественный зоопарк, в котором в обилии водятся копытные, слоны, львы, шакалы, гиены, страусы, дрофы, журавли и прочая фауна. Жарко и пыльно, но мы уже не раз здесь проезжали и подготовились соответственным образом: на каждом респиратор – так что силикоз нам больше не грозит. Эти наши маски-респираторы не раз пугали редких путников и вызывали искреннее удивление у встречных водителей. Но мы привыкли к такой реакции, а здоровье дороже.

По дороге в лагерь останавливаемся в доме Момои Мерус – нашего постоянного полевого ассистента, датога по происхождению. За годы работы он и его большое семейство стали нашей родней и надежной опорой в местном сельском сообществе (Фото 14, 15). Дома Момои и его дяди Гидобата служат своеобразными центрам концентрации всех датогских гостей, а также местом организации различных церемоний, собраний и судилищ (Фото 16, 17). Однако надолго здесь не задерживаемся (еще будет время наговориться), нужно до темноты поставить палатки, распаковать оборудование и пищевые запасы – словом привести наш лагерь в боевую готовность: завтра у нас встреча с хадза (Момоя попросил всех лидеров ближайших групп прийти к его дому поутру и обсудить со мной планы нынешней работы). Наш лагерь стоит у горы, и од-

Фото 15. В гостях и датогских друзей (бома Гидобата). Январь 2013 г. Фото Р.О. Бутовского

Фото 16. Интервью с Сегила, известным датогским ведуном и прорицателем из клана Бардута. Апрель 2013 г. Фото Д.А. Дроновой

но из главных его достоинств – наличие артезианской воды (драгоценное чудо по местным меркам), туалета и душа. Эти постройки из бамбука по достоинству оценили не только мы, но и местный горный народец: зеленые мартышки, цеветы, цесарки и антилопки хаживают в указанные помещения и с превеликой радостью пользуются «дарами цивилизации» (водой, разумеется). О своих визитах они напоминают экскрементами и отпечатками лапок, а также кусочками принесенных ягод. Никогда не знаешь, с кем повстречаешься, отворив двери душа – может грациозно, с необыкновенным достоинством «выплыть» цевета, боком протиснуться мангуст или с визгом и грохотом вывалится группа мартышек.

Лагерь наш охраняет сторож, вид которого с непривычки может вызвать легкое замешательство. Представьте себе в легком вечернем сумраке фигуру пепельно-черного человека, одетого в одни шорты, с луком и стрелами наготове: это и есть наш сторож Чалис. Не будь его, жизнь наша превратилась бы в сплошные проблемы, ибо оставить палатки без присмотра на день было бы невозможно: вокруг полно желающих поживиться – двуногих и четвероногих (точнее, четвероруких).

Фото 17. Ритуальное распитие медового пива – сугубо мужское занятие. В знак уважения датогские старейшины предлагаю мне отведать напитка. На поминках Саси, матери нашего близкого друга Гидобата. Август 2012 г. Фото Р.О. Бутовского

В лагере под горой (в Танзании, а не в Хобитании) дуют сильные ветры, так что высокие палатки здесь ставить невозможно. Очень обидно, так как в полный рост в палатке даже мне (1,62 м) не выпрямиться никак. А ведь мы ночуем там не один день, да и темнеет здесь около 7-ми вечера, так что есть еще несколько часов для работы с дневниками. И делать это нужно в «помещении» (в безлунные ночи на налобные фонарики, без которых в поле лучше вовсе не ездить, тучами летят мошки и комары). Мошки докучают своей назойливостью, а вот комары опасны для здоровья. Малярия в здешних местах – главная проблема. Местное население болеет практически поголовно, малярия является основной причиной детской смертности.

Ветры создают дополнительные проблемы с приготовлением пищи. Огонь легко задувается, а лишнего времени поутру у нас нет. Не успел приготовить кашку – весь день проведешь голодным. Вот так и рождаются новаторские предложения (авторство Дмитрия Карелина): ставим горелку в большой бак и никакой ветер теперь не страшен, главное – найти устойчивое положение для котелка, чтобы не рухнул и не залил огонь. Впрочем, ветры и наше спасение: не будь ветра, комаров и мошек было бы многократно больше, да и жара бы донимала постоянно.

О полевой жизни мы можем рассказывать часами, так как за годы экспедиций накопилось много смешных и поучительных историй. Скажу только, что опыт, приобретенный в Африке, считаю совершенно бесценным: это как иное измерение. Из современности ныряешь в пространство без электричества, радио, ТВ, холодильника, стиральной машины. Поначалу страшновато, но, оказывается, и в таких условиях люди живут, не тужат: смеются и много шутят. Возможно, если бы всё это происходило на Севере – было бы не комфортно, а в теплом афри-

канском климате – адаптироваться не составляет труда (а может быть, в наших генах записано африканское прошлое: ведь всё современное человечество родом из Африки).

Гиены, мартышки и жизнь в африканском буше

В лагере под горой царит непринужденная атмосфера африканского буша[3]. Время можно определять по крикам птиц, ибо каждый вид исполняет свою партию в строго определенное время суток. В 6.00–6.15 бородастики (Bucconidae), птицы из семейства кукушкообразных, громко «заводят моторчики», вечером, с первым признаками сумерек, между ветвей акации грациозно планируют летучие мыши ярко-лимонного цвета. Когда сие фантастическое существо впервые пропорхнуло перед нами, мы никак не подозревали в нем мышь. Огромная бабочка или птица – возможно, но как может мышь быть столь яркого цвета? – такова краткая выдержка из вечерней дискуссии членов экспедиции, лишенная, разумеется, эмоционально сочных оценочных комментариев о чьей-либо компетентности в области биологии.

Место, где стоят наши палатки, находится в точности на тропе, проложенной пятнистыми гиенами, устраивающими регулярные ночные вылазки в ближайшие деревни за очередной добычей (козочки, барашки, курочки и прочая вкуснятинка). Так что можно понять их откровенное недовольство нашим появлением. Посему дикий хохот, вопли, сопение, шуршание в кустах и горящие глаза из темноты стали непременным атрибутом нашей жизни. Пробуждаясь в утренних семерках (светает примерно в 6.10) под крики ибисов (летят на озеро кормиться) и выбираясь из палатки мы то и дело замечали возвращающихся из деревни сытых гиен. Они радостно бежали парами или по трое, помахивая хвостиками, отчего кто-то из новичков нашей команды был совершенно убежден, что видит перед собой домашних собачек (его поразили лишь небывало крупные размеры животных, не типичные для местных пород собак). Днем мы и гиены разбредаемся в разные стороны: они ночевать в пещеры под небольшой скалой из вулканического туфа, а мы – работать. Как-то раз, ввиду очередной поломки Циклопчика, мы ожидали местных умельцев-автомехаников. Чтобы занять время с пользой, решено было отправиться к скале, забраться наверх и заснять окружающий ландшафт: саванну с баобабами и зонтичными акациями (что и было сделано). При ближайшем рассмотрении скала представляет собой нагромождение огромных вулканических бомб (дает себя знать Рифтовая долина), так что между камнями имеются щели. Дабы придать нашей экскурсии экзотики, я и повела для новоприбывших очередной рассказ о жизни гиен (страшилки на тему гиен и их подвигов – излюбленная тема наших бесед за вечерней трапезой), походя сообщив, что под нами сидит компания гиен, внимательнейшим образом следящих за всеми нашими дей-

Фото 18. Бэби Циклопчик очередной раз забастовал. Дмитрий Карелин на все руки мастер: шофер, авторемонтник, и по- совместительству, профессор-эколог. Фото Л.М. Бутовской

ствиями. Аспиранты смеялись и каламбурили на эту тему, ни коим образом не принимая на веру мои заявления. Всё это происходило за моей спиной, пока я делала съемку местности. Вдруг смех затих, и я услышала тишину. Оглянулась: мои ребята смотрят на экранчик мобильника, лица удивленные, а может, и несколько напуганные. «Что там?» – спрашиваю. Молчат и продолжают экранчик разглядывать. Перебираюсь к ним поближе (нужно перескочить с одной глыбы на другую). Оказалось, развлекаясь и смеясь, они приложили телефон к одной из щелей и сделали несколько снимков. Посмотрев отснятое, обнаружили горящие глаза и гиеньи морды, протиснутые в щель снизу, внимательнейшим образом наблюдавшие за всем происходящим наверху. Теперь уже смеялась я, а неудавшиеся юмористы только хмурились. Так мы в молчании сползли со скалы и отправились заниматься машиной (механики уже были на месте).

Местные механики – это тоже отдельная тема. Африканские Кулибины постоянно удивляют меня своею находчивостью и смекалкой. Шины протыкаются в буше постоянно, но у них нет никакой техники, чтобы повреждения на шине обнаружить. В результате, практикуют следующий способ: предположительно определяют место прокола; сдвигают машину так, чтобы оно оказалось сзади и снизу; накачивают слегка колесо; у колеса насыпают горку пыли и смотрят, с какой скоростью и силой выходящий воздух ее сдувает. Разумеется, если колесо порвано существенно – чинить его уже невозможно, так что мы с собой возим три запаски. Такое количество было признано оптимальным после того, как в одной из дальних поездок в одночасье были проколоты сразу два колеса, а затем (к счастью, уже на расстоянии часа ходьбы до ближайшей деревеньки) еще одно колесо. К счастью, этот прокол был невелик, и его прибывшие на помощь мастера залатали с помощью резинового клея и кусочка велосипедной шины – до нашего лагеря шина дожила благополучно. Тряпочки, резиночки, скрепочки, проволочки – всё идет в ход; в результате наш Циклопчик оживает – кряхтя и плюясь, вновь начинает рассекать по саванне. А чего же нам от Бэбика еще желать!

В лагере после нашего отъезда на работу начинают появляться незваные гости: дрозды, сороки и ткачики подбирают остатки пищи, термиты активно сметают с поверхности сухие соломинки. А группа зеленых мартышек с надеждой осматривает палатки (нет ли где щели, и что плохо лежит) и большие канистры с водой (нельзя ли сдвинуть положенные на крышки тяжелые камни). Порой (в силу нашей спешки или сонного состояния при отъезде) им благоприятствует удача: камень поддается, крышка падает со стуком на землю – и вот она, чистенькая искрящаяся водичка – пей, ручки полощи и мордочку умывай. А уж если сильно повезет – то можно и в пищевую палатку прорваться – тут главное успеть схватить что-либо полезное (консервные банки блестят, да как их открыть-то?). Так что – лук, помидоры, бананы или пакет риса – самая желанная добыча. Рай среди саванны! На шум и визг (ссоры за добытое) прибегает Чализ и «бандерлоги» как тени рассеиваются в редкой зелени кустов. Один из них, разведчик-наблюдатель, остается на вершине небольшого деревца в 15 м от лагеря, остальные прочесывают окрестности в поисках пищи. Излишне говорить, что «роман» с мартышками у нас многолетний. Однажды крупной самке удалось в трех метрах от нас выхватить из палатки половинку арбуза (излишне говорить, что в поле это настоящий деликатес, оттого мы и решили растянуть удовольствие, и оставили заначку на вечер). Проделала этот трюк самка молниеносно и в полной тишине, так что мы застали матрону шествующей на двух ногах, бережно несущей в ладонях заветную добычу. Остальные мартышки взирали издалека и также хранили полное молчание (по этой причине операция «Арбуз» удалась на все 100%). В другой раз мартышки и вовсе сработали как заправские циркачи. Зная их быстроту и интерес к овощам и фруктам, я занималась приготовлением салата из лука и помидор (свежие овощи для нас большая удача, ибо в ближайшей деревне

купить их практически невозможно), мысленно предвкушая чудесную вечернюю трапезу. Помидоры нужно было обмывать в тазу, стоявшем у моих ног, а резать – на досточке на столе. Вначале следовало несколько раз наклоняться за помидорами, при этом ни малейшего дополнительного перемещения в пространстве не требовалось. Так что движение вниз-вверх занимало несколько секунд. Другие члены экспедиции мирно занимались своими делами – кто в палатке, кто у машины. В какой-то момент времени, подняв глаза, я обнаружила следующую картину: рядом со мной на стуле сидела мартышка, с деловым видом собравшая помидоры со стола (два мелких запихнула в рот, а покрупнее засунула под мышки). Как только ее присутствие было обнаружено, она птичкой вспорхнула на дерево, в тени которого и располагался наш стол, и была такова. На мое громкое «Ой» сбежались окружающие, которые заверили воришку, что будут бить ее палками, ежели еще раз увидят у стола. А вот у стола они ее и в этот раз не видели, так что угрозы были не по адресу.

В одну из поездок буш оставил нам в машине «прощальный подарок». Закончив сборы и изнемогая от жары (кондиционер, конечно в Циклопчике отродясь не работал), от безысходности, мы включили вентилятор. Он несколько раз чихнул, а затем стал производить такие чудовищные скрежещущие звуки (всё это сопровождалось неописуемой вонью), что мы его тут же выключили, испугавшись пожара. Пожав плечами, каждый стал предлагать свою версию происходящего, и Дима Карелин (тогда. казалось, в шутку) задумчиво прокомментировал: «Вонь, будто в воздуховоде мышь почила. А сейчас вентилятор ее перемалывает». Комментарии остались без ответа, и к концу дня мы добрались к нашим друзьям Личам. Вечером за столом коллизии с машиной обсуждались с Томом, как лучшим экспертом среди присутствовавших. Поутру Том отправился инспектировать Циклопчика… и извлек останки искореженной мумии крысы. Вентилятор был запущен снова… с тем же чудовищным результатом. Дотошный Том не мог оставить этот феномен неразрешенным и полез вновь инспектировать воздуховод. Вскоре из него извлекли еще одну крыску. То ли парочка пожелала свить гнездышко в доме на колесах, то ли спасалась от кого-то, но не смогла выбраться обратно. Ответа на этот вопрос мы никогда не узнаем. Зато в который раз подтвердилась моя идея о том, что «в Африке возможно всё, даже зарождение человечества».

Кортеж президента, факельное шествие, Циклопчик и мы

Африка каждый раз готовит нам неожиданные сюрпризы, и это происходит в череде повседневных забот и работ. Завершая одну из экспедиций, наш запыленный Циклопчик, пыхтя и сопя (на самом удачном перегоне рекорд скорости 80 км) подбирался к пригородам Дар-эс-Салама. Нужно сказать, что как и Москва, экономическая столица Танзании просто задыхается от пробок, к вечеру же наступает полный коллапс. Внутренне все мы были полностью готовы к духоте и многочасовой пробке (регулярное неизбежное зло невозможно воспринимать с повышенной эмоциональной остротой). И вдруг: о радость! Поток машин редеет, а далее мы замечаем, что движемся по дороге в полном одиночестве и тишине. Что такое? В шутку, говорю, что «мы едем как в президентском кортеже. Не хватает только мотоциклистов и отдающих честь военных, стоящих вдоль дороги». Слова и реальность становятся единым. И вот уже мотоциклы просвистывают мимо. Всё как положено: праздничная форма, государственные флаги… Тут откуда-то появившиеся военные патрули буквально берут в кольцо и притирают Циклопчика к обочине. Из джипа выскакивают и несутся к нам бравые парни с автоматами в красных беретах и темных очках. Видя, что в машине «вазунгу» (так танзанийцы называют белых), военные немного расслабляются. Далее начинается следующий диалог: «Вы кто и как сюда попали? Почему едите и никто вас раньше не остановил?». Часть

ответов у меня запасена с учетом прошлого опыта общения с местным ГАИ и ВАИ. Звучит это приблизительно так: «Мы из России. Россия и Танзания большие друзья. Вот сейчас возвращаемся с озера Эяси. Там мы работаем по совместному антропологическому проекту с Университетом Дар-эс-Салама. Я русский профессор, руковожу этой экспедицией. Мы ничего не нарушали и ехали себе спокойно. Что происходит? И почему нас оттеснили с дороги?». Пока звучит моя речь, мимо проносится президентский кортеж (всё как по писанному). Военные расслабляются. Начинают смеяться: «Мама–профессор из России ехала во главе президентского кортежа, да еще на такой грязной и старой машине! Ну и дела творятся в Танзании». Мы тоже смеемся. Нас отпускают и в этот раз мы добираемся домой (в Русско-танзанийский культурный центр) быстро и без приключений.

Отец танзанийской нации, учитель Джулиус Ньерере приложил колоссальные усилия для сплочения 132 этнических групп, проживающих в Объединенной Республике Танзании. Одним из важнейших шагов в этом направлении было объявление языка суахили государственным, наравне с английским. В настоящее время все танзанийцы владеют этим языком (на нем, кстати говоря, обучаются все дети в начальных школах Танзании). Наряду с языком, в бытность Джулиуса Ньерере президентом была введена традиция факельного шествия по стране. Факел несут представители власти, его маршрут известен заранее, так как местная администрация оповещается о дате его прибытия. Факел представляет собой символ единства нации, а его перемещения связывают невидимыми нитями самые отдаленные уголки страны. В сущности, путь факела напоминает путь олимпийского огня, только всё действие происходит на территории одной страны, Объединенной Республики Танзании. Встреча факела обставляется максимально торжественно. К ней готовятся местные власти и местная общественность (дети и взрослые репетируют народные песни и танцы, чтобы показать гостям достойный концерт). В свою очередь, представители правительства приезжают с конкретными обещаниями по развитию здравоохранения и образования в конкретном регионе, закладывают памятные камни, символизирующие начало строительства дороги, госпиталя или школы. На заранее отведенном месте развешивают приветственные транспаранты, к назначенному времени собирается празднично одетая толпа местных жителей. Местные власти и представители общественности, в том числе и делегаты от этнических меньшинств (в данном случае, хадза и датога), выступают с приветственными речами. Факел привозят на вертолете, и члены правительства, его сопровождающие пересаживаются на открытые джипы. В сопровождении полицейских и военных процессия прибывает к месту праздника. Толпа приветствует их овацией и криками. Далее следуют выступления факелоносцев. Это серия лозунгов, прославляющих страну, правящую

Фото 19. Мне оказана высшая честь подержать факел, как уважаемому члену танзанийского общества. Август 2012 г. Фото Р.О. Бутовского

партию и президента, а также народ. Выступают «простые парни» из народа, которые также клянутся в верности народу и президенту. Затем следуют концерт, танцы и угощение. Именно на такое мероприятие были приглашены и мы во время одной из экспедиций. Факел встречали у въезда в Горофани, и наряду с местными властями, на митинг приехали главный датогский маг Дагвала (он же и вождь) с приближенными, а также хадза местных бэндов. Слово дали молодому хадзабскому юноше, затем уважаемому пожилому датогу. Во время торжественной речи каждому из выступающих оказывали честь, давая в руки факел. Это символизировало причастность народа, представитель которого выступал, к жизни всего танзанийского общества. В какой-то момент времени приезжее начальство обратило внимание на нескольких «вазунгу» (европейцев, то есть, нас) и, вероятно, стало спрашивать у окружающих, кто мы такие. Из толпы послышались крики: «Это профессор Марина, наш профессор-антрополог. Она наша, почти танзанийка». «Маму-профессора» вытащили на трибуну и заставили толкать речь во славу Танзании. И факел в руки дали, а потом и мои ребята за него подержались. Так что мы теперь факелоносцы, танзнийцы, единые с партией и народом – и гордимся этим.

Литература

Бутовская М.Л. Репродуктивный успех и экономический статус у датога – полуоседлых скотоводов Северной Танзании // Этнографическое обозрение. № 4. 2011. С. 85–99.

Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Церемония включения и отделения ребенка как обряды перехода у датога северной Танзании // Этнографическое обозрение. 2009. 2. С. 51–67.

Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Антропология социальных перемен / Под ред. Гучиновой Э.Б., Комаровой Г.А. Социальный статус и репродуктивный успех в обществе хадза – охотников-собирателей Танзании. М.: РОССПЭН. 2011. С. 365–86.

Бутовская М.Л., Драмбян М.И., Буркова В.Н., Дронова Д.А. Почему Хадза Танзании продолжают в наши дни заниматься охотой и собирательством? // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2006. Ин-т этнологии и антропологии Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2009. С. 38–62.

Бутовская М.Л., Карелин Д.В., Буркова В.Н. Датога Танзании сегодня: экология и культурные установки // Азия и Африка сегодня. 2012. Вып. 11. С. 51–55.

Бутовская М.Л., Карелин Д.В., Буркова В.Н. Традиционные скотоводы Восточной Африки сегодня: репродуктивный успех, плодовитость, детская смертность и благосостояние датога Северной Танзании // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология. 2012. Вып. 4. С. 71–84.

Васильев В.А., Мартиросян И.А., Шибалев Д.В., Куликов А.М., Лазебный О.Е., Буркова В.Н., Рысков А.П., Бутовская М.Л. Молекулярно-генетический полиморфизм промоторных участков генов четвертого дофаминового рецептора (DRD4P) и серотонинового транспортера (5-HTTLPR) в африканских популяциях хадза и датога. // Генетика. 2011. Том 47. № 2. С. 1–5.

Butovskaya M.L. Wife-battering and traditional methods of its control in contemporary Datoga Pastoralists of Tanzania // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. 2012.Vol. 4. N. 1. P. 28–44.

Butovskaya M., Burkova V., Mabulla A. Sex Differences in 2D:4D Ratio, Aggression and Conflict Resolution in African children and adolescents: A Cross-Cultural Study // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. Vol. 1. Issue 1. 2010. P. 17–31.

Butovskaya M.L., Vasilyev V.A., Lazebny O.E., Burkova V.N., Kulikov A.M., Mabulla A., Shibalev D.V., Ryskov A.P. Aggression, Digit Ratio, and Variation in the Androgen Receptor, Serotonin Transporter, and Dopamine D4 Receptor Genes in African Foragers: The Hadza // Behavior Genetics. 2012. Vol. 42. P. 647–662, DOI 10.1007/s10519-012-9533-2.

Butovskaya M. Aggression and Conflict resolution Among the Nomadic Hadza of Tanzania as Compared to their Pastoralist Neighbors// War, Peace, and Human Nature, D. Fry eds., Oxford Univ. Press. 2013. P. 278–296.

Sorokowski P., Butovskaya M. Height preferences may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania // Body Image. 2012. Vol. 9. N. 4. P. 510–516.

Примечания

[1] *Бэнд* – политическое объединение. В основе экономики лежит охота и собирательство (реже рыболовство и ручное земледелие); социальную структуру бэнда составляют родственные связи; типично равенство между полами и эгалитаризм (никто не занимает более высокого положения, чем другие, отсутствует лидерство), все решения принимаются путем консенсуса (*Барнард А.* Социальная антропология. М. 2009: С. 95).

[2] *Сизаль* (сисаль) – растение Agava sisolana из рода Агава. Из листьев этого растения производят прочно волокно, широко используемое для корабельных канатов. Культура агавы была вывезена в XVI в Испанию из Центральной Америки и, в дальнейшем, широко распространилась в тропических странах (http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E8%E7%E0%EB%FC).

[3] Буш – африканская саванна с преобладанием невысоких деревьев (акации и комифор) и колючих кустарников.

М.Н. Губогло

ПАПА МИНЬ! ПАПА МИНЬ!

(из экспедиционной повседневности в горных районах Вьетнама)

Памяти В.Н. Шамшурова

А рассвет лимоново бананов!
Типа снова я вдыхаю, блин,
Ароматы утренних туманов
В зелени бамбуковых долин.

Сергей Арутюнов
Жизнь как текст. 2012. С. 86

Раздел 1. Контуры повседневности

О повседневной жизни в «поле»

Символом Вьетнама, древней страны, представляющей сегодня коммунистическую оболочку с капиталистической начинкой, могут служить красные флаги с серпом и молотом в Ханое над зданием Дворца съездов, в котором 12–19 января 2011 г. проходил очередной съезд Коммунистической партии страны, а рядом были припаркованы дорогие иномарки, большинство из которых принадлежит партийной элите, призванной на съезде выработать директивы на новую пятилетку. Форсированная социально-имущественная дифференциация углубляет раскол между небольшой группой сверхбогатых и основной массой населения Вьетнама. Вьетнамские олигархи, в отличие от российских, не покупают футбольные команды и большие яхты и стремятся вкладывать инвестиции в промышленное развитие страны и в сельскохозяйственное производство.

На рубеже 1970–1980-х гг., когда Вьетнам под руководством Компартии строил социализм, символом, едва ли не гимном, была и на всех перекрестках оглушительно звучала песня «Мой адрес – Советский Союз» (музыку Д. Тухманова, слова В. Харитонова):

Заботится сердце, сердце волнуется,
Почтовый пакуется груз.
Мой адрес – не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз.

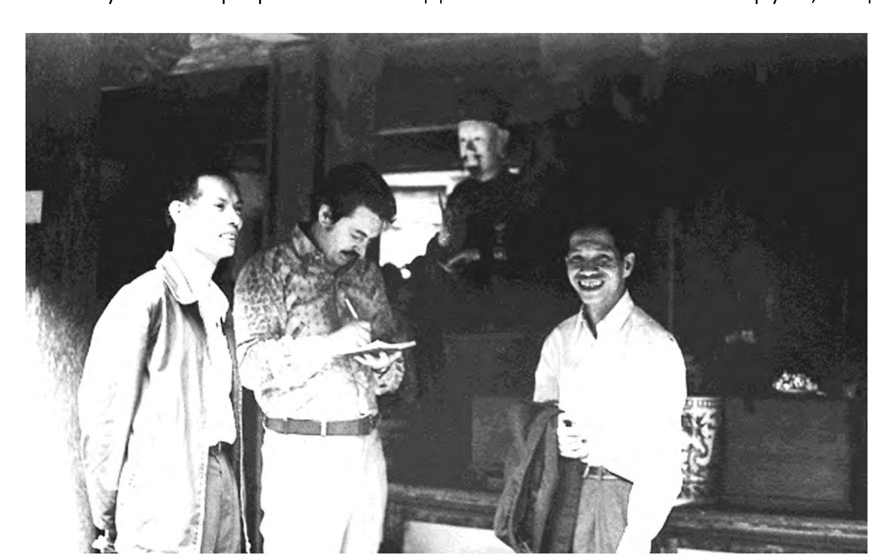
Кто-то на самом деле «паковал грузы» и привозил из Советского Союза промышленные товары во Вьетнам и обратно увозил рис, бананы, тюбики тигровой мази, запечатанные сургучом темные бутылки рисовой водки с заспиртованными ящерицами и змеями.

Издания Института этнографии АН СССР в дар Институту КОН СРВ 1980 г.слева направо: М.Н. Губогло, Бе Вьет Данг. г. Ханой. Фото из архива М.Н. Губогло

Комплексная Советско-вьетнамская этносоциологическая экспедиция, объединившая в своем составе сотрудников Института этнографии АН СССР и Института этнографии Комитета общественных наук СРВ, «экспортировала» в дружественную страну идеи, доктринальные принципы, методологию и методику этносоциологических исследований. «Импортировала» принципы толерантности, солидарности, упорства и тщательности в труде, умение искренне радоваться жизни и ценить дружбу.

Цель и задачи экспедиции, работавшей в 1980–1983 гг. в СРВ, состояла в оказании помощи Вьетнаму, в подготовке кадров этнографов и этносоциологов. В широком смысле в задачи международного советско-вьетнамского коллектива, созданного по инициативе зам. директора Института этнографии АН СССР д.г.н. Соломона Ильича Брука, входило комплексное изучение:

Записи в полевом дневнике о культе предков. г. Ханой,1980 г. Фото из архива М.Н. Губогло

1) этнодемографических аспектов и особенностей воспроизводства населения и эффективного использования трудовых ресурсов районов, населенных национальными меньшинствами; 2) формирования социальной структуры национальных меньшинств, в том числе проблем коренизации рабочего класса и интеллигенции, т.е. последовательного возрастания доли рабочих и работников умственного труда из среды национальных меньшинств в составе рабочего класса и интеллигенции всей страны; 3) соотнесения процессов социальной дифференциации и повышения социальной однородности вьетнамской нации, как формирующейся новой социальной и межэтнической общности людей, с экономическим развитием как страны в целом, так и ее различных регионов, включая горные районы, населенные национальными меньшинствами.

В сфере экономики и повседневной жизни к числу малоизученных и неизученных этносоциальных проблем, в частности, относились:

1) механизм взаимодействия экономических отношений и развития интеграционных процессов;

2) всесторонний учет национальных трудовых и производственных традиций по обеспечению страны нужными продовольственными и промышленными товарами;

3) анализа новых форм участия национальных меньшинств в освоении природных богатств различных районов Северного и Южного Вьетнама;

4) расширение непосредственного участия представителей национальных меньшинств горных районов в строительстве ирригационных, энергетических и других объектов общегосударственного значения, в освоении прибрежных, наскальных и прочих заброшенных или малоосвоенных земель;

5) хозяйственная специализация горных районов на производстве тех товаров, которые являются максимально полезными.

В джунглях Южного Вьетнама. На переднем плане Нгуен Ван Зуй, далее В.С. Кондратьев, В.Н. Шамшуров, (оба в очках.) До Тхи Бинь, М.Н. Губогло. На корме и на носу лодки – военизированная охрана. 1981 г. Фото из архива М.Н. Губогло

Особые задачи перед Советско-вьетнамской экспедицией в соответствии с развивающейся в СССР предметной областью нового научного направления – этносоциологии – состояли в изучении особенностей повседневной жизни, в том числе в выявлении черт сходства и различий в традиционной и профессиональной культуре вьетов, как самого многочисленного народа СРВ, и национальных меньшинств. В соответствии с академическими принципами размещения выборки, участники советско-вьетнамской экспедиции попадали в труднодоступные общины, где проживали представители национальных меньшинств. Иногда такие поездки в джунглях Южного Вьетнама сопровождала военизированная охрана.

Несмотря на некоторые различия, не имеющие принципиального значения, оба вопросника, разработанные для опроса таев, нунгов и вьетов (киней – по самоназванию) в 1981 г. и для опроса представителей тхайской и мыонгской национальностей в 1982 г., были ориентированы на фиксацию однотипной информации о демографических характеристиках населения, его социальной структуре, традиционной и профессиональной культуре, языке и речевом поведении, о семье и семейных отношениях, межэтнических контактах. Распределение индикаторов по блокам вопросов, составленных бывшим сотрудником Института этнографии АН СССР, ныне покойным В.С. Кондратьевым, представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение вопросов в опросных листах по тематическим сюжетам**

Сюжеты	**Тай, нунг, кинь**		**Тхай, мыонг**	
	Абс.	**%**	**Абс.**	**%**
Демография	25	15,0	23	13,5
Социальный статус	14	8,4	12	7,0
Образование	5	3,0	6	3,5
Экономическое положение	17	10,1	21	12,2
Труд	31	18,6	30	18,0
Семья и быт	25	15,0	23	13,5
Духовная культура	19	11,3	14	8,2
Язык	11	6,6	14	8,2
Межличностные национальные отношения	10	6,0	16	9,4
Прочие	10	6,0	11	6,5
Итого	167	100,0	170	100,0

Понимая неизбежную субъективность получаемых ответов, опросные листы включали три группы вопросов (индикаторов): фиксирующие (отражающие реальное поведение индивида), оценочные и мотивационные (выявляющие установки и ориентации опрашиваемых). Как это видно из таблицы 2, в каждой из анкет доминировали фиксирующие вопросы.

Таблица 2. **Распределение вопросов по характеру ответов**

Типы вопросов	**Опросные листы для изучения представителей национальности**			
	Тай, нунг, кинь		**Тхай, мыонг**	
	Абс.	**%**	**Абс.**	**%**
Фиксирующие	90	54,0	98	57,6
– положение индивида	38	22,9	37	21,7
– поведение	30	18,0	35	20,6
– «предметная среда»	7	4,1	6	3,5
– социальные отношения	15	9,0	20	11,8
Оценочные	60	35,9	67	39,4
– положение индивида	16	9,6	15	8,8
– поведение	17	10,1	21	12,2
– «предметная среда»	–	–	–	–
– социальные отношения	27	16,2	31	18,4
Мотивационные	17	10,1	5	3,0
– положение индивида	4	2,3	–	–
– поведение	3	1,8	–	–
– «предметная среда»	–	–	–	–
– социальные отношения	10	6,0	5	3,0
Итого	167	100,0	170	100,0

Основу информационной базы составили, наряду с итогами переписей населения, ведомственной статистикой, личными полевыми наблюдениями, материалы, собранные в ходе этносоциологических опросов. По вопросникам, разработанным советскими и вьетнамскими

участниками экспедиции, в 1981 г. были опрошены таи, нунги и кини (самоназвание вьетов), в 1982 г. – лица тхайской и мыонгской этнической принадлежности.

В итоге, в два приема были обследованы 2500 жителей в 27 общинах 6 уездов 4 провинций Северного Вьетнама. Статистический анализ данных генеральной и выборочной совокупности, произведенный В.С. Кондратьевым, выявил адекватное совмещение показателей опроса и реальной численности каждого народа, что стало основой для вывода о репрезентативности итогов этносоциологического исследования.

После посещения мечети с группой лиц чамской национальности. г. Хошимин, 1981 г. Фото из архива М.Н. Губогло

На всех этапах исследования – от разработки программы, целей, задач и до инструментального обеспечения, включая координационную работу в социологических опросах, принимал участие В.Н. Шамшуров.

Его особая заслуга состояла в проведении качественного опроса. Эта работа, включая инструктаж интервьюеров, размещение выборки, тщательный контроль за качественным, правильным и полнокровным заполнением вопросников, требовала от исследователя глубокой сосредоточенности и ответственности, понимания того, что конечный результат всего исследования зависит от объективности и качества собранной информации. Именно этими исследовательскими навыками на всех этапах этносоциологического исследования, как и на других участках его научной и организационной деятельности, обладал В.Н. Шамшуров. Более того, к концу 1970-х гг. он уже имел квалифицированные навыки по «экспорту» советской этносоциологической методики. В январе–апреле 1977 г. вместе с сотрудниками Института этнографии АН СССР Д.Д. Тумаркиным, В.Н. Басиловым, а также с ленинградцами Е.Н. Кальщиковым и И.М. Меликсетовой он принял участие в 18-м рейсе научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев». В круг его интересов входили не только социально-этнические и демографические процессы среди населения на островах Океании, но и отдельные аспекты повседневной жизни обитателей деревни Бонгу.

Обработка общинных похозяйственных книг. Стоят: Сотрудницы сектора этносоциологии Института этнографии КОН СРВ. слева направо: Данг Тхань Фыонг, Та Дык. Фото из архива М.Н. Губогло

Подводя итоги этносоциологической части исследований, Д.Д. Тумаркин высоко оценил работу, успешно проделанную В.Н. Шамшуровым: «Было заполнено свыше 60 анкет, т.е. были охвачены примерно три четверти семей, что позволило судить о деревне в целом» [*Тумаркин* 1977: 77].

Группа девушек нунгской национальности и М.Н. Губогло. В горах по дороге из Ханоя в Лангшон. 1980 г.
Фото из архива М.Н. Губогло

Друзья со студенческих лет. Бе Вьет Данг и М.Н. Губогло. 1980 г. г. Ханой
Фото из архива М.Н. Губогло

Лекции по этносоциологии читает М.Н. Губогло, переводит выпускница кафедры этнографии МГУ – Ле Тхи Нгок Ай. 1980 г. г. Ханой. Фото из архива М.Н. Губогло

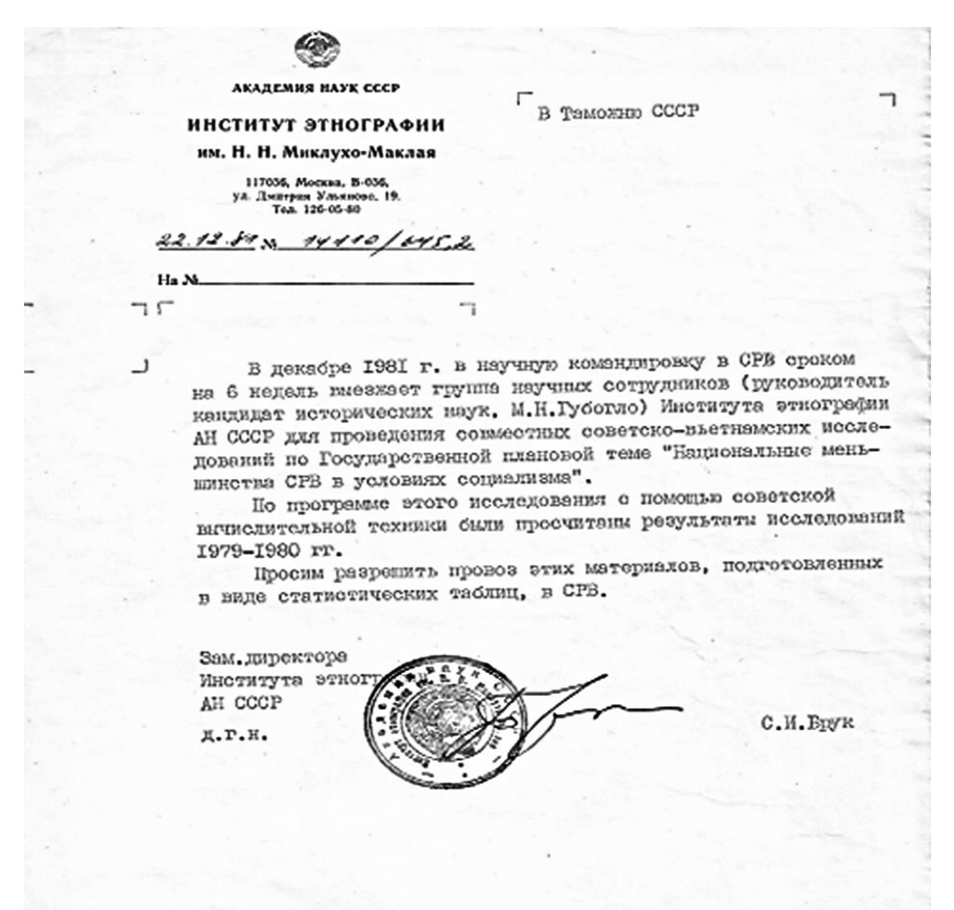

После лекции по этносоциологии и национальной политике в СССР. Второй справа В.Н. Шамшуров, в центре – М.Н. Губогло. 1982 г.
Фото из архива М.Н. Губогло

В исключительном трудолюбии и гражданской ответственности он следовал примеру своего дяди – выдающегося партийного и государственного деятеля, Первого секретаря Ульяновского обкома КПСС.

Совместная работа имела огромное значение для взаимопонимания и передачи накопленного опыта. Трое из участников Советско-вьетнамской этносоциологической экспедиции – Нгуен Ван Зуй, Ла Конг И и Кхонг Зиен подготовили и защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сотрудники Института этнографии АН СССР были награждены медалями «Дружба» и орденом «Дружба». Награды вручал посол СРВ в посольстве СРВ в Москве.

Навсегда осталась в памяти благодарность ректору Хуа Дык Фыонгу и студентам Тайнгуенского пединститута, декану факультета – Лам Суан Дину, выпускнику кафедры этнографии МГУ, Чилангского педучилища,

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

117036, Москва, В-036,
ул. Дмитрия Ульянова, 19.
Тел. 126-05-80

22.12.81 № 14110/645.2

На №

В Таможню СССР

В декабре 1981 г. в научную командировку в СРВ сроком на 6 недель выезжает группа научных сотрудников (руководитель кандидат исторических наук, М.Н.Губогло) Института этнографии АН СССР для проведения совместных советско-вьетнамских исследований по Государственной плановой теме "Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма".

По программе этого исследования с помощью советской вычислительной техники были просчитаны результаты исследований 1979–1980 гг.

Просим разрешить провоз этих материалов, подготовленных в виде статистических таблиц, в СРВ.

Зам.директора
Института этнографии
АН СССР
д.г.н. С.И.Брук

большой группе учителей, медиков, партийных и государственных работников из многих уездов провинций Лангшона, Хаобиня, Шонла и других. Благодаря их заинтересованной, самоотверженной и бескорыстной работе удалось заполнить опросные листы и проинтервьюировать несколько тысяч человек, благодаря которым была создана информационная база о повседневной жизни и линии официальной и неофициальной судьбы таев, нунгов, мыонгов и тхаев.

С вьетнамской стороны в работе Советско-вьетнамской экспедиции принимали участие директор Института этнографии КОН СРВ Бе Вьет Данг, мой бывший сосед по общежитию в главном здании МГУ в студенческие времена, заведующий сектором этносоциологии ИЭ КОН СРВ – Нгуен Ван Зуй, зав. сектором этнодемографии Кхонг Зиен, сотрудники сектора этносоциологии Данг Тхань Фыонг, До Тхи Бинь, Бе Хау, Нгуен Чан Ха, Та Дык и другие, всего 11 человек.

Особая благодарность А.Д. Коростелёву, взявшему на себя труд компьютерной обработки материалов, итоги которых при содействии С.И. Брука были своевременно доставлены в Ханой.

Раздел 2. Экзамен на доверие и гостеприимство

Специфическая особенность научных направлений, связанных с полевыми выездами и экспедициями, в том числе зарубежными, состоит в том, что в «поле» раскрываются характеры и индивидуальные особенности каждого участника. Прежде всего, это относится к реализации коллективных исследовательских проектов, когда информация «добывается» коллективно, а реализуется затем в статьях и книгах индивидуально. При проведении этносоциологических опросов в регионах Вьетнама среди вьетов и представителей других национальностей требовалось многократное доверие и понимание известной формулы «один за всех и все за одного». Замысел проведения международного этносоциологического проекта предполагал не только с крупные материальные инвестиции, но и высокий уровень доверия между участниками и личной заинтересованности каждого из них в накоплении качественной информации не только в общий «котел», но и лично для себя. По крайней мере, трое из вьетнамских коллег – участников трудоемких опросов – планировали подготовку кандидатских диссертаций на базовом материале, собранном в процессе широкомасштабных опросов. Однако в ходе пребывания в дружественной стране выяснилось, что доверие и заинтересованность в кооперации исследовательских усилий необходимы не только между самими участниками. Важно

было наличие доверия между вьетнамскими учеными и коммунистическими руководителями тех провинций, где проводился опрос в связи с социологической выборкой.

Так, например, в соответствии с репрезентативной выборкой предстояло провести опрос среди тхайского меньшинства, расселенного в горных районах северо-западной провинции Шонла на границе с Лаосом. Путь нашего экспедиционного вездехода из Ханоя в Шонла лежал через провинцию Хаобинь, и далее через ущелье и горные тропы (дорогами их трудно назвать). Однако в первый день дальше столицы провинции нам ехать не разрешили. Как выяснилось позднее, предстояло держать экзамен на доверие и доверительность. Провинциальное начальство хотело знать, в какой мере можно было доверять своим соотечественникам, приехавшим с группой «ленсо» («советских»), а наши вьетнамские коллеги – проверить прочность содоверия с советскими учеными.

Дружеский ужин и концерт в г. Шонгла.
Справа налево: М.Н. Губогло, В.Н. Шамшуров, В.С. Кондратьев.
1982 г. Фото из архива М.Н. Губогло

В один из вечеров в гостиницу нагрянуло высокое местное начальство, областной музыкальный ансамбль и несколько руководителей общин из тех тхайских деревень, в которых предстояло провести этносоциологический опрос. Пригласили нас в дом культуры. Оказалось, что просто, без знакомства и без предварительного дружеского ужина, соответствующего нормам вьетнамского гостеприимства, без музыки и танцев, без основательного знакомства получить разрешение на дальнейший проезд в горный район нельзя…

Коронным номером вьетнамско-советского концерта оказались не столько барабаны музыкального ансамбля, сколько игра на баяне В.Н. Шамшурова и советские песни военного времени Валерия Семеновича Кондратьева.

В этносоциологической экспедиции, как и в этнографическом поле, человек раскрывается во всем. Мы еще до поездки во Вьетнам хорошо «спелись» в многочисленных экспедициях, работавших под руководством нашего вдохновителя и руководителя Юрия Вартановича Арутюняна.

Где бы ни появлялся В.Н. Шамшуров, в городах или селениях, в стране или за рубежом, както сам собой откуда-то появлялся баян или аккордеон. В экспедиции всегда становится известным, у кого какая любимая песня или мелодия.

Больше всего В.Н. Шамшуров любил петь под собственный аккомпанемент всемирно известное танго Оскара Строка. Из нескольких версий текста ему больше всего нравились наиболее популярные пронзительные слова и музыка Оскара Строка из репертуара Петра Лещенко.

Вчера я видел Вас случайно,
Об этом знали Вы едва ль.
Следил все время я за Вами тайно,
Тоска туманила печаль.

Нахлынули воспоминанья,
Воскресли чары прежних дней.
И пламя прежнего желанья
Зажглось опять в крови моей.
Скажите, почему
Нас с Вами разлучили?
Зачем навек ушли Вы от меня?
Ведь знаю я, что Вы меня любили,
Но Вы ушли. Скажите, почему?

И, хотя многие вьетнамцы, хозяева и руководители Шонла, не понимали русских слов, было видно, что одна из лучших советских песен о войне – «Враги сожгли родную хату» на слова М.В. Исаковского и М. Блантера в блистательном исполнении Валерия Кондратьева, трогала их сердца своей мелодичностью и пронзительностью, вливала в души чувство доверительности к гостям из Москвы.

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда идти теперь солдату,
Кому нести печаль свою? (…)
Не осуждай меня Прасковья,
Что я пришел к тебе такой.
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой. (…)
Так пил солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года
И три державы покорил».
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

В любых компаниях неизменной популярностью пользовалась песня «Бери шинель, пошли домой» на слова Булата Окуджавы. Ее всегда проникновенно пели вдвоем сотрудники сектора этносоциологии Валерий Шамшуров и Валерий Кондратьев.

Перед тем, как спеть свою любимую песню, мне пришлось объяснить, что я родился недалеко от Черного моря, и поэтому мне нравится песня «У Черного моря» в исполнении Марка Бернеса:

Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря, открывшийся мне,
В цветущих акациях город…
У Черного моря!

Написанная в начале 1950-х гг. поэтом Семеном Кирсановым и композитором Модестом Табачниковым, эта песня стала своего рода визитной карточкой города Одессы, едва ли не его гимном.

Наутро, после банкета и концерта, опухшие, с трудом различая, где свои, а где чужие, где актрисы, а где научные сотрудницы, и кто кого куда провожал, и кто с кем ел и пил, мы с удивлением узнали, что нам разрешено ехать дальше, – туда где до нас не ступала нога ни одного социолога.

Прослушивая через пару дней магнитофонные записи той пленительной танцевально-певучей ночи, я вдруг услышал знакомые советские песни. Вряд ли Алла Пугачева была когда-либо, в пору своей звездной популярности, удостоена такого грома барабанов и шквала ап-

лодисментов, как трое сотрудников Института этнографии АН СССР, участников комплексной Советско-вьетнамской этносоциологической экспедиции, исполнившие песню «Три танкиста».

И сегодня пленку с записанной песней «Три танкиста» берегу пуще всего. Видимо, вдохновленное понятной мелодией – маршем, местное начальство прониклось доверием и разрешило ехать дальше.

Участники советско-вьетнамской экспедиции, отдыхавшие в тот вечер наравне со всеми и пившие рисовую водку бамбуковой трубочкой из разрисованных драконами кувшинов, сами того не подозревая, выдержали серьезный экзамен не только на прочность и надежность, но и на доверительность и солидарность. В лихие военные годы освобождения Вьетнама сначала от французов, а затем, на очередном этапе истории, от американцев таким жестоким экзаменом проверяли на доверие кандидата в партизаны. И если претендент хитрил, тормозил, лукавил, экономил силы и не напивался до потери сознания, значит, делали вывод экзаменаторы, держал камень за пазухой, чтобы в пьяном бреду не выдать себя. Такого в партизаны не принимали.

На следующий день нас в тхайские деревни пустили. По дороге в горные селения В.С. Кондратьев «по ходу поезда» озвучивал свои впечатления о ночном дружеском ужине куплетами экспедиционного «калибра», которые начинались со слов: «Лучше ехать в Хоабинь, чем напиться в До Тхи Бинь». Как и подобает в русской поэзии с пушкинских времен, в стихотворном дорожном творчестве было немало хорошо зарифмованных эвфемизмов, восходящих к отечественным фольклорным и литературным истокам. Пожалуй, трудно себе представить, как в конце XX века, по аналогии с началом XIX века, над горной страной в конце каждого куплета смелым рефреном витала до сих пор не до конца опознанная «Тень Баркова» со звучными словами: «Лучше выпить кофея, чем не выпить ничего».

Развалины г. Лангшона после бомбежки. 1980 г.
Слева направо: Нгуен Ван Зуй, М.Н. Губогло, Бе Вьет Данг.
Фото из архива М.Н. Губогло

Социологическую программу опросов мы выполнили. Потом, в Ханое, в советском посольстве, наши друзья сильно удивлялись, каким образом советским этносоциологам из Москвы удалось едва ли не первыми побывать в горном крае, где живут чудной красоты тхайские женщины, но куда никого из иностранцев хозяева горного края, как правило, не допускают.

Еще одним проявлением дружеских чувств и доверия к сотрудникам Института этнографии АН СССР стала совместная поездка в г. Лангшон для обозрения последствий бомбежки.

Оказанное доверие советским ученым не должно вводить в заблуждение о полной свободе действий и вседозволенности в чужой, хотя и очень дружественной стране. Первый раз я был приглашен во Вьетнам для чтения лекций по этносоциологии в Институте этнографии при Комитете общественных наук, в министерстве по делам национальных меньшинств и в некоторых академических учреждениях г. Хошимина. Телефонные переговоры с Москвой были слишком дорогими и затруднительными, мобильной связи не существовало. Воспринимая волнующее вьетнамское гостеприимство несколько беспечно, я отправил в Москву полусерь-

езную полушутливую телеграмму жене: «Приготовь ухи», имея в виду, что она поймет ударение на первой гласной в слове «ухи». Это означало, что, дескать, я, постараюсь привезти какие-то серебряные сувенирчики, для которых надо проколоть уши. Жена с молодых лет никогда до этого не носила серьги и, разумеется, адекватно поняла шутливый текст телеграммы. Каково же было мое удивление, когда через год, во второй приезд, меня пригласили на официальный прием словами: «Домчи Минь («Товарищ Минь»), мы знаем, что Вы любите «суп из рыба». В телеграфном тексте не было проставлено ударение, и слово «ухи» было переведено правильно с грамматической точки зрения, что позволило сделать вывод обо мне как любителе ухи ("супа из рыбы"). В студенческие годы на истфаке ходила байка, что китайские коллеги известную сентенцию И.В. Сталина «Мы коммунисты – люди особого склада» перевели: «Мы коммунисты – люди особого амбара».

Раздел 3. Озеро возвращенного меча

У нас, ровесников, проживающих в Москве, сложилась традиция: ежегодно встречаться 2 февраля, в день встречи выпускников Каргопольской средней школы Курганской области. На одной из первых таких встреч появился искрометный, как в молодые годы, наш одноклассник Валерий Иванович Петухов – летчик морской авиации, мастер талантливых новелл и бесконечных баек про полеты в ближние и дальние страны. И надо же было так случиться, что однажды, как оказалось, мы жили с ним в одной гостинице, расположенной в центре Ханоя на берегу знаменитого Озера возвращенного меча, но, увы, не пересеклись. Самое интересное то, что не я ему, а он мне стал рассказывать старинную легенду о названии этого озера. В далекие времена хорошо вооруженное феодальное войско Китая захватило древнюю столицу Вьетнама, и вьетнамское войско вынуждено было отступить в горы. Однажды в лагере появился человек и вручил предводителю вьетнамского войска необыкновенный меч. Оказывается, незадолго перед этим, когда рыбак ловил рыбу на озере, в сети ему попалась громадная черепаха. Она держала в зубах меч. Получив этот меч, предводитель вьетнамского войска разбил врагов и прогнал их из своей страны; по совету черепахи он вернул меч черепахе и озеру. В честь великой победы был устроен праздник, и озеро получило название Озера возвращенного меча.

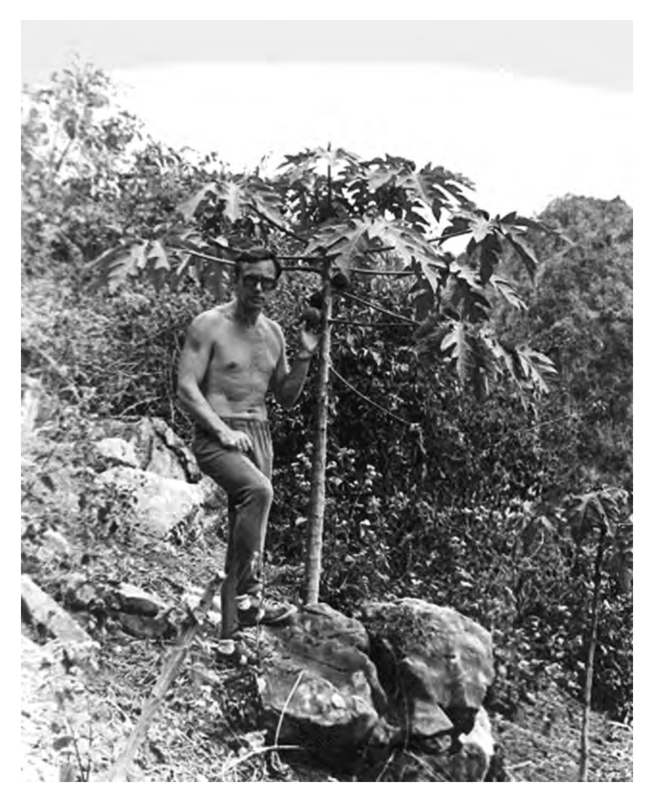
По берегам Озера возвращенного меча в дни *тэт* – новогоднего праздника по восточному календарю – разыгрывается гигантское карнавальное шоу. Ошеломляющие фейерверки высвечивают небо, окрестные дома, улицы, одна из которых ведет к посольству Советского Союза, а другая к центральному рынку, до утра гуляют тысячи пешеходов и велосипедистов. Однако иностранцу нельзя терять бдительность, так как радостные хозяева могут, как бы невзначай, кинуть под ноги или даже засунуть в карман петарду, которая через несколько минут взорвется.

Оказавшись в стихии *тэт*, самого большого, красочного и эмоционально насыщенного народного праздника Вьетнама, восточного новогоднего карнавала, надо осознавать, что карнавал – это буйство веселья, такое театральное зрелище, в котором исполнители одновременно и зрители. Во вьетнамском карнавальном действе все выступают и чувствуют себя не созерцателями, а активными участниками. Петарда, взорвавшаяся в кармане одного из участников, не пугает никого, она лишь свидетельствует о том, что улица, осыпанная цветами, площадь и берега Озера возвращенного меча живут карнавальной жизнью. Включение иностранца в карнавальное действо лишь усиливает радостное ощущение, означает прерывание повседневности праздником души и тела.

Раздел 4. Мраморные горы Дананга

Из Ханоя в Хошимин, как правило, мы перелетали небольшим самолетом – комфортабельной «Тушкой». Но однажды вьетнамские коллеги предложили автомобильный маршрут с заездом в Дананг, город, расположенный на 17 параллели, на равном расстоянии от Ханоя и Хошимина. И хотя мы в этом городе провели не более двух суток, мы едва избежали большой беды. Оторвавшись от основного состава экспедиции, мы с В.Н. Шамшуровым, решив искупаться, заплыли далеко от берега, и нас понесло течением в открытое море. Преодолевать силу морского течения, о существовании которого мы не подозревали, оказалось не под силу даже физически сильнейшему В.Н. Шамшурову, кандидату в мастера спорта по легкой атлетике.

Ему соленой водой залило очки, и он не видел, что на берегу началась истерика, и, похоже, вьетнамские друзья поняли, что с нами происходит что-то неладное. Однако навстречу нам откуда-то сбоку была выслана наперерез спасательная лодка в виде круглой корзины и нас едва ли не бездыханных буквально выволокли на берег. После возвращения из Вьетнама мы с В.Н. Шамшуровым договорились никому, даже женам, об этом происшествии не сообщать. Здесь упоминаю об этом впервые.

В.Н. Шамшуров в окрестностях г. Чиланга. Провинция Лангшон. 1981 г. Фото из архива М.Н. Губогло

Накануне несчастного случая мы успели узнать, что еще в начале XIX века один из императоров Вьетнама, основатель династии Нгуен, назвал пять вершин мраморных гор, расположенных недалеко от Дананга, именами пяти главных элементов природы: Земля, Вода, Дерево, Огонь и Металл. Культу каждой из них посвящены сувениры.

Перед тем, как продолжить путь в Хошимин, мы заехали в одну из деревень, расположенных у подножья Мраморных гор. Она славилась искусными резчиками по камню. Ремесло резанья по камню передается по наследству. Мастера высекают из серо-голубоватого мрамора изящные вазочки, парковую скульптуру, прекрасные табакерки и статуэтки, изваяния Будды для храмов и монастырей. Опасаясь перегруза на обратном рейсе из Хошимина в Москву, мы отказались от тяжеловесных ваз, расписанных драконами, от конусообразных соломенных шляп и ограничились приобретением по одной мраморной вазочке на память о Дананге, китайском пляже, Мраморной горе и деревне Нон Ньюк, где живут каменных дел мастера еще с середины XVIII в.

К сожалению, мы проскочили кавалерийским аллюром Чамский музей, в котором собрана уникальная коллекция скульптуры, несмотря на жгучий интерес к чамам, чамским библиотекам, сохранившимся с французских времен, и к могущественной чамской государственности, существовавшей в пределах нынешнего Вьетнама в средние века. Мы сумели разобраться в религиозной идентичности чамов, разделенных, подобно некоторым другим народам, на две

группы, одна из которых («баламоны») исповедовала культ предков как подобие конфуцианства, а другая, на юге Вьетнама – ислам.

Иностранных журналистов, посещающих Вьетнам сегодня, на рубеже первых двух десятилетий нового тысячелетия, поражает глубокая социальная дифференциация вьетнамского общества и новоявленные мультимиллионеры. Так, например, один из самых богатых людей современного Вьетнама Там Тхан Данг решил воздвигнуть в центре Дананга огромное здание в 48 этажей с торговым центром и пятизвездочной гостиницей. По проекту здание обещает стать самым высоким в регионе. Туристы, посещающие обновляющийся Вьетнам, с трудом верят, что обогащение, хотя и небольшой части населения, происходит в однопартийной коммунистической стране.

Между тем, ускоренные темпы экономического и социального развития вьетнамского общества не сильно удивляют. Побывав неоднократно в Хошимине, я своими глазами мог наблюдать, как торговые улочки в центральной части этого утопающего в цветах южного города за 2–3 года перешли на русский язык, сохранив знание английского языка. На примере центрального рынка и торговых улочек видна сверхвысокая адаптивность вьетнамского населения к новым условиям жизни. Книжные магазины по-своему реагировали на происходящие изменения. В то время как после ухода американцев резко поднялись цены на русско-вьетнамские и вьетнамско-русские словари, мы с В.Н. Шамшуровым и В.С. Кондратьевым купили по экземпляру прекрасного Вебстеровского словаря «The New Merriam-Webster Pocket Dictionary» (1971) объемом до 700 сдвоенных страниц за смехотворные полдоллара.

Раздел 5. На даче Тхиеу

Однажды, в перерыве между опросами, вьетнамские коллеги устроили непродолжительный отдых на даче бывшего диктатора Южного Вьетнама – Тхиеу. Курортное местечко располагалось в нескольких десятках километров к северо-востоку от Хошимина. Красивые, жизнерадостные вьетнамочки зазывали нас к обеду тонкими, по-детски звенящими голосами: «Домчи Минь! Домчи Минь!». Один из наших озорников, не помню который – Валерий Кондратьев или Валерий Шамшуров, перевел им вьетнамское слово домчи («товарищ») на русское слово «папа». Дескать, приглашать на обед можно по-русски. И когда прелестные вьетнамочки с энтузиазмом заверещали: «Папа Минь! Папа Минь!», мои коллеги записали их голоса на магнитофон. Я был во Вьетнаме, кажется, уже в четвертый раз. По возвращении в Москву авторы идеи пришли ко мне в гости и подарили кассету моей жене, как бы намекая на мои демографические достижения в зеленых долинах Вьетнама за истекшие 3 года. Кассета бережно хранится в домашнем архиве, как память о талантливых сотрудниках Института этнографии АН СССР, о музыкантах, этнографах, о личностях, наделенных безграничным чувством юмора. Мне и сегодня дорога память об экспедиционных дорогах, совместно пройденных не только по горным тропам Северного, но и по долинным протокам Южного Вьетнама.

Нарочито вызывающий характер названия предлагаемой статьи в известной мере предопределен именно этим – одним из многочисленных экспедиционных сюжетов «из реки по имени факт». В экспедиции, как и в научной и повседневной жизни, В.Н. Шамшуров был незаменим. Он был мастером на парафразы. когда блистательно «ловил» в речи собеседника двусмысленности и «редакционные шероховатости». Он не мог жить без юмора и без музыки.

Искрометные парафразы, метафоры, анекдоты, байки В.Н. Шамшурова не сохранились. Однако его смехотворчество, будь оно записано, могло бы стать иллюстрацией повседневной жизни времен «развитого социализма» и сделало бы его смех социально ценным, так как через стадию гротеска на передний план выступали противоречия жизни, о которых не принято

было говорить в открытой печати. Подозреваю, что ему принадлежит авторство ставшей притчей во языцех рассказа о первом посещении Берега Маклая советскими этнографами в 1971 г., во время шестого рейса «Дмитрия Менделеева». Советские этнографы привезли в дар аборигенам бесхитростные железные топоры, стеклянные бусы, глиняные горшки, посуду и прочие сувениры времен Н.Н. Миклухо-Маклая. Каково же было их удивление, когда они увидели в руках встречавших их местных жителей японские транзисторы и магнитофоны. Во время второго визита в 1977 г. научным организациям и отдельным ученым и общественным деятелям дарили книгу Ю.В. Бромлея «Советская этнография: основные направления», ряд тематических сборников, и экземпляры ежегодника Института этнографии АН СССР «Расы и народы». [*Тумаркин* 1977: 87]

Однажды ночью В.Н. Шамшуров специально пригласил ко мне домой на Университетский проспект своего начальника – министра по делам национальностей – В.А. Михайлова, сыграть в шахматы. Очень хотелось моему другу, чтобы хоть кто-то мог одолеть непобедимого В.А. Михайлова, перед которым не мог устоять никто из числа сотрудников Министерства. Однако квалификация в шахматной игре, как и в других сферах жизнедеятельности, имеет решающее значение. В.А. Михайлов остался непобедимым. Принятые в ходе ночного блицтурнира несколько граммулечек и время на шахматных часах, сокращенное сначала до 5-ти, а затем и до 3-х минут, никоим образом не изменили соотношение сил за шахматной доской. Усилия носителя второго разряда оказались тщетными против профессионализма мастера спорта, наделенного к тому же мощной фантазией в комбинационной шахматной игре.

Хотя детские и юношеские годы В.Н. Шамшурова проходили в Европейской части СССР, а мои депортационные – в Западной Сибири, нас сближало типологическое сходство повседневной жизни в различных ее проявлениях. Общие черты советского образа жизни в пору нашей молодости на рубеже 1950–1960-х гг., видимо, общие для всех регионов Советского Союза, становились основой коллективизма, взаимного доверия, перерастающего в дружеские отношения.

Вопреки цензуре и остракизму, в сельские избы-читальни и Кировской, и Курганской областей каким-то попутным ветром заносило красивые и нервные песни Александра Вертинского. Вместе с местными частушками и песнями, вырвавшимися из гулаговских обледенелых застенков, песни Вертинского считались запретными, и их распевали в дружеских кампаниях с доверительным составом участников.

Собравшись в крохотной избе-читальне, окруженной вековыми тополями, на краю села Тамакулье Каргапольского района, под негромко звучащую гармошку пели песни из репертуара осужденных:

Я помню тот Ванинский порт,
Гудок парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы.
От качки страдали зэка,
Обнявшись как родные братья…

В слове «родные» ударение делалось на первом слоге, что придавало самой песне дополнительную ауру запретности и флер (пелену) доверительности.

Попав в Москву, мы, выходцы из провинциальных школ и музыкальных училищ, с любопытством и жадностью набрасывались в 70–80-е гг. на ранее запрещенную литературу.

Всемирно известный роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» был опубликован в 1966 г. в журнале «Москва» (№ 11). Мы заучивали целые страницы романа вместе с малоизвестными в послевоенный период рассказами М.А. Булгакова 1920-х гг., от которых веяло свежим ветерком, недоступным нам в школьные годы.

И хотя семья В.Н. Шамшурова не подвергалась репрессиям, подобно моим, сосланным в Сибирь родителям, он разделял шокирующее впечатление, производимое судьбой черных котов, заметенных «добрыми» гражданами после исчезновения Воланда и его свиты. Благодаря старушке, узнавшей от соседей, что ее кот был заметен, «кот был развязан и возвращен владелице, хлебнув, правда, горя, узнав на практике, что такое ошибка и клевета» [*Булгаков* 1973: 802]. Это едва ли не самое откровенное место в романе, содержащее намек на сталинские репрессии 1937 г.

В ресторане Кагула – исторически прославленного городка, что на юге Молдавии, В.Н. Шамшуров шокировал официантку, на полном серьёзе заказывая «Все!» блюда, включенные в меню. И если в ресторане не оказалось музыкального инструмента или он оказывался недоступным, он мог «в том же приграничном городке нанести ночной визит» в Дом пионеров вместе с руководителем этого учреждения через окно, чтобы взять в руки едва ли не любой обнаруженный там музыкальный инструмент. Видное место в его репертуаре занимало «Утомленное солнце». Рояль – для танго, баян или аккордеон – для вальса. Среди бесчисленных мелодий вальса импонировали ставшие классикой «Вальс расставания» Яна Френкеля, «Случайный вальс» М. Фрадкина и «В лесу прифронтовом» М. Блантера.

Не афишируя свое музыкальное образование, он, тем не менее, любил удивлять коллег и сотрапезников знанием авторов той или иной мелодии. Он навсегда запоминал любимые песни и романсы своих друзей. Сотрудники Института этнографии АН СССР хорошо помнят, как в доме 19 по улице Дм. Ульянова в дни празднеств по коридору четвертого этажа из конца в конец «прогуливались» В.Н. Шамшуров с баяном и директор Института Юлиан Владимирович Бромлей с его любимой песней «Летят перелетные птицы».

Ю. Бромлей, фронтовик, патриот своей родины, исторической и этнографической науки, реанимировавший теорию этноса с учетом трудов Широкогорова, особенно любил марши, в том числе и немецкие. В этом плане его вкусы в чем-то совпадали с любимыми мелодиями научного руководителя моей кандидатской диссертации – Г.Е Маркова, обладателя серьезной коллекции немецких маршей.

Раздел 6. Зигзаги повседневности

В интернете содержится множество, набивающих оскомину сообщений о том, что даже на центральном рынке Хошимина «Пентхань», где продаются разнообразные товары и сувениры, «принято торговаться». Но нет никакой информации о технологии «торгования». Между тем, это довольно тонкое искусство и деликатная психологическая игра. Нас пытались учить этому искусству наши вьетнамские коллеги. Прежде чем глаз положить на тот или иной сувенир, покупатель должен знать приблизительно его реальную стоимость. Потому как при первом вопросе о реальной стоимости хозяин прилично завышает цену, рассчитывая на неопытность покупателя, особенно иностранного происхождения.

Допустим, он говорит, что заинтересовавшая вас ваза стоит 100 донгов. Покупатель вяло называет минимальную цену, например, 20 донгов. Продавец смеется такой цене, но понимает, что игра начинается и снижает цену до 90 донгов. Покупатель соглашается на 30 донгов, продавец снижает до 80 и т.д. Но если покупатель назовет свою окончательную цену, например, 40 донгов, и хозяин согласится, покупатель обязан купить. В случае, если он откажется покупать по цене, самим уже озвученной, он будет в лучшем случае обруган, в худшем – побит. Таков закон стихийной рыночной экономики, основанной на борьбе двух психологий, как в игре «Приз в студию!» между игроком и Л.А. Якубовичем на ток-шоу «Поле чудес».

Проживая длительное время в городских и сельских гостиницах, мы запоминали вкус разнообразных блюд богатейшей вьетнамской кухни, пожалуй, больше, чем их названия и спосо-

бы приготовления. Относительно редко подавали рулетики из рисовой бумаги. Начинки состояли из мясного фарша, грибов, различных приправ. Благодаря удивительному вкусу, легко запоминались названия – *нэм*. Между собой мы называли их байденемчиками. Очень вкусными были приготовленные по-французски обжаренные в муке лапки лягушки, которую по-вьетнамски называли «полевым петухом».

Относительно легко мы привыкали, наряду с использованием китайских палочек, к рису и всевозможным соевым и рыбным приправам, зная, что блюда из риса составляют основу традиционной системы питания вьетнамцев, как, впрочем, и ряда других народов Юго-Восточной и Восточной Азии. Каждый житель Вьетнама, по рассказам информаторов, съедал в год до 200 килограммов риса в отварном, вареном, томлёном виде. Несколько труднее было осваивать молодые побеги бамбука в супе, чем-то отдаленно напоминающие по вкусу грибной суп, хотя с голодухи, в сочетании с острыми приправами, кружечкой европейского пива или с граммулечкой змеиной водки, перебивающими запах вареного бамбука, жить можно было.

Любимое блюдо блинчики из «рисовой бумаги» – нэм. 1981 г. Ханой. Слева направо:В.С. Кондратьев, В.Н. Шамшуров, М.Н. Губогло. Фото из архива М.Н. Губогло

Только один раз в самом здании Института этнографии КОН был устроен дружеский этнографический ужин, в ходе которого дегустировали многочисленные блюда из собачатины. Мы, как этнографы, осторожно, но, понятное дело, без особого энтузиазма и без страха пробовали сладковатую по вкусу и легковесную по консистенции жареную и вареную собачатину, котлеты и шашлыки, приправленные острыми соусами. Однако, когда дело дошло до колбасы из крови собаки, мой друг со студенческих лет и по общежитию МГУ, директор Института этнографии КОН СРВ Бе Вьет Данг приостановил дальнейшее тестирование. Я остался жив. Однако через полгода, когда я ехал со своим земляком, верующим человеком, гагаузом по национальности, исповедующим православие, из Кишинева в Гагаузию и стал перечислять ему блюда из собачатины, которые мне довелось пробовать, водитель остановил машину. Ему стало плохо. «Грамматика повседневной жизни» и основы гагаузской традиционной культуры не выдержали такого испытания. Воображение оказалось сильнее рассудка.

В деревне Чи ланг провинции Лангшон, где мы прожили несколько дней в связи с опросами в соседних общинах, ни ресторана, ни столовых не было. Однако наши вьетнамские коллеги добились того, чтобы в дом у подножия горы, в котором мы проживали, откуда-то извне приносили готовые блюда. Однажды мы, с соблюдением предельной вежливости и деликатности, попросили принести бюда в подогретом виде. На следующий день мы получили свежие огурцы и помидоры, сваренные в кипяченой воде. Это не лирика, это специфические условия полевой работы, известные каждому этнографу.

Пришлось подсолить, посыпать перчиком и съесть. К счастью, на следующий день мы переехали в другую общину. Каждому полевику-этнографу неоднократно приходилось приоб-

щаться к местной кухне не только из простого любопытства, но и по необходимости, а также для того, чтобы не задеть чувства гостеприимных хозяев. В ходе широкомасштабного социологического опроса в 1968 г. по проекту «Оптимизация межнациональных отношений» (автор идеи и программы – Ю.В. Арутюнян) в татарской деревне Бикбулово Мензелинского района Татарской АССР нас угостили необычайно интересным национальным блюдом – горячим молочным супом с квашеной капустой.

Однажды в ходе одного из крупномасштабных опросов в городах и селах Татарской АССР нам пришлось поселиться вместо гостиницы в школьном здании села Бикбулово Мензелинского района Татарской АССР. В одном из классов случайно нашли около десятка будильников и завели их с интервалом через каждые 5 минут. Припрятали в разных углах класса, где предстояло ночевать прелестной половине экспедиции. Самой старшей среди них была Ариадна Павловна Санникова. В 11 часов ночи, когда девушки изготовились спать, прозвенел первый будильник. Через 5 минут в противоположном углу прозвенел второй. Третий оказался в пакете среди связки незаполненных анкет… Когда все будильники были раскрыты и в классе стало тихо, Ариадне Павловне казалось, что часы где-то продолжают тикать и она искала их по углам, чтобы окончательно «обезвредить». Девушки были молоды и не обиделись на шутку не самого высокого качества. Однако позднее вспоминали, как дань молодости, доверительности и экспедиционной сплоченности.

Раздел 7. Лаковая живопись

В трюмах торгового корабля, плывущего из Юго-Восточной Азии в Париж, были сложены лаковые изделия, которые должны были поразить воображение европейцев, собравшихся посетить художественную выставку. Однако корабль потерпел крушение. Через много лет, к великому изумлению спасателей, изящные лаковые изделия оказались в прекрасном состоянии. Так родилась полулегенда-полубыль о происхождении лаковой живописи как удивительного декоративно-прикладного изобразительного искусства Вьетнама. Распознав удивительные свойства лака из сока небольшого дерева, растущего в Северном Вьетнаме, талантливые обитатели древней земли стали покрывать лаком изделия домашнего обихода, пейзажные картины, натюрморты, предметы из кожи и дерева.

Перед посещением мечети в г. Хошимине. 1981 г. В центре В.С. Кондратьев, До Тхи Бинь, М.Н. Губогло, В.Н. Шамшуров. Фото из архива М.Н. Губогло

Мастера одного из направлений лаковой живописи в поисках белого цвета, наряду с черным, коричневым, зеленым, красным и золотистым, стали использовать осколки яичной скорлупы, которые наклеивались на еще непросохший грунт, а сверху покрывались прозрачным лаком. Лаковое покры-

тие не только придавало элегантность и красоту художественному произведению, но и служило средством предохранения от сырости во времена муссонных дождей.

На лаковой фабрике в Хошимине мы имели возможность не только приобретать сувениры в виде картин, всевозможных ваз и вазочек, но и наблюдать за сложным и длительным процессом, требующим высокопрофессионального мастерства.

Сначала доску из твердых пород деревьев не слишком квалифицированные ученики или подмастерья покрывают несколькими слоями грунта, основу которого составляют лак-сырец речной и каолин (белая огнеупорная глина, получившая название благодаря местечку Каолин в Китае). Затем художник пишет картину цветными лаками и покрывает ее сверху толстым слоем черного непрозрачного лака. На заключительной стадии, смачивая картину водой, художник сначала шлифует «полотно» пемзой, затем листьями бамбука и волосяной щеткой и только потом ладонью. Мастера лаковой живописи создают художественные образы различного настроения. Так, например, ветвистое дерево с «золотыми» плодами создает чувство радостного настроения. Бамбуковое дерево, согнутое под напором ветра, передает настроение ностальгии по молодости, по малой родине, по угасшей любви. И мандариновое дерево, и бамбук многое говорят впечатлительному сердцу обитателям родной земли.

И хотя мы – сотрудники Института этнографии АН СССР, участники комплексной советско-вьетнамской этносоциологической экспедиции – интересовались преимущественно распространением анкет, опросных листов, проведением специализированных интервью, выяснением проявления этнического в разных социальных группах, мы не могли не видеть того, как художники Вьетнама изображали в лаковой живописи повседневную жизнь человека, его быт, труд, петухов и драконов, легендарные и исторические события, которые естественно и логично корреспондировали с природными ландшафтами СРВ.

Раздел 8. Этносоциологи на «государевой службе»

В 1970-е – 1980-е гг. международному научному сотрудничеству с учеными Вьетнама, придавалось важное общегосударственное значение. В сентябре 1980 г. между Институтом этнографии АН СССР и Институтом этнографии Комитета общественных наук (КОН) СРВ был подписан «Рабочий план научного сотрудничества на 1980–1985 гг.», согласованный с соответствующими отделами ЦК КПСС. Предусматривались совместные научные исследования по трем основным направлениям: 1) по проблемам этногенеза и этнической истории народов Вьетнама; 2) по созданию трудов, освещающих этнографические и этнокультурные процессы; 3) по проведению совместных этносоциологических исследований.

К началу 1980-х гг. в Институте этнографии АН СССР этносоциология утвердилась в качестве нового научного направления, имеющего междисциплинарный характер. Поэтому перед этносоциологами ставилась триединая задача:

1) оказание научно-методической и научно-организационной помощи в проведении этносоциологических исследований, в том числе по подготовке программы и задач исследования, его процедурно-методического оснащения, обработке с помощью советской вычислительной техники материалов крупномасштабных опросов;

2) чтение лекций и участие в подготовке текстов совместных работ;

3) оказание помощи в подготовке кадров, специализирующихся на изучении экономических, социальных и психологических аспектов межнациональных отношений, языковой и демографической ситуации.

На начальном этапе сотрудничества в области этносоциологии в Ханое и Хошимине в феврале-марте 1980 г. мною был прочитан обзорный курс лекций о состоянии этносоциологиче-

ских исследований в СССР и проведены предварительные переговоры с сотрудниками Института этнографии КОН и руководством КОН. В сентябре на заседании сектора этносоциологии были заслушаны целеполагающие доклады директора Института этнографии КОН Бе Вьет Данга и заведующего сектором этносоциологии того же института Нгуен Ван Зуя о программе и задачах этносоциологических исследований, обсужден предварительный макет «Опросного листа», распределены функции участников Международной комплексной этносоциологической экспедиции на время работы среди национальных меньшинств СРВ.

В Справке «О сотрудничестве Ордена Дружбы народов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР с научными учреждениями СРВ», подготовленной заместителем директора Института этнографии АН СССР, доктором географических наук С.И. Бруком для вышестоящих инстанций, в том числе для отдела науки ЦК КПСС, говорилось: (позволю себе привести отрывок из копии с оригинала, хранящейся в моем архиве).

В процессе сотрудничества Институт этнографии АН СССР придает большое значение ознакомлению вьетнамских ученых с достижениями советской этнографической школы, разработкой теоретических и методологических проблем, практической деятельностью в области национального строительства, методикой этнографических, антропологических и этносоциологических исследований. С этими целями выезжающими в СРВ учеными Института читаются циклы лекций, проводятся практические занятия.

Одним из важнейших аспектов сотрудничества является постоянное оказание советской стороной помощи в повышении квалификации кадров вьетнамских этнографов и социологов /среди подготовленных Институтом специалистов – к.и.н.Мак Дыонг ныне является зам.директора Института общественных наук КОН СРВ в г.Хошимине, Нгуен Ван Зуй возглавляет сектор этносоциологии Института этнографии КОН СРВ в г.Ханое/. Только за последние годы Институтом принято более 20 вьетнамских ученых в аспирантуру и на стажировку. Защитили кандидатские диссертации пять вьетнамских этнографов.

Советские и вьетнамские ученые практикуют взаимные и совместные публикации в своей этнографической периодике: в СРВ – в журнале "Этнография", в СССР – в журнале "Советская этнография"; вьетнамские авторы привлекались также и к участию в ряде изданий Института этнографии АН СССР.

Зам.директора
Института этнографии АН СССР
доктор географических наук С.И.Брук

Важную роль в уточнении целей, задач, программатики советско-вьетнамского сотрудничества и полевых исследований в СРВ, в обработке и обобщении собранного материала сыграл советско-вьетнамский симпозиум, проведенный в апреле 1982 г. в Ташкенте при поддержке ЦК компартии Узбекистана. Этносоциологические исследования в СРВ и проведение советско-вьетнамского симпозиума курировал инструктор ЦК КПСС.

Президент АН Узбекской ССР А. Садыков, заместитель председателя Совета Министров Узбекской ССР М. Турсунов, председатель КОН СРВ, академик Нгуен Кхань Тоан, председатель Научного совета АН СССР по национальным проблемам, академик Ю.В. Бромлей раскрыли огромное значение научного анализа путей развития межнациональных отношений, международного обмена опытом, отметили возрастающую роль сотрудничества ученых братских стран в разработке теоретических и практических вопросов в деле изучения народов многонациональных стран.

Большое внимание было уделено методологическим вопросам, понятийному аппарату, в том числе соотношению таких категорий, как «советский народ – новая историческая общ-

ность» и «вьетнамская нация», «этнические группы» и «национальные меньшинства», «социальное» и «этническое» и «этносоциальные процессы».

В докладах Фан Зуи Ле, Дан Нгием Ванна, Бе Вьет Данга (СРВ), Б. Лунина (Узбекистан), Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и А.И. Гинзбург (Москва) было показано, в частности, что историческая судьба национальных меньшинств – это та призма, через которую выявляются процессы мирной и насильственной ассимиляции малочисленных народов, процессы внутринациональной консолидации и межнациональной интеграции. В этой связи особый интерес представили доклады С.И. Брука (Москва) и Кхонг Зиена (Ханой) о сути и динамике численности народов, доклад Чан Куок Выонга (СРВ) о роли культуры в становлении вьетнамской нации.

> «Суть национального вопроса в СРВ, – говорилось в преамбуле Докладной записки, – сводится к тому, как вовлекаются национальные меньшинства в процессы социально-экономических преобразований, каким путем преодолевается их вековая экономическая и культурная отсталость, географическая и психологическая изолированность и как складываются отношения между вьетами и невьетами в разнообразных сферах жизни от экономики до психологии.
>
> Хотя 53 национальные меньшинства согласно переписи населения 1979 г. составляют в СРВ относительно невеликий удельный вес (12,7%) в составе населения страны, они занимают три четверти ее территории и имеют особое значение не только с хозяйственной, но и с политической, социальной и оборонной точек зрения. Эта ситуация глубоко осознается руководителями Вьетнама. <…>
>
> Функции, по существу, сведены к сбору информации о невьетнамском населении, регистрации и констатации представительства национальных меньшинств в органах народной власти и в отраслях народного хозяйства преимущественно на низовом уровне, т.е. на уровне общин и уездов. Сколько-нибудь существенного воздействия на кадровую, социально-экономическую и культурную политику эти учреждения не оказывают. Время от времени эти учреждения составляют докладные записки в вышестоящие инстанции о пропорциональном или непропорциональном соответствии удельного веса представителей национальных меньшинств в органах власти удельному весу их в составе населения.
>
> Наряду с практическими мероприятиями, стимулируются научные исследования проблем социально-культурного развития национальностей и отношений между ними, а также привлекается внимание общественного мнения к национальной проблематике. <…>
>
> Активизация социально-культурной политики КПВ в горных провинциях (особенно в Северном Вьетнаме) способствовала ликвидации вековой неграмотности, подъему культурного уровня, появлению отряда рабочего класса и прослойки интеллигенции, обновлению общественного сознания.
>
> Перечисленные социально-экономические, культурно-бытовые преобразования, преодоление психологического и географического изоляционизма национальных меньшинств находят отражение в содержании, характере и направленности развития национальных и межнациональных отношений, и шире – в национальных процессах, протекающих в трояких: национально-консолидационных, межнационально-интеграционных и ассимиляционных формах. <…>
>
> В 1976 г. были расформированы созданные ранее (в 1956 и 1957 гг.) автономные округа Тайбак и Вьетбак. К этой мере руководство СРВ прибегло, как отмечали в устных беседах партийные и общественные деятели, во-первых, с тем, чтобы снять претензии и требования некоторых национальных меньшинств Южного Вьетнама иметь собственные национально-автономные устройства, во-вторых, с тем, чтобы упростить и удешевить управление провинциями, сняв дополнительный "промежуточный" управленческий аппарат между общегосударственными и провинциальными органами, в-третьих, чтобы ослабить стремление национальных меньшинств к развитию своей самобытности, якобы ведущей к сепаратизму, в-четвертых, для того, чтобы "приблизиться" к болгарской (не советской!) модели решения национального вопроса, которая, как видно из новейших данных, сводится к созданию единой болгарской социалистической нации путем форсированного ассимилирования всех групп неболгарского населения и последующего растворения их в составе болгар.
>
> Упразднение национальных округов Тайбак и Вьетбак не подлежали в СРВ обсуждению ни в устной форме, ни в печати. Между тем, многие обществоведы (философы, историки, этнографы, язы-

коведы) не согласны ни с отменой автономных образований, ни с наложением табу на обсуждение государственно-правовых аспектов национального вопроса в СРВ».

В конце 1985 г. по итогам этносоциологических исследований была подготовлена и представлена в ЦК КПСС Докладная записка «Национальные процессы в СРВ в условиях перехода к социализму». Как исторический документ, она заслуживает специальной публикации и комментариев, поэтому ограничусь несколькими цитатами из оригинала без редакторской правки нескольких принципиальных положений, имеющих важное значение для понимания политики СССР в сфере межнациональных и международных отношений. Попутно приведу текст сопроводительного письма зам. директора ИЭ АН СССР Л.М. Дробижевой, раскрывающего «руководящую» роль высшего партийного органа в жизни научного сообщества.

В Отдел ЦК КПСС
тов.СМИРНОВСКОМУ М.Н.

В соответствии с Вашим поручением направляем Справку: "Национальные процессы в СРВ в условиях перехода к социализму", подготовленную д.и.н.М.Н.Губогло.
Приложение: "Национальные процессы в СРВ в условиях перехода к социализму", 17 стр.(для служебного пользования).

Заместитель директора
института этнографии АН СССР,
доктор исторических наук — Л.М.Дробижева

«Задачам форсированной ассимиляции национальных меньшинств отвечает прежде всего широко развернутая переселенческая политика. <…>

Она состоит в том, чтобы раздробить наиболее крупные по численности национальные меньшинства, разрушить компактный характер их расселения, увеличить долю проживающих в инонациональной (преимущественно во вьетнамской национальной) среде и тем самым ускорить утрату своей самобытности и переход в состав вьетов.

В соответствии с этим курсом одна часть национальных меньшинств официально (по существу – по принуждению) переселяется с мест их исконного проживания (особенно из припограничных провинций) в провинции, заселенные вьетами, другая часть – в районы проживания других национальных меньшинств. Параллельно с этим в районы традиционного обитания национальных меньшинств, вселяется вьетское население. <…>

О позитивных и негативных последствиях переселенческой политики хорошо осведомлены сотрудники Института этнографии КОН СРВ и Комитете по делам национальных меньшинств. Так, например, в докладе заведующего Отделом политики этого Комитета тов. Шэн, посвященном современному состоянию национальных меньшинств в СРВ, было обращено внимание на то, что благодаря смешению национальностей укрепляется солидарность народов, приобретаются навыки взаимопомощи, лучше осознается единство целей. Однако, наряду с этими положительными моментами, искусственно создаваемая совместная жизнь людей различной национальности ведет к межнациональной розни и конфликтам, из-за неодинакового уровня социально-экономического развития, несходства культур, обычаев, нравов, из-за необходимости делить землю. <…>

Экономическая политика, проводимая руководством СРВ в горных провинциях с ассимиляторских позиций, не всегда учитывает веками сложившиеся хозяйственно-экономические традиции в жизнеобеспечении и в образе жизни национальных меньшинств.

Ассимиляторская политика в сочетании с отсталостью невьетских национальностей затрудняет сближение народов, расширяет круг предубежденных людей, т.е. круга лиц с отрицательными установками на межнациональные контакты. Не случайно 36,0% нунгов, 39,0% таев, 57,0% тхаев и 64,0% мыонгов указали, что они считают нежелательными браки с людьми другой национальности или не допускают такие браки, если последние не будут угрожать разрушению их национальных обычаев. <…>

Широкое распространение среди национальных меньшинств СРВ получил вьетский язык – язык межнациональных общений, язык приобщения невьетов к достижениям техники, науки, культуры. Положительные последствия этой тенденции трудно переоценить. Однако знание вьетского языка, во-первых, неравномерно распространено среди различных национальных меньшинств (например, четверть тхайского населения совсем не знало вьетского языка, и лишь 16,0% владело им приблизительно в равной мере с языком своей национальности); во-вторых, народно-разговорная форма языка своей национальности сочеталась с литературным вьетским языком, что создавало в ряде случаев осознание неполноценности своего языка и чувство ущемленности национальных интересов; в-третьих, особенно плохо владели вьетским языком лица старшего возраста, женщины и жители высокогорных районов».

Этносоциологические знания, которыми был вооружен В.Н. Шамшуров в пору, когда он был призван в государственные органы РФ по осуществлению национальной политики, позволили ему стать опытным и деятельным экспертом по разработке методов и методик по оптимизации национальной политики, в том числе по урегулированию межэтнических конфликтов. Можно сказать, что в начале 1990-х гг. в первое время после распада СССР, никто в российской властной структуре лучше В.Н. Шамшурова не знал первоисточники, позволяющие анализировать и познавать причины и логику межэтнических отношений и драматургию этнополитических конфликтов; вместе с В.А. Тишковым он считал, «конфликт вызывается не этнической идентичностью как таковой, а ее политизацией, за которой могут стоять различные силы и мотивации».

Во введении к русскому изданию «Настольной книги» по трансформации конфликтов, переведенной в Институте этнологии и антропологии РАН (www.iea.ras.ru), В.А. Тишков вспоминал грозное лето 1992 г., когда он в качестве федерального министра по делам национальностей несколько раз посещал Северный Кавказ с целью предотвращения вооруженных конфликтов в Чечне, Северной Осетии и Южной Осетии, для организации и координации деятельности миротворческих сил после окончания вооруженной стадии грузино-осетинского конфликта. Вместе со своим тогдашним заместителем и Министром по чрезвычайным ситуациям Сергеем Шойгу, с чистого листа разрабатывали принципы и подходы, как и с кем разговаривать, как пригласить к столу переговоров представителей враждовавших сел, как выявить компетентных и авторитетных лиц, способных говорить от имени общества и местных общин, каким образом использовать силу, убеждения и механизмы урегулирования, исторически сложившиеся в рамках традиционных культур. В.А. Тишков подчеркивает, что «это были сотни очень сложных вопросов, впервые возникших перед теми, кто оказался в зоне постсоветских конфликтов без соответствующего тренинга, а тем более без доброжелательной внешней поддержки» [*Тишков В.А.* Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию].

Имеет смысл напомнить, что Постановлением Правительства РФ от 10.05.1993 № 432 «О Государственной комиссии по определению границ Ингушской Республики» заместитель председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации, председатель Государственного комитета Российской Федерации по делам федерации и национальностей С.М. Шахрай был назначен председателем этой Комиссии, а его заместитель Валерий Никифорович Шамшуров был включен в состав комиссии в качестве заместителя ее председателя [http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/rf-postanovlenija/i0a.ht].

Государственной комиссии было поручено подготовить предложение по определению границ Ингушской Республики для последующего внесения в Верховный Совет РФ.

На нескольких сайтах Интернета сохранилась коротенькая биографическая справка о Шамшурове: «Бывший заместитель министра РФ по делам национальностей и федеральным отношениям (до 1996 г.); родился 28 ноября 1941 г. в г. Кирове; окончил исторический факультет МГУ, кандидат исторических наук, работал в отделе перспективного планирования Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР научным сотрудником, заместителем директора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, женат, имеет сына» [http://viperson.ru/wind/php?ID=1709].

Информация была опубликована на сайте 25.11.2001 г., а затем повторена еще на двух сайтах [см., напр.: http://www.biography/shamshurov-valerij-nikiforovich.htm].

Распоряжением от 25 марта 1996 г. № 464-р Правительства Российской Федерации Шамшуров Валерий Никифорович был назначен заместителем министра Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям.

При министре Егорове Николае Дмитриевиче В.Н. Шамшуров был одним из десяти заместителей, наряду с такими известными учеными и общественными деятелями, как В.А. Михайлов, Х.Х. Боков, П.Х. Зайфудим, А.А. Котенков, А.М. Поздняков, К.М. Цаголов [http://novyeludi.ru/books/gvachnadze/tsaregorodtsev-aleksandr].

Распоряжением президента РФ от 26 июня 1992 г. № 325-рп «О составе делегации федеральных органов государственной власти Российской Федерации для ведения переговоров с органами власти Республики Башкортостан» (с изменениями от 17.11.1992, 25.03.1993) заместитель председателя Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике Шамшуров Валерий Никифорович был включен в состав делегации федеральных органов власти РФ для ведения переговоров по подготовке соглашения о дополнительном разграничении полномочий с органами власти Республики Башкортостан.

Немаловажную роль в постакадемической карьере В.Н. Шамшурова сыграл Первый заместитель председателя Правительства РФ Г. Бурбулис. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 марта 1992 г. № 524-р, подписанной Г. Бурбулисом, В.Н. Шамшуров был назначен заместителем председателя Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике [http://poisk-zakona.ru/26297.1.html].

Раздел 9. У истоков кафедры по национальной проблематике РАГС

Занимая крупные государственные посты, В.Н. Шамшуров не порывал связей с наукой, с коллегами и друзьями академических институтов. Вместе с другими ее основателями – крупными учеными, политиками и общественными деятелями, он находился у истоков кафедры по национальной проблематике РАГСа.

В сентябре 1990 г. приказом ректора АОН при ЦК КПСС была создана кафедра межнациональных отношений. Тогда же, годом ранее, был создан Центр по изучению межнациональных отношений при Институте этнографии АН СССР. Заведующим кафедры по совместительству был утвержден заведующий отделом национальной политики при ЦК КПСС, доктор исторических наук, профессор Вячеслав Александрович Михайлов. В сентябре 1991 г. название кафедры было скорректировано в связи с организацией АОН; она стала называться кафедрой национальной политики и межнациональных отношений. В марте 1992 г. в связи с ликвидацией АОН при ЦК КПСС кафедра была упразднена. Первые попытки реанимировать кафедру оказались безуспешными. Инициаторы воссоздания кафедры нашли поддержку в лице В.А. Тишкова, возглавлявшего в ту пору Государственный комитет по делам национальностей.

Понимая роль и значение подготовки профессиональных кадров в сфере национальных отношений, председатель Госкомнаца Правительства РФ В.А. Тишков и его заместитель В.Н. Шамшуров обратились к руководству РАУ с предложением о воссоздании кафедры. Теперь едва ли не о самом главном. В подписанном В.Н. Шамшуровым официальном письме на имя ректора РАУ Р.Е. Тихонова от 26.05.1993 г. № 07-451 не только обращалось внимание на необходимость воссоздания кафедры в структуре академии, но и гарантировалось содействие в осуществлении набора слушателей, аспирантов и докторантов на кафедру. Более того, в структуре Госкомнаца РФ был создан учебно-методический отдел, возглавляемый известным специалистом по национальной политике и национальным отношениям, профессором К.В. Калининой, которая внесла большой вклад в разработку программы по подготовке работников, занимающихся реализацией национальной политики в регионах РФ.

Справа налево: М.Н. Губогло, В.Н. Шамшуров, А.Е. Пахутов. 1979 г. Фото из архива М.Н. Губогло

Наряду с учеными и одновременно крупными государственными деятелями Р.Г. Абдулатиповым, Л.Ф. Болтенковой, В.Ю. Зориным, К.В. Калининой, В.А. Михайловым, В.А. Печеневым в разработке принципиальных основ национальной политики принимал активное участие В.Н. Шамшуров. вместе с плеядой известных ученых и политиков первого постсоветского десятилетия в сфере национальной политики работали сотрудники Института этнологии и антропологии РАН под общим руководством директора В.А. Тишкова и председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей В.Ю. Зорина.

Ученый, общественный деятель с четко выраженной гражданской позицией, политик, музыкант, спортсмен, Валерий Никифорович Шамшуров был кумиром сотрудников Института этнографии АН СССР.

Нашим общим другом в Институте был Аркадий Ермакович Пахутов (1937–1997). В 1943 г. шестилетним ребенком он был депортирован в Сибирь. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Традиционная пища монгольских народов как этнографический источник». Работал ученым секретарем Института этнографии АН СССР, представителем Республики Калмыкия при Президенте Российской Федерации. Последние годы работал в Министерстве Российской Федерации по делам национальностей и федеральных отношений.

Литература

Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М. 1973

Брук С.И., Губогло М.Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе // История СССР. 1974. № 4.

Брук С.И., Губогло М.Н. Этнодемографические и этнолингвистические процессы в СССР. Доклад на VIII Всемирном социологическом конгрессе в Торонто, 1974.

Губогло М.Н., Бе Вьет Данг. Основные направления этнографических исследований в СРВ // Советская этнография. 1983. № 3.

Губогло М.Н., Кондратьев В.С., Шамшуров В.Н. Этносоциологическое изучение национальных меньшинств СРВ // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических исследований 1980-1982. (ВС ИПЭИ). 1980–1981. Нальчик, 1982. С. 254–256.

Губогло М.Н., Шамшуров В.Н. Организация опроса в этносоциологическом исследовании // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1971.

До Тхи Бинь. Брак и семья народов тай, нунг и тхай Вьетнама. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989.

Общественные науки. 1983.№ 1. С. 188–193.

Тумаркин Д.Д. Новая встреча с Океанией // Советская этнография. 1977. № 6. С. 71–103.

Фан Хау Зат. Мон-кхмерские народы Северного Вьетнама. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963.

Н.Л. Жуковская

У МЕНЯ БЫЛ ШАНС СТАТЬ АЛКОГОЛИКОМ

Да, пожалуй, не только у меня, если постоянно, по зову души, сердца и профессиональной необходимости ездить в экспедиции к тем народам, в каноны гостеприимства которых входит угощение алкогольными напитками. Наши учителя, преподаватели кафедры этнографии Московского университета, со студенческих лет внушали нам, что от угощения в юрте, доме, хижине, вигваме, яранге и прочих местах проживания аборигенов отказываться никак нельзя, иначе из тебя не получится настоящий этнограф. Слово учителя – конечно, важная деталь становления профессионала, но всё же этнографическое сообщество не армия, и если есть национальную пищу требовалось безоговорочно (не морщась, не отодвигая ее в сторону и не пользуясь такими отговорками, как «у меня больная печень» или «я сижу на диете»), то от алкоголя можно было бы и уклониться. Но на это готовы немногие, особенно в молодости.

Вспоминаю свой первый стакан самогона, выпитый, естественно, в экспедиции, разумеется, в Бурятии и, конечно, в доме, где жила бурятская семья. В дом я пришла как этнограф к информатору. Уже весьма в годах хозяин дома обрадовался такому развлечению – молодая девица, приехавшая аж из самой Москвы с какими-то вопросами лично к нему. Я была еще студенткой V курса и отрабатывала свой подход к местным старикам – говорила, что приехала из Москвы именно к ним, так как их знания могут обогатить современную науку очень важными сведениями о культуре их народа. Это впечатляло, меня сразу начинали угощать всякой национальной едой и непременно на столе появлялась бутыль самогона. Другого алкоголя в тех отдаленных селах просто не водилось.

Буряты, бывшие скотоводы-кочевники, питались в основном молоком и мясом. И самогон у них был тоже молочный и гнали его с помощью самогонного аппарата, который у многих народов, занимающихся этим видом хозяйственной деятельности, представляет собой примитивную конструкцию из бочки, таза и нескольких трубок, соединенных друг с другом хитроумным способом, но необходимый эффект достигается. Первая перегонка дает небольшой градус – всего 4–5, вторая уже 12–13 градусов. На третью уже мало кто решается – для этого требуется много молока, а конечный продукт получается очень невелик по объему – всего пол-литра самогона из двадцатилитрового ведра молока. Нерентабельно. Но опьяняющая сила самогона заключена и не только в градусах алкоголя, но и в примеси сивухи – тяжелых спиртов, образование которых всегда сопутствует процессу брожения. В большой концентрации они опасны для здоровья, но в малой усиливают одуряющее действие напитка. Хорошие

сорта фабричной водки очищены от сивухи, но в домашних условиях добиться этого почти невозможно.

Во двор усадьбы информатора я вошла через калитку. Собака, лежавшая неподалеку, отреагировала на мое появление спокойно, не тявкнула и даже не пошевелилась. Общий язык с хозяином нашла довольно быстро. Он оказался словоохотлив и по-бурятски гостеприимен. Вскоре на столе появилась бутыль самогона и нехитрая закусь к ней – хлеб, масло, домашний сыр. Узнав, что я никогда не пробовала молочный самогон, дед оживился и налил себе и мне по большому граненому стакану. Проглотила я его без особых эмоций, напиток показался мне слабоватым и сладковатым на вкус, а не горьким, вопреки ожиданию. Беседа пошла намного оживленнее и вскоре передо мной стоял уже второй стакан.

Что было дальше, я плохо помню, кроме одного – на обратном пути я уже не нашла калитку и стала перелезать через забор. Спокойная дотоле собака вдруг страшно возбудилась, вспомнила свои обязанности и вцепилась в мою штанину, успешно вырвав из нее приличный клок. Спасибо, что не укусила. С тех пор я зауважала бурятский самогон и уже пила его не стаканами, а лишь маленькими рюмочками, да и то очень редко.

Со временем самогон в Бурятии стал редкостью. Скота у населения становилось всё меньше и превращать в алкоголь молоко, столь необходимое в жизни кочевников, стало нецелесообразно. Но зато промышленная водка заполнила собой и ритуальное, и бытовое пространство.

Гостеприимство у бурят традиционное и довольно тяжелое. Кормят обильно, вкусно. Угощают радостно, но и поят тоже со вкусом, настойчиво. Уклониться от этого сложно, хозяева гостеприимного дома обижаются, а уж если прием шел на уровне какого-либо начальства, то это становилось большой проблемой. Начальства не терпело, когда кто-то уклонялся от соблюдения традиции – неважно, по каким причинам гость это делал. Все разговоры на тему «я не могу пить по состоянию здоровья» (далее можно было называть любую часть своего организма, не любящую крепкие напитки) не производили на них никакого впечатления, ибо здоровье, хотя и значилось в списке приоритетных ценностей, но только свое, своих детей и родственников, но отнюдь не самого гостя – гость обязательно должен пить, желательно еще и здорово напиться – это значит, он уважает хозяев. Эту черту монгольского мира подметили еще китайские дипломаты, приезжавшие в XIII в. ко двору Чингиз-хана: напившийся в стельку гость считался «своим», т.е. другом, а тот, кто оставался трезвым, – «чужим», т.е. врагом.

Со временем я отработала несколько хитрых приемов, с помощью которых удавалось избегать насильственного вливания алкоголя в мой организм. Сейчас, когда все это уже стало историей (впрочем, моей личной историей), я вспоминаю об этом с удовольствием и горжусь своей изобретательностью.

Способ первый. Зажимаю коленями пустую бутылку, можно пластиковую из-под воды, и пока хозяева и гости произносят пространные тосты, тихонько сливаю водку (а иные виды напитков в бурятских застольях бывали редко) в эту бутылку. Чем шире ее горлышко, тем удачнее получается.

Если промахнешься и что-то прольешь соседям на ноги, они начинают взвизгивать, восклицать «ой, что-то там мокрое льется» и тем самым привлекают внимание хозяев, которые строго «наказывают» за такое безобразие внеочередной рюмкой, а то и стаканом водки. Заполненная таким способом бутылка тихо уносится в сумке и потом выпивается, но уже не мною, а другими участниками экспедиции. Не пропадать же добру!

Способ второй. Он имеет имя – Дандар Дашиев. Это был замечательный бурятский ученый, тибетолог, специалист по тибетской медицине, к сожалению, уже покойный. Несколько сезонов он работал со мной в экспедиции и его присутствие на банкетах очень облегчало мою жизнь. Облегчение заключалось в следующем. Дандар, будучи мужчиной крупного калибра,

раза в полтора крупнее, чем среднестатистический бурят, мог выпить, не пьянея, довольно приличное количество вредоносного напитка, именуемого водкой. Пили ее уже не гранеными стаканами, как в былые времена самогон, а вполне цивилизованными небольшими рюмками, и Дандар поглощал их легко, одну за другой, не превышая своей нормы и не переходя той грани, за которой человек разумный говорит самому себе «хватит». Ну, как не использовать такого коллегу в личных сугубо гуманитарных целях! Я тихонько придвигала ему свою рюмку и он незаметно выпивал ее. Незаметность была главным условием, спасавшим меня от бдительного ока хозяев застолья.

Способ третий тоже именной, его имя Федор Самаев, он же буддийский лама Хайбзун Данзан, тоже уже (увы!) покойный. Со мной в экспедиции он не работал, но сиживать рядом на банкетах районного масштаба нам приходилось. Как известно, запрет на потребление крепких напитков входит в норму поведения буддийских священнослужителей. Не все и не всегда его соблюдали, что являлось поводом к неоднократным нареканиям и обвинениям лам со стороны бурятских интеллектуалов и просветителей, в основном в XIX в. Выпивал ли Федор до того, как стал ламой, мне неведомо. Но в ламском звании, еще и потому, что посвящал его в сан Далай-лама XIV, он этого не делал. Сидя с ним рядом на банкетах, я чувствовала себя полностью защищенной от ретивых «виночерпиев», не оставлявших в покое никого из сидевших за столом. Однако предлагать Федору водку они не решались – ну и мне, если я сидела с ним рядом, тоже. Как только он замечал, что к нам кто-либо приближается с подобными намерениями, он начинал на него внимательно смотреть. Полагаю, что его взгляд просто гипнотизировал «ответственного» за содержимое рюмок гостей, тот замедлял ход, некоторое время задумчиво смотрел на нас, потом, пятясь, постепенно отходил. Это было замечательное и в то же время спасительное для меня действо.

Республика Бурятия. 1995 г. Приобщение к национальной кухне изучаемого народа есть высший смак в работе этнографа

Все изменилось в моей жизни в 1999 г. Знакомство с бурятской шаманкой Ешин-Хорло, которая приехала по своим «шаманским» делам в Москву, решило мою антиалкогольную проблему неожиданным и своеобразным способом. Знакомство, на первый взгляд, было случайным, но случайность, как известно, лишь проявление закономерности. Я пригласила ее к себе домой. Она пришла со своей приятельницей, у которой остановилась в Москве. В тот вечер у меня образовались еще несколько гостей – все сами по себе, к ней никакого отношения не имевшие. Слегка выпили без всякого нажима на психику – кто сколько хочет, закусили. А потом она захотела продемонстрировать свой шаманский дар, который у нее оказался весьма необычный. «Я хочу вас избавить от всего, что не нужно вашему организму, – сказала она, – не надо мне говорить, что именно у вас болит. Я буду петь мелодию каждого из вас, и все ненужное при этом вас покинет».

До этого она успела рассказать, что, подобно тому, как каждый человек имеет свои биологическое и электромагнитное поля, о которых знают все, он имеет также и свое особое музыкальное поле, и она способна улавливать эту мелодию, воспроизводить ее, в ходе чего и происходит лечебный процесс. Все присутствующие согласились подвергнутся по очереди этой странной, но чем-то привлекательной процедуре. И она начала «петь». Не останавливаясь на прочих гостях – что с ними произошло в дальнейшем и какие последствия для них имело это пение, я просто не знаю, –буду говорить только о себе.

Оказалось, что «моя мелодия» – это протяжная монгольская песня. Она даже произносила нараспев какие-то очень похожие по звучанию на монгольский язык слова, но реально существующими словами они не были. Когда она закончила пение, продолжавшееся около пяти минут, я спросила, почему она меня, русского человека, «исполняет» в виде монгольской песни. И услышала поразивший меня ответ: «Разве Вы не знаете? Вы же в прошлой жизни были монголкой». Открытие неожиданное, но приятное и, главное, кое-что в моей судьбе, особенно научной, объясняющее. С тех пор, когда меня иногда спрашивают, почему я выбрала объектом своих исследований мир монгольских кочевников, я отвечаю: «Потому что в прошлом перерождении я была монголкой».

Однако был еще один результат этой удивительной встречи. Проявил себя он отнюдь не сразу, но достаточно быстро – примерно через неделю. К нам домой пришли гости – в нашей с мужем жизни это явление довольно частое. Сели, как полагается, за стол, на котором стояли напитки разного качества, цвета и крепости. Разумеется, была и водка. За десятилетия работы в экспедициях у меня сложилось предпочтение именно к этому напитку. А что еще можно раздобыть в экспедициях в Южную Сибирь и Центральную Азию? Ну, разве что разведенный спирт. Порою приходилось пить и его, особенно если тебя заставали гроза, ливни, внезапно наступившие среди лета холода и прочие прелести центральноазиатского климата. На сей раз, как всегда, я выбрала водку. Однако маленькую рюмку даже проглотить не удалось, она немедленно понеслась из горла в обратном направлении. Особого значения в тот момент я этому не придала – мало ли что бывает, не принимает сегодня организм, да и только.

Через неделю снова пришли гости. На сей раз, сев с ними за стол, я решила пить уже не водку, а вино – красное, сухое, вполне слабенькое. Ситуация повторилась: бокал вина точно тем же путем вышел в обратном направлении. И тут вдруг пришло прозрение, я вспомнил, что мне сказала шаманка, «распевая» меня в виде монгольской протяжной песни: ваш организм избавится от того, что ему не нужно. Так вот что мне было не нужно!?! И действительно, еще несколько попыток что-то выпить в последующие месяцы имели тот же результат – не идет и все тут! Так я стала абстинентом и очень этим довольна. Пить не тянет совсем, даже тогда, когда все вокруг пьют. И чувствую себя прекрасно. Теперь, когда в Бурятии или где-либо еще мне настойчиво пытаются что-то влить в рот, я говорю: «Я прошла специальный шаманский обряд, запрещающий мне пить. Вы что, хотите идти наперекор вашим шаманам?» И все оставляют меня в покое. Спасибо тебе, Ешин-Хорло, за то, что ты со мной сделала. Сама она кстати об эффекте своего пения долго время ничего не знала. Когда года два спустя после описываемого события я ее встретила в Улан-Удэ и рассказала про то, что со мной произошло, она развеселилась, но объяснила все вполне разумно: дескать, организм мой уже вполне был готов к отторжению алкоголя, а ее обряд только ускорил этот процесс.

Недовольным остался только мой муж: ну с кем он будет пропускать теперь по рюмашке после утомительного рабочего дня, не пить же в одиночку? Его кавказское происхождение и воспитание ему это не позволяет. Так и произошел постепенный отход от уже устоявшейся десятилетиями семейной традиции. Так что алкоголиком мне стать не удалось, и слава Богу, а точнее – бурятской шаманке Ешин-Хорло.

Н.А. Дубова

БЕЗ ПОЛЯ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ В НАУКЕ, НЕТ!

Это несколько фривольное название, конечно, может слегка покоробить. Тем не менее, экспедиции дают для исследователя бесценные материалы. Это и прямое общение с людьми, живущими в разных уголках мира, позволяющее реально заглянуть в их глаза, пожать их руки, попытаться объясниться с ними, даже почти не имея представления о языке, на котором они говорят; не описательное, взятое из книг или даже просмотренное на видео, а реальное знакомство с материальной культурой, обрядами, повседневной жизнью; испытание как говорится, «на собственно шкуре» природных условий, в которых живет народ, да и много чего еще… И дело здесь не только в древности сохраняемых традиций или в их изменениях под влиянием урбанизации, глобализации… Дело именно в ощущении многообразия проявлений жизни человека, его культуры. Именно в экспедициях становится совершенно ясной абсурдность утверждений о необъективности разнообразных научных классификационных категорий, в том числе так незаслуженно отвергаемых «рас» и «этносов». Их отрицание может родиться в тиши кабинетов, когда исследователь пытается понять происходящее в мире, только при чтении книг, просмотре телепередач и видеофильмов… Да, все мы – единое человечество, имеющее много общего. Но это общее проявляется во всем возможном многообразии, которое формируется благодаря жизни в определенных природных условиях и социальному окружению.

Мои первые полевые выезды были связаны с археологией: для проведения археологической практики после второго курса О.Н. Бадер включил в свою экспедицию в Пермскую область пять студенток кафедры антропологии Биолого-почвенного факультета МГУ, среди которых посчастливилось оказаться и мне. И, казалось бы, ничего особенного: не раз мои родители и в более юном возрасте возили меня на поезде больше суток. Правда, это были поездки на Черное море. Тогда, в июне 1968 г., мы поехали на восток, к Уральским горам. Когда перед глазами мелькали (не так быстро, как сейчас, конечно – поезда, тогда еще влекомые в тех краях тепловозами, ходили значительно медленнее современных) придорожные села, небольшие города, обширные поля, леса и перелески, никаких особенно заметных впечатлений не образовалось. Но когда от «столичной» Перми мы стали еще медленнее, чем раньше, двигаться на север, в сторону г. Александровска, взгляд стал останавливаться на многочисленных остатках каких-то деревянных сооружений. Торчали остовы каркасов, повалившиеся куски крыш… Строений, похожих на длинные сараи, было обычно мало – два-четыре. Вокруг были

достаточно дикие (если глядеть, конечно, из вагона) леса. Через несколько километров опять были такие же развалины. Почему здесь, вдалеке от населенных пунктов (даже сел) что-то напоминающее сараи? И тут мы, пятеро молодых девиц-антропологов (каждой из нас еще не было и 20 лет), впервые выехавшие из дома в эти места, поняли, что это такое. Это были следы трагических страниц истории нашей страны… Здесь, в общем-то в закрытых местах (а надо сказать, что и сам областной центр Пермь из-за наличия большого числа номерных предприятий был в те годы еще закрытым для иностранцев городом: там даже не проводилось никаких международных концертов, соревнований, встреч; ситуация изменилась лишь в 1990-е) находились столь печально известные пункты ГУЛАГА – Кизеллаг, Александровлаг, Ныроблаг… Конечно, в конце 1960-х, когда поезд вез нас по этим местам к палеолитическим пещерам, та система уже перестала существовать (лагеря, где отбывают сроки заключения уголовники, в том числе и с особо строгим режимом, есть там до сих пор, но они располагаются весьма далеко от таких железных дорог). Но именно тогда меня впервые посетило чувство сопричастности к истории страны: поскольку от природы я достаточно впечатлительна, в моей голове возникали картины: как, в каких нечеловеческих условиях люди жили в этих бараках, как они замерзали, промокали, голодали, умирали здесь, окруженные великолепным строевым лесом… В нашей семье, когда мы с двоюродным братом были еще дошкольниками, а родители и бабушки с дедушками работали, жила няня Анна Дмитриевна, добрейшей души человек, труженица и прекрасная повариха. У нее на правой ступне был только один большой палец, и она из-за этого сильно хромала. Она вообще чудом не потеряла ногу: когда ее сослали на лесоповал еще совсем молодой девушкой (причину мы, конечно, и в более старшем возрасте так и не узнали), один из срубленных стволов упал ей на ногу… Надо сказать, что «Один день из жизни Ивана Денисовича» и тем более другие книги А.И. Солженицына я прочитала несколькими годами позже…

1969 г. Н. Дубова (слева) и А. Павловская на раскопках во Владимирской области (нач. экспед. О.Н. Бадер). Ищем границы верхнепалеолитической стоянки Сунгирь

1970 г. Н. Дубова и В. Жуков в Археологической экспедиции (нач. С.П. Поляков) в Шахристанском районе Ленинабадской области Таджикской ССР. Памятник Калаисар

Сейчас, по прошествии многих лет с того времени, на память приходят и другие поездки, так или иначе раскрывающие близкие страницы той эпохи. Уже во времена перестройки, ви-

димо, в конце 1980-х гг. Институт направил Е.А. Шервуд, одну из ее аспиранток и меня в Нижний Тагил. Я, конечно, попала в их компанию только потому, что легка на подъем. Задачей было проведение опроса немцев-трудармейцев, переселенных туда во время Великой Отечественной войны с Волги. Сейчас на эту тему написано уже немало. Имеются специальные монографии, сайты. Но в те годы процесс изучения немецкого населения Урала еще только начинался. Основным вопросом, который в ту поездку предполагалось выяснить, учитывая начавшееся уже переселение представителей этого народа в Германию (которому, в общем-то, немецкие власти содействовали), был: кем же они себя ощущают – российскими немцами, немцами, имеющими много общего с Германией, просто россиянами или еще кем-то. Увы, собранные нами интересные данные так и остались где-то в архивах. Женя ушла из жизни, не успев довести их хотя до бы краткой публикации. Но я пишу здесь об это поездке прежде всего потому, что до сих пор с болью в сердце слышу в ушах их пение на своем Platt Deutsch: «Volga, Volga, Mutter Volga! Volga, Volga, Russisch Fluss!*...» во время встречи в национальном немецком Центре, где они собирались регулярно. Вспоминаю слезы на глазах и надрыв в голосах во время пения; их рассказы, как они бегали из мужских и женских бараков ночью на свидания (они не были заключенными, но свободно перемещаться по городу, тем более ночью, не имели права) и еще более ранние сюжеты о милых сердцу уголках Поволжья; скромный быт домов, кроме крайней чистоты и аккуратности ничем не отличающийся от быта большинства советских граждан, работавших на заводах; сожаления о том, что молодежь настроена ехать в Германию, а не возвращаться на Волгу…

1971 г. Чукотская экспедиция (нач. В.П. и Т.И. Алексеевы). Пос. Нунямо. Н.А. Дубова вместе с Николаем Этитегиным и Н.И. Клевцовой

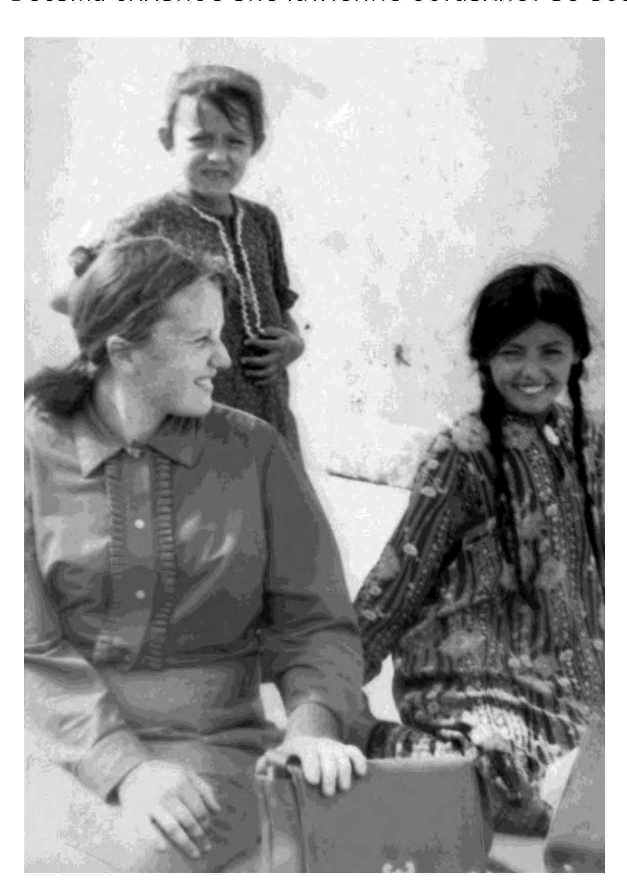
1972 г. Н.А. Дубова с директором и учащимися средней школы к. Навды Гармского района Таджикской ССР

Если говорить об экспедиционных впечатлениях и о теме репрессий, хочу вспомнить еще одно. Известный сибиревед Юрий Борисович Симченко рассказывал множество интересных историй из своих путешествий по Северу. Часть их них, как хорошо известно, он успел опубликовать. Но очень много его ярких увлекательных рассказов мы только слышали. В одном из них он говорил о том, что в сере-

* Нем. «Волга, Волга, мать родная! Волга, русская река!».

дине 1970-х гг., собирая материал среди нганасан и чукчей, он встретил одну женщину, которая после высылки во время войны с Западной Украины на Крайний Север там и осталась. Настоящий этнограф всегда жаден до информации. И хотя основной интерес Юрия Борисовича, конечно, касался всего, что связано с малыми народами Севера, с этой женщиной, никоим образом не относящейся к таковым, у них завязался большой разговор. И среди прочего, Симченко поинтересовался, а за что же все-таки ее репрессировали. Дальше приведу почти дословно его слова: «Она внимательно взглянула на меня, прищурилась и не торопясь, увесисто сказала: "Было за что..."»... При мне Юрий Борисович пару раз повторял этот рассказ. Но ни в коей мере, не для того, конечно, чтобы подчеркнуть «справедливость» репрессий, а с целью показать, что нельзя всё «красить, мазать» одним цветом, что жизнь и ситуации, в которые попадают люди, многогранны...

Но не только такие в общем-то печальные впечатления оставляют выезды в другие части света. Значительно больше занимательных, веселых, полных интереснейшей информации. Весьма сильное впечатление оставляет во всех поездках природа. На открытках, посвященных Первомаю, который всегда отмечался в Советском Союзе, очень часто присутствовало изображение ветки с бело-розовыми цветами – яблони, груши или вишни. Но я не вспомню, пожалуй, почти ни одного мая, когда бы реально в это время в Подмосковье цвели фруктовые деревья. Здесь это всегда происходит почти на месяц позже. Одна из самых известных японских весенних традиций – любование цветущей сакурой (вишней). Вообще весеннее цветение всего и вся, конечно, является символом нарождения новой жизни, ее радостей, прихода света и тепла.

1975 г. Н.А. Дубова в а. Ушак Теджентского района Туркменской ССР

Весной 1973 г. нам с А.П. Пестряковым выделили экспедиционные деньги, и мы смогли провести антропологическое обследование населения в Северном Таджикистане, а также в Сурхандарьинской области Узбекистана (по рекам Туполанг и Сангардак). Исфаринская долина Таджикистана до сих пор славится своим урюком. А цветет он там именно в марте-апреле. И нам с Александром Петровичем несказанно повезло: нам удалось ощутить всю красоту и прелесть этого времени. Если забраться на один из небольших холмов (а предгорья Туркестанского хребта, где долина расположена, достаточно богаты такого рода возвышениями – не до конца разрушившимися горными отрогами) около кишлака Сурх, то перед Вами откроется прекрасный вид на часть этой долины. Плавно извивающаяся река, покатые склоны гор, или покрытые светлой зеленью, или поражающие пастельными красками разных глин, их слагающих – от темно-красного до светло-желтого – красивый, но в общем-то достаточно обычный пейзаж для предгорий. Но что до сих пор стоит перед глазами – это легкое кружево цветущего урюка, переливающееся от белого через оттенки розового до достаточно ярко-красного. Оно покрывалом закрывает всю видимую часть долины. За ним не видно ни домов, ни улиц – только переливы бело-розового облака. Легкое

дуновение ветерка – и Вы не только видите эту чарующую красоту, но и ощущаете легкий медовый запах, который заполняет все вокруг. Ветерок закончился, а с ним ушел и аромат. Новый порыв – и новая волна благоухания охватывает вас со всех сторон. Также как бескрайняя морская даль, как горящий огонь, это море цветов не отпускает Ваш взгляд, а Вы стоите зачарованный и ждете всё новых и новых порывов аромата…

Урюк (абрикос), как оказалось, высоченное, размером с подмосковную березу (а совсем не с яблоню!) дерево. Он имеет массу разновидностей, которые отличаются и размером плода, и его мягкостью, и цветом цветков. И вот вся эта «береза» сплошь покрыта цветами… Цвет и запах цветущего урюка воспевали и воспевают поэты. Именно его цветы, видимо, украшали те самые первомайские открытки. Даже отдельно стоящее дерево цветущего урюка прекрасно. Но «в одиночестве» оно вполне сравнимо с другими фруктовыми деревьями, покрытыми цветами. Когда же цветет целая долина, на много километров покрытая деревьями, – это явление сказочное и запоминающееся на всю жизнь.

1978 г. И.В. Власова (справа) передает экспедиционное оборудование и машину Н.А. Дубовой во дворе Краеведческого музея г. Перми

Весна – прекрасное время года. Всем известны поля маков, покрывающих предгорья и степи. Но и пустыня весной цветет. Солнце там даже весной жаркое. Поэтому цветы обычно цветут только один день: утром цветок распустился, а к вечеру на его верхушке – маленькая коробочка с семенами. Интересно, что каждый день распускаются новые цветы и поэтому «цветные пятна» перемещаются по видимому пространству – чуть левее, чуть правее… Сколько будет цветов и что зацветет, зависит от числа дождей, которые были зимой. За двенадцать лет моего участия в археологических раскопках на интереснейшем памятнике в Каракумах, в древней дельте р. Мургаб (Гонур Депе в Туркменистане), где люди жили более 4000 лет назад, были разные весны. Обычно сначала всё зеленеет. Вместе с первой травой появляются тюльпаны. Они – не более 10–15 см высоты, с беленьким, желтым внутри соцветием. Много я их никогда не видела, хотя говорят, есть и в Каракумах места, где они цветут полями. Потом появляются мелкие ромашки. Они обладают замечательными целебными свойствами в связи с тем, что содержат активные эфирные масла. Туркмены их собирают весной, сушат, а потом отвар их них используют в качестве антисептика, внешнего и внутреннего. И в нашей экспедиции в один из

1984 г. Н.А. Дубова в пос. Русскинское ХМАО

сезонов археолог Эджегуль собрала огромную охапку этих растений. Поскольку сушить на солнце целебные растения не рекомендуется, она их разложила в своей комнате (у экспедиции есть домик из сырцового кирпича). И это сыграло с ней злую шутку. Поспав пару ночей в одном помещении с растениями, она стала вставать с серьезными головными болями. Аромат тех самых эфирных масел был столь силен, что не только спать рядом с ними, но даже просто зайти в комнату было опасно. Конечно, пришлось эти цветы перенести в другое помещение, а потом и упаковать в бумагу.

Были такие весны, когда трава вырастала не выше 5–10 см и тут же, буквально за неделю высыхала, и уже до осени вокруг была только желтизна. Даже саксаулы не особо выделялись на этом фоне своими пыльно-зелеными ветвями. В 2009 г. была совершенно другая весна. Из-за того, что дожди шли почти всю зиму, во многих пониженных местах накопилось много влаги, а посему к моменту приезда экспедиции пески были покрыты высокой ярко-зеленой травой, которая так и оставалась зеленой до конца работ во второй половине мая. Даже из окна взлетающего из аэропорта Ашхабада самолета были видны зеленые склоны Копетдага, что характерно обычно для апреля, но никак не для конца мая. В это время всё уже обычно выгорает, и господствуют оттенки желтого цвета. Но на Гонуре весной того года весь апрель был сиреневым – массово и долго цвело растение, внешне напоминающее обычную сурепку, имеющую желтые соцветия. Сиреневыми зарослями были заполнены все пространства между раскопанными стенами некогда величественных храмовых строений. Кроме однотипных, просто сиреневых цветов местами встречались небольшие «полянки» светло-сиреневого цвета, в других местах – чуть более темного, а в-третьих – почти белые со слабым сиреневым оттенком. Какое поле исследования для ботаника и генетика!

В тот год что только не цвело в Каракумах! Именно тогда для участия в работах экспедиции впервые приехала археоботаник Л. Сатаева. Она была по-настоящему счастлива, т.к. смогла собрать гербарий более чем из 100 видов растений, растущих в этой местности. Поскольку работами археологов и ботаников из МГУ в 1980-е гг. на так называемом теменосе (священном участке) Гонура было установлено, что древние жители этого города готовили специальный напиток, имеющий галлюциногенные свойства (его обычно называют Сома-Хаома), в состав которого входила и эфедра, мы предприняли ряд поездок по окрестностям. Их целью была попытка установить, растет ли сейчас это растение. Результат оказался отрицательным. По всей видимости, эфедру привозили и тогда из отдаленных районов (предположительно предгорий Копетдага). Но и наша экспедиционная коллекция, и коллекция Лили пополнились уникальными фотографиями, где все мы в пустыне утопаем по пояс в маках и в других буйно разросшихся чудесных растениях. Обычно в таких случаях говорят: «Если бы кто-то рассказал, я бы не поверил. Но видел всё своими глазами!» Известно, что в состав Сомы-Хаомы входит, кроме эфедры, и мак. В его присутствии в этих местах никто не сомневался. Было оно подтверждено и ботаническими анализами древних остатков.

Раз уж зашла речь о пустыне, вспоминается и другое. Многие туркмены не являются любителями змей. Здесь даже существует поверье, что вечерами лучше не рассказывать ничего об этих существах, дабы они не пришли и не навредили человеку. Но змей, конечно, и в районе лагеря много. Большая их часть – это разные виды полозов, которых (особенно осенью, когда становится холодно) можно обнаружить, например, под дном коробочки, стоящей у Вас в ногах под рабочим столом. Сдвинешь случайно эту коробку, и тонкая ленточка (длиной иногда достигающая и 30 и 40 см), извиваясь, блеснет, уползая или в мышиную норку в углу комнаты, или через порог на улицу… Были случаи, когда полозы находили себе укрытие от непогоды между рядами человеческих черепов, стоявших на айване (открытой веранде дома) в ожида-

нии, когда их упакуют для длительного хранения и перевоза в институт истории в Ашхабад. Полозы не ядовиты, хотя и могут больно укусить.

Конечно, намного больший эмоциональный эффект производит появление около дома или просто в лагере кобры – этой царицы змеиного царства. Туркмены очень уважают змееловов. Обычно все хотят сфотографироваться рядом с этим умельцем, с опаской пытаются хотя бы слегка дотронуться пальцем до головы, до тела змеи, которую тот уверенно держит в руках. Особым шиком считается, когда змеелов, дразня кобру, добивается того, чтобы она раскрыла свой воротник и встала в агрессивную, но столь величественную позу. В нашей экспедиции таких змееловов два – это тракторист Бекмурат и Мухаммед, помощник руководителя экспедиции В.И. Сарианиди. Первый раз я увидела, как ловят кобр уже в 2002 г. Из палаточного лагеря рабочих (он находится метрах в 200 от нашей кухонной палатки и домика) донеслись какие-то громкие крики. Потом прибежал один из рабочих и попросил меня прийти с фотоаппаратом, взволнованно сказав, что Бекмурат поймал кобру. Кобра была достаточно крупная – сантиметров 70. Она очень хотела уползти от окруживших ее кольцом ребят. Но Бекмурат все же заставил змею попугать нас, раскрыть воротник, пошипеть и показать нам раздвоенный язык. Потом, конечно, бедное животное отпустили, правда, отнесли ее подальше от лагеря.

2004 г., октябрь. Сотрудники Маргианской археологической экспедиции «создают фон» кобре. Гонур Депе, пустыня Кара Кум

Каждый сезон Мухаммед ловит несколько прекрасных экземпляров этих грациозных, но ядовитых созданий. Мы всегда их со всех сторон фотографируем, если есть возможность, фотографируемся на их фоне. Иногда фото получаются завораживающие. Змеи вообще, и кобры в частности, не стремятся быть ближе и тем более общаться с человеком. Их яд им нужен для того, чтобы обездвижить животное, предназначенное в пищу. Человек же в пищу змее, по причине своих огромных по сравнению с ней размеров, не годится. Тратить же яд «просто так», чтобы кого-то попугать, не рационально. Поэтому змеи по отношению к людям крайне редко пользуются своим оружием. В.И. Сарианиди рассказывал, как однажды вечером он, вставая с раскладушки в палатке, наступил ногой на какую-то толстую веревку. В голове даже мелькнула мысль: «Откуда тут, на полу такая толстая веревка?». Но удивление сменилось смешанным чувством испуга и осознанием того, какая опасность миновала: длинная «веревка», извиваясь, быстро уползала в окружавшую палатку ночь… Но искушать змей тоже, конечно, не стоит.

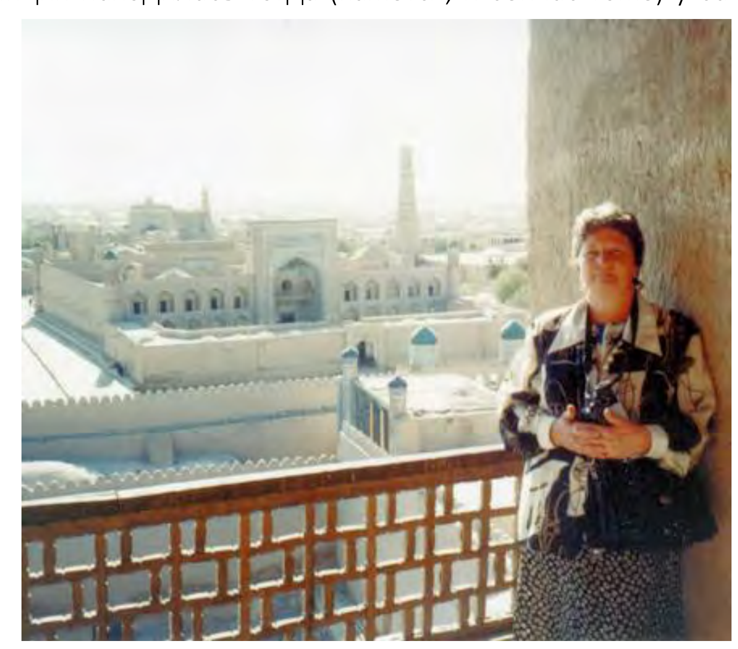
Был у нас и еще один случай, который можно было бы счесть забавным. Начиная с 2001 г. в экспедиции поварихой работает Ольга Беглиева. В один из осенних, но еще теплых дней из кухни раздались ее громкие крики. Она, сильно взволнованная, звала Мухаммеда. Когда тот вошел в палатку, его взору открылась «прекрасная» картина: Оля стояла на столе, а на полу,

распустив воротник и глядя прямо на нее, в угрожающей позе стояла кобра. Мухаммед, конечно, тут же «ликвидировал» опасность и унес змею подальше от лагеря. Оказалось, что в земляном полу кухни была небольшая ямка. Оле надо было из кастрюли вылить горячую воду. Чтобы не плескать на пол, она и вылила ее в эту самую ямку, в которой, видимо, уже готовясь к зимней спячке, пряталась кобра. Как Оле мгновенно удалось «взлететь» на стол – можно себе только представить…

Воспоминания об экспедиционных поездках «толпятся» в голове, мешая друг другу… Величественные каменистые сопки Чукотки, китовая охота и лов моржей там же; не менее грандиозные вершины Памира с разноцветными горными потоками, спускающимися с разных склонов и сливающимися в один красноглиняный Пяндж; хилые елки, масса мелких озер там, где лесотундра уже переходит в настоящую тундру в Западной Сибири; снег до 0,5 м толщиной неожиданно для всех выпавший в ноябре в Буджакской степи Гагаузии, что привело к полному отсутствию электричества, телефонной и автобусной связи на целую неделю; смешно сказать, живя в Москве, но полный паралич жизни (отсутствие хлеба в магазинах – т.е. его не могли завезти; отмена деловых встреч и занятий в школах, закрытие значительной части офисов и т.д.) в Афинах из-за того, что в феврале на два дня похолодало до 6-7 градусов мороза и «выпал снег» (по-русски это просто поземка); запах кизяка в таджикском кишлаке; бескрайние, тянущиеся до горизонта во все стороны пшеничные поля на некогда целинных землях Казахстана – одни «квадратики» зелены (еще только готовятся созреть), другие – желтоватые (поспевают), третьи – абсолютно желтые, покрытые тугими колосьями (вот-вот их будут убирать), а есть еще и четвертые – они выгоревшие, желтоватые (здесь уже всё скосили); сильнейший пряный запах и буйное цветение белых акаций на протяжении многих километров на обочинах дороги на Ставрополье; сломавшийся двигатель (от одного из поршней отломился «кусочек»!) в нескольких сотнях километров от Ставрополя, откуда части сотрудников отряда надо было лететь домой, и бескорыстная помощь местной, тогда еще существовавшей МТС, давшей возможность поставить машину, разобрать двигатель УАЗ-469, подарившей нам подержанный, но вполне работоспособный поршень и несколько дней не просто терпевшей присутствие на своей территории «чужаков», включая двух особ женского пола, которые по причине июльской жары еще и мылись в душе, предназначенном для водителей и трактористов; в другой раз сломавшийся масляный штуцер (на всю жизнь запомнила эти слова!) в двигателе другого УАЗ-469 (наши экспедиции никогда не были «первостепенной важности», поэтому новые машины академическая автобаза нам не выделяла) на подъезде к Еревану, когда экспедиция только начиналась, и бесценная, опять же бескорыстная помощь друзей – родителей Рузаны Мкртчян, организовавших снятие двигателя, нарезку внутри него (!) резьбы и установку нового штуцера; ЧП в пос. Палана на западном побережье Камчатки, когда взбесившийся бык, поднявший на рога ухаживавшую за ним скотницу, поздно вечером сорвался с цепи и бегал по поселку, в том числе и на той улице, где жила экспедиция; ощущение огромности земного шара и его шарообразности (конечно, геоидности!) на краю обрыва в 3-4 часах ходьбы по сопкам от пос. Нунямо на берегу Беренгова пролива, когда острова Ратманова выглядят не очень большими кораблями, реальные рыболовецкие суда и пограничные корабли маленькими щепочками, а прибоя не слышно из-за большой высоты, но зато видно и его, и, благодаря редкой на Чукотке чудесной погоде, даже снежные вершины и береговую линию на Аляске; чаепитие в молоканской деревне в Азербайджане, где дымящихся самоваров, кажется, не меньше, чем участников; «вид сверху» на ламаистские монастыри Тибета с летящего на высоте более 11 000 м самолета, когда впечатление такое, что до них можно дотянуться рукой, т.к. полнолуние, белый снег покрывает высочайшие горные хребты, всё освещено таинственным светом ночного светила, а сами монастыри расположены на высоте 4-5 тыс. м

над уровнем моря; русский простор, извивающаяся Ока, перелески и поля у с. Константинова под Рязанью; камчатские дали на высоком берегу, извивающаяся еще более причудливо, чем среднерусские реки, р. Хайрузова Тигильского района; заснеженное и покрытое толстым льдом Жигулевское море рядом с г. Тольятти на Волге, весенний ледоход на Оке около Серпухова; поездка на эскимосских байдарах из пос. Наукан с грузом собранной там краниологической коллекции обратно в пос. Нунямо по воде, заполненной пайковым льдом, представляющим собой маленькие айсберги, когда над водой видна только небольшая часть всей льдины – зрелище и ощущения захватывающие, т.к. на солнце «лес льдин», переливается от ярко белого до голубого цвета, но крайне опасное, ибо неверное движение рулевого, и «айсберг» может перевернуться, а вслед за ним и байдара вместе со всеми в ней сидящими; просыпающийся с рассветом и выглядевший в 1974 г. практически так же, как в средневековье рынок у самых стен Ичан-Калы в Хиве…

Узбекистан. Прохлада раннего утра, пожухлые листья и пыль октября. Мы приехали в Хиву из Ургенча на первом автобусе. Автостанция находилась тогда (кажется, и сейчас тоже) у самого базара. Хотя восточный базар теперь уже множество раз описан, не могу не сказать здесь, что он работает круглосуточно. Привезя горы арбузов, дынь, картошки или других овощей из кишлака на грузовике, крестьяне не могут его оставить. Или им надо нанимать охрану товара, самим селиться где-то, а это – дополнительные траты, которые могут сделать бессмысленным весь привоз; или – просто жить несколько дней до полной продажи завезенного рядом с ним. Большинство и до сих пор выбирает последнее. Хотя, конечно, организация палаток для торговли, крытых прилавков во многих крупных городах Таджикистана и Узбекистана заставляет продавать продукцию своих полей перекупщикам. Но хочу здесь подчеркнуть, что в течение регулярных выездов в 1970-1990-е гг. в Среднюю Азию мне не раз приходилось убеждаться, что среди земледельцев (например, таджиков, особенно горных) занятие торговлей не было престижным. Поэтому, конечно, скупщики сельхозпродукции были во все времена.

2000 г., сентябрь. Н.А. Дубова на стене средневековой Хивы

Вернусь на хивинский базар. Нашей целью было посещение в тот выходной день именно Ичан-Калы – исторической внутренней части (шахристана) Хивы (самые древние стены и сооружения, дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, минареты, караван-сараи и бани здесь относятся к XIV в.). Мы втроем (Игорь Соломатин, этнограф по образованию, но работающий у нас в отряде фотографом, Александр Дубов, сотрудник ИЭА, тоже этнограф по образованию, но успешно дополнивший эту специальность антропологическими знаниями, и я) медленно идем по рынку в сторону крепостных стен, за которыми виднеются минареты и верхушки куполов мечетей, в то время обычного песочного цвета. Пахнет кострами, на которых кипятится вода для утреннего чая, дороги обрызгиваются, а то и поливаются водой, дабы прибить бесконечную пыль, с арбузных и дынных «пирамид» снимается ночное покрытие, открываются двери в

палатках (если они, конечно, имеются), появляются первые покупатели… Рынок просыпается. Мы все ждем, что вот-вот вступим на улицы прекрасной Ичан-Калы. Народу становится всё больше, продавцов – меньше. Рынок остается позади. Перед нами – обычные кишлачные дувалы: сплошные глинобитные стены, за которыми скрываются и дома, и дворы усадеб, и сами жители. Вдруг этот «глиняный рукав» с одной стороны «рвется» и мы видим несколько покосившуюся небольшую мечеть с не очень высоким сужающимся кверху минаретом. Чтобы попасть в нее, надо спуститься на пару степеней вниз, т.к. фундамент за прошедшие столетия оказался ниже уровня улицы. В те годы посещение мечетей не мусульманами, мягко выражаясь, не приветствовалось. Тем более, она явно не производила впечатления музея. Поэтому, осмотрев и само здание, и, как всегда, прекрасные резные деревянные узкие высокие створки дверей снаружи, мы продолжаем движение по улице.

2005 г., май. Н.А. Дубова на раскопках Гонур Депе, Каракумы

Наша улица пересекается с другими подобными. В изредка открытые двери, устроенные в дувалах и ведущие во дворы горожан, выбегают дети. Через двери мельком можно увидеть и обычный среднеазиатский двор с топчаном, тандыром, какими-то деревьями, небольшим сараем, где стоит скотина. Топчан – квадратное деревянной сооружение на ножках, просторное место для сидения на котором обнесено невысокой (до 30–40 см высотой) резной спинкой. Обычно площадь топчана бывает не менее 3×3 м, высота ножек – порядка 0,5 м. Нередко топчан ставят над арыком, чтобы в жаркое время года усилить прохладу. Интересно, что топчаны сооружаются сейчас и, например, в Москве, в ресторанах, приглашающих на традиционную среднеазиатскую кухню. Иногда они даже оформляются под беседки – т.е. над ними сооружается и крыша. К приходу гостей топчан выстилается коврами, ковровыми дорожками, а также курпача – стеганными ватными продолговатыми «матрасиками» или одеялами, на которых удобно и сидеть, и спать. В домах и таджиков, и узбеков всегда много курпача – должно хватить и для многочисленной семьи (до 1990-х гг. в большинстве даже городских семей нередко было 10–12 детей), и для всех гостей. Их складывали стопками в нишах, устроенных в стенах домов, заменяющих и окна, и шкафы. Кстати, здесь можно заметить интересный момент. При строительстве домов всегда устраивались оконные проемы, причем, как правило, выходившие на улицу. Но потом, прямо в процессе строительства, они закладывались кирпичами и тщательно обмазывались глиняным раствором. Стена дома становилась сплошной и ничем не отличалась сбоку от обычного дувала. Дом выделялся лишь тем, что был нередко выше стены и имел крышу. В 1970-е гг., в мои первые приезды в Таджикистан, крыши в основном были плоские и глиняные. Только 1–2 дома в кишлаке имели двух- или четырехскатные перекрытия с использованием шифера. Нередко мы являлись свидетелями строительства таких крыш, т.е. процесс тогда только начинался. Увы, мне давно не удается побывать в сельской местности в Таджикистане. Но, по свидетельству друзей, всё сейчас сильно переме-

нилось, вплоть до использования уже не традиционной планировки и материалов для строительства самих домов…

Опять вернусь на 40 лет назад… Через какое-то время наша троица попадает на более просторную, чем пересечение двух обычных улиц, площадь. Здесь уже высится значительно более монументальная мечеть с минаретом. Портал украшен мозаикой, рядом закреплена пластина, которая сообщает, что это – памятник архитектуры, охраняемый государством… И тут мы понимаем, что уже не менее часа мы находимся в самой Ичан Кале! Она – переплетение именно этих маленьких узких улочек, мечетей, медресе, прочих зданий (во многом уже потерявших свое первоначальное назначение), которые окружены мощными стенами с башнями, и до которых мы, в конце концов, дошли. Мы увидели многие памятники древней Хивы, поднялись на минарет, погуляли по стенам города, откуда открывался чудесный вид и было видно далеко вокруг.

Через много лет, в 2000 г., уже в компании Т.К. Ходжайова (доктора наук, уроженца близлежащих мест, он родом из кишлака рядом с Нукусом, и ведущего краниолога нашей страны С.В. Васильева (тогда уже доктора наук, ведущего научного сотрудника ИЭА РАН) и А.А. Крола (сотрудника в те годы еще только создававшегося Центра египтологических исследований РАН) я побывала на Ичан Кале еще раз. Каково же было мое разочарование! Теперь это был с использованием всей мощи ЮНЕСКО современно оснащенный музей под открытым небом. Аккуратно вычищенные улицы, площади, вымощенные жженым кирпичом, где только возможно устроенные магазинчики, в которых на потребу туристов со всего мира можно купить в наши дни изготовленные и похожие на традиционные тюбетейки, мохнатые бараньи шапки типа туркменских тельпеков, вязаные шерстяные длинные носки джурабы, пиалки, чайнички, керамические узорчатые блюда для плова, глиняные фигурки драконов, людей, осликов, а теперь и магниты с рельефными терракотовыми и раскрашенными изображениями всего и вся, шитые бисером сумочки, шелковые и ватные халаты, медные и алюминиевые кумганы (сосуды для воды или чая с ручкой и длинным носиком), шелковые и хлопчатые сюзани (или на европейский манер – сюзанне), когда-то только вышитые, а теперь чаще с набивным рисунком, и много чего еще… И воспоминаний о дувалах, глинобитных домах не осталось. Вокруг некоторых мечетей и медресе были сооружены даже низенькие, в полметра высотой, глиняные заборчики, за которыми произрастали цветы и хилые кустики. В новой Ичан Кале есть теперь всё, кроме духа того средневекового города, который еще можно было ощутить в середине 1970-х. Людей отсюда переселили в городские дома на окраины, сами глинобитные постройки уничтожили. Ходить стало просторно, можно теперь не бояться испачкать обувь в пыли или наступить на улице на что-то совсем «не эстетичное». Возникают, правда, вопросы: что сохранили и охраняют и для кого? Отдельные здания, которые, боюсь,

2006 г. октябрь. Н.А. Дубова проводит экскурсию по памятнику эпохи бронзы Гонур Депе для участников международной конференции. Каракумы

даже в момент строительства не украшали цветущие газоны, и стены которых также слишком, уж, блестят? Или действительно средневековую жемчужину, где люди жили, хозяйствовали, растили детей, отдавали их в медресе учиться, ходили молиться в мечети и мыться в бани, где приезжавшие поклониться святыням или просто держащие дальний путь гости могли отдохнуть сами и дать отдых тягловым животным в караван-сарае...? Можно назвать такой подход и «глобализацией», и «европеизацией», т.е. попыткой со своей, европейско-американской точки зрения «сделать хорошо». Но правильно ли это на самом деле?

Еще больнее такой вопрос задел меня в Австралии и в Перу. Уже несколько лет после поездок в эти страны меня мучают боль в сердце и страшная тоска. От созерцания, например, католических храмов, основанием которых служат мегалитические постройки инков в Куско, или одной только карты Австралии, на которой показано распространение австралийских языков по континенту до прихода туда «цивилизаторов», устроивших там далекую ссылку для своих соотечественников. На карте нет пустых мест! А на небольших мониторах, установленных в залах музея, оставшиеся в живых и еще не потерявшие человеческий облик аборигены рассказывают на своих языках (всем известно, что их – и аборигенов, и языков – осталась горстка; тасманийцев теперь уже нет вообще) о том, как они изготавливали каменные орудия, как до сих могут долбить деревянные лодки, делать весла, украшенные сложным орнаментом, ловить рыбу... Организаторы музея, конечно, вправе сказать: «Мы бережно сохраняем то, что уцелело»; ученые: «Мы стараемся изучить сохранившиеся крохи». И действительно, подвижники это делают. Но где ответственность или хотя бы публично высказанный стыд за то, что сделали «сильные мира того» с многочисленным населением целого континента? На одном из мониторов демонстрируется документальная съемка, где в Австралию приезжает монаршая особа с какого-то ближайшего острова. Как бы далеко камера не шла по округе, везде вокруг стоят, бегут, идут толпы (именно толпы, а не группки) длинноногих, плечистых, темнокожих полуодетых людей, в основном мужчин.

2009 г., февраль. Н.А, Дубова ведет антропологическое обследование бахтияр в дол. р. Карун в Загросских горах (Иран, пров. Хузистан)

Какая культура была конкистой уничтожена в Перу! А теперь, через несколько столетий «ученые-просветители» из той же Европы сожалеют, что не могут понять, для чего служил, например, завораживающий Мачу-Пикчу и другие чудом уцелевшие шедевры... И ведь никто – ни из Португалии, ни из Испании, ни из Франции – даже и не думает «рвать на себе волосы», извиняться за содеянное. Даже потомки тех самых царствующих домов, которые всё это и организовывали с одной целью обогащения казны... Трудно передать словами ощущения, которые охватывали меня везде в Перу, так же, как и в австралийской Аделаиде. Коренные жители (индейцы в одном случае и австралийские аборигены в другом) выглядят как бы «лишними», «мешающими нормальному ходу вещей» людьми. Жизнь течет рядом с ними, а они – или как наши, российские бомжи, сидят в неприглядном виде на скамейке в обустроенном по-европейски парке, или идут по своим делам, яркими пятнами выделяясь сохраняемыми до настоящего времени не только для туристов, но и для обыденной жизни традиционными нарядами в толпе, одетой в по-европейски одинаковую везде одежду... А не то ли самое

мы видим в наши дни в Ираке, Египте, Ливии, Сирии? Другие методы, другие слова, другие технические средства… Но суть-то от этого не меняется! «Нам нужны невосполнимые ресурсы, а у них нет демократии. Мы им поможем!» А причем тут местные народы, их традиции, их желания? «Мы же знаем, как им будет лучше!»

Вот и получилось у меня то, о чем, в общем-то, и не собиралась специально писать: с чего начала, практически тем и завершаю. Только почему-то о первом сюжете «мировая общественность» всё время громко говорит, осуждает виновных, а о последних и строчку трудно найти, даже во всезнающем Интернете…

Понимаю, что большинство экспедиционных воспоминаний, помещенных в этот сборник, будут забавными, веселыми. Прошу прощения, что мои получились вот такими. Но воспоминания на то и воспоминания. Они сохраняют обычно всё – и очень печальное, и жизнерадостное. Чтобы заканчивать всё не крайним пессимизмом, напишу и об этом.

1992 г. Раннее утро, июльское солнце еще только-только встало и пока прохладно. Приехав на поезде на станцию «Найагра Фоллс» (англ. Niagara Falls – Ниагарские водопады) в штате Нью-Йорк в США, чтобы достичь самого чуда природы, пришлось вместе с двумя девушками из Индонезии взять такси. Мы въезжаем на мост, конец которого теряется где-то за горизонтом, и слышим слева какой-то всё нарастающий шум. Под мостом, можно сказать, море воды. Противоположный берег практически не виден, столь велика ширина реки. Мощный поток стремится вперед, но нет никаких бурунов, вода не встречает препятствий. Оказывается, это и есть сама река Ниагара. Туристы еще спят, «туристическая инфраструктура» (палатки сувенирами, бесконечные ларьки с фастфудом и проч.) еще не начала функционировать, поэтому можно спокойно прогуляться по берегу реки в ту сторону, где гул становится всё сильнее, и полюбоваться самим водопадом хотя бы с американской стороны. Проблемы получить канадскую визу и перейти на другую сторону водопада, чтобы увидеть его уже во всей красоте – нет. Тут же есть пограничный пункт, паспортный контроль и прочие необходимые структуры. Надо всего лишь заплатить 40 долларов (на 1992 г. сумма для нас, только что ставших гражданами не СССР, а России – значительная).

Проведя несколько часов за созерцанием этой диковины со всех доступных сторон, сфотографировав всё, что было возможно (цифровых камер тогда, конечно, увы, не было, и «возможности» сильно ограничивались 36-ю кадрами обычной цветной или черно-белой пленки), я обошла «подкову» водопада справа. Тут моему удивлению не было предела. Я увидела на дне достаточно глубокого каньона тонкую струйку, ручеек воды, который вытекал из бассейна, куда с высоты в несколько десятков метров падали все, как пишут в справочниках, 5700 кубометров воды в секунду… Куда же девается этот колоссальный объем? Как эта мощь реки, которую я сама видела, переезжая мост, превращается не просто в «обычную равнинную реку», а в столь мирный, тихий, имеющий почти жалкий вид водный проток? Кстати, даже на современных космических снимках Гугла это видно. Правда, потом оказалось, что под водопадом построены мощные гидроэлектростанции. Но это все равно не является прямым ответом на вставший вопрос. Вот так и некоторые наши сильные желания, устремления, прекрасные порывы, имея какой-то КПД (коэффициент полезного действия), стихают, «входят в обычное русло», превращаясь в ручейки…

Н.Х. Спицына, В.А. Спицын

АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМИРЕ

Когда мы вспоминаем сейчас, по прошествии многих лет, о самой запомнившейся экспедиции в нашей жизни, то сомнений нет – это Памир 1984 года! И это притом, что за плечами каждого из нас десятки трудных, но таких увлекательных и интересных в плане научных данных экспедиций по просторам нашей необъятной Родины от Приазовья до Камчатки.

Начало комплексных антропогенетических и медицинских исследований на Памирском высокогорье непосредственно связано с именами Виктора Алексеевича Спицына (тогда он был руководителем группы биохимической генетики человека Института антропологии МГУ), Виктора Шаевича Белкина (заведующего Лабораторией высокогорных медико-биологических исследований АН Тадж. ССР) и Елены Зиновьевны Годиной (ст. научного сотрудника Института антропологии МГУ). От Института этнографии АН СССР участвовали опытный экспедиционщик Александр Петрович Пестряков и Наиля Хаджиевна Спицына, тогда еще в статусе временного научного сотрудника сектора антропологии.

Вначале мы прибыли в Душанбе, где нас очень тепло и радушно приняли душанбинские коллеги. Затем по плану экспедиции работу начали с самой высокой точки – Мургаба (высокогорье, 4000–4200 м над уровнем моря), чтобы затем спуститься на 3000 м и далее на среднегорье – 2000 м. И с самого первого дня начался самый настоящий экстрим, связанный с проблемами акклиматизации и самой спецификой работы и жизни на высокогорье. Достаточно перечислить высокую инсоляцию, высокий фон естественной радиации, изменение длин световых волн, резкие перепады суточных и сезонных температур, резко сниженное парциальное давление кислорода, а самое главное – труднопереносимую иссушающую сухость воздуха. Ощущение «песка» на теле, постоянную сухость кожи, слизистых глаз, носа и т.д. Мы при любой возможности лезли в воду; достаточно сказать, что все, даже ребята, часто стирали свои медицинские халаты (в обычной жизни это делалось только после экспедиции).

Любопытно, что вначале, сразу после трапа самолета, была эйфория, всё окружающее казалось неземной красоты – суровые горы, лунный графитно-серый пейзаж, пронзительно яркий воздух и только вдалеке, вдоль горных речушек с ледников, узкие полоски зелени, а ночью – необыкновенно низко над головой расположенные огромные «лохматые» звезды. Полная аналогия с ощущениями пловцов, погружающихся на запредельные глубины. А далее – у меня сразу началась горная болезнь: высокая температура, ледяные конечности, пониженное верхнее давление крови и высокое нижнее. Я, медик, впервые на себе поняла, как умирает

человек – да просто кровь останавливает всё движение, холод и жар одновременно и смертная тоска. Следующими заболели Виктор Алексеевич и Елена Зиновьевна, и тогда с погранзаставы принесли баллон с кислородом,;мы лежали вокруг и дружно дышали.

Материал собрали замечательный – демографию, антропометрию и, самое главное, образцы крови. Там же 1 августа 1984 г. был день рождения нашего руководителя экспедиции В.А. Спицына. Мы жили в местной маленькой школе и нас, как семью, не допускали к подготовке. Только слышали, как в соседнем классе все сотрудники безудержно смеялись и веселились; очень хотелось узнать над чем. Только потом выяснилось, что они сочинили коллективное произведение:

Чтобы напрасно не трудиться,
Не повторять ненужных фраз,
Прошу всех нервных удалиться,
Начнем о Спицыне рассказ.
В борьбе с ползучим эмпиризмом,
Всё человечество любя,
Он занялся полиморфизмом,
В генетике найдя себя.
Кто он такой – решайте сами,
Наш именинник перед вами!
В диплоидном наборе лет,
Раскроем Спицына портрет.
Не став великим живописцем –
Не всё же с музами на «ты», –
В шприцах и Рабкина таблицах
Нашел немало красоты.
Под звук классического джаза
И центрифуг протяжный гром
Белки, крахмал и эстераза
В увесистый сплелися том.
Имея тысячу примеров
Из пальца высосанных тем,
Пошел он глубже – в уши, в вену!
И в этом очень преуспел.
Как Вельзевул, копая серу
И заливая дрянью рот,
Поправ библейские примеры,
Науку двигает вперед!
Довольно скромен Виктор Спицын,
Лишен претензий и амбиций,
Красив, вальяжен и умен,
В антропологии силен.
Продрогнув во Сибирском мире
И невзлюбив седой мороз,
Работой жаркой на Памире
Решил согреться и …замерз!
Но, как положено в романах,
Согрет Памирским Розенманом,
И с ним теперь без разных слов
Работать в комплексе готов.
Где Спицын – там уж кровью пахнет!
Любой пробанд-абориген,
Который здесь, в Мургабе чахнет,
Отдаст ему последний ГЕН.
Учеников из разных наций
Он нежно холит и растит
Генетикою популяций
Кого угодно заразит.
Сам он – простой европеоид,
Жена Наиля – монголоид,
Любимый ученик – негроид,
Коллега по НИИ – веддоид,
Соратник Белкин – кроманоид,
Друг Сашка – просто антропоид,
Но если будет знаменит,
То, может, станет гоминид!
А кто там за углом стоит?
А….– это Цудик – он семит!
Друзья! Немножечко терпенья
Прошу полней налить бокалы,
Ведь в завершенье посвященья
Нам надо пожелать немало!
Скорей стать доктором наук!
Создать для нас немало книг,
Чтоб жизнь была –
Как яркий миг!
Шагать по жизни
В полный рост!
За это –
Поднимаем тост!

Мургаб, 1984 год

Пельмени, приготовленные мною на торжество, никак не хотели вариться. Было очень необычно, что температурный режим на высокогорье так сильно отличался от привычного для нас.

После, снижаясь на среднегорье, мы попали к памирцам, удивительным красивым людям Хуфа и Пастхуфа, жили в здании районной больницы Рушана. Удивляло дружелюбие и беско-

рыстие жителей. Было невозможно купить понравившиеся фрукты, потому, что они отказывались от денег и просто дарили их. Особенное впечатление производили старики – идет пастух с посохом, в простой национальной одежде с чалмой, а рост, осанка, взгляд полны достоинства и мудрости – просто патриарх! Мы сразу старались их сфотографировать.

По возвращении из экспедиции Е.З. Година, А.Г. Новорадовский и девочка, дочь медсестры, переболели вирусным гепатитом.

Сейчас очень тяжело осознавать, что в этих памирских населенных пунктах с 90-х гг. прошлого столетия произошли тяжелые изменения, вызванные новыми политическими условиями в Таджикистане.

И.В. Власова

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Наша экспедиционная жизнь проходит в основном в работе с населением и сборе полевой информации. Часть времени занимает экспедиционный быт, общение между участниками экспедиций и обычные человеческие отношения с людьми, среди которых ты живешь в это время. Но в этом общении можно найти немало информации об изучаемом населении, его образе мыслей и поведении в различных ситуациях, его культурных предпочтениях. Иногда всё это бывает парадоксально, обычно говорится с юмором и становится афоризмами. Наиболее интересно в этом плане речевое поведение (общение) собеседника, так как в нем можно уловить элементы сознания (самосознания) и ментальных черт в характерах людей.

Начну с первой по времени экспедиции, когда я начала работу в Институте этнографии после окончания университета. Это были полевые сезоны 1959–1960 гг. в Забайкалье, тогда мы работали не менее трех месяцев в сезон, что было связано с отдаленностью этого региона и неблизким путем туда. Мы участвовали в программе «Русские Сибири и Дальнего Востока», и Забайкалье было очередным этапом в этом исследовании. Нас интересовало русское сельское население, значительную долю которого составляли старообрядцы-*семейские* (села Тарбагатай, Хонхолой, Мухор-Шибирь, Бичура, Куналей, Красный Чикой и др.). Тогда еще можно было обнаружить традиционную культуру этого населения в достаточной мере.

Культура русских Забайкалья в целом (как и других сибирских районов) четко различалась у старожильческого населения (*сибиряков*), заселявшего регион в XVII–XVIII вв., и новоселов (*российских*), появившихся здесь с XIX в. У первых сохранялись культурные традиции севернорусского населения, поскольку основной миграционный поток в раннюю пору заселения Сибири шел с Русского Севера; у вторых – южнорусского населения (выходцы из южнорусских районов России). Даже говоры сибиряков – потомков первых насельников края имели черты либо севернорусских, либо южнорусских говоров.

Конечно, культурные традиции хранили, главным образом, женщины; особенно у старообрядцев-семейских. Так, девушки, окончив среднюю школу и вступая во взрослую жизнь, снимали с себя школьную форму и надевали свой старообрядческий костюм, не изменившийся здесь с XVIII–XIX веков. Во время наших экспедиций этот костюм еще бытовал, и его многие носили. Это очень красочный наряд, в котором сочетались черты и северно-, и южнорусской народной одежды; очень сложным был головной убор – довольно громоздкое сооружение на

голове из нескольких предметов, яркое и пестрое. Костюм дополнялся цветными поясами и янтарным ожерельем на груди.

Часто можно было увидеть картину: по улице села мчалась на велосипеде молодая женщина в таком ярком, развевающемся на ветру костюме-сарафане и с огромным сооружением на голове, а сзади на багажнике сидел ее муж, которого она забирала у сельмага, где он «гулял» с приятелями, и везла его домой.

Умиление вызывали дети. Здесь, как и везде, они были непосредственными, часто очень сообразительными и любознательными. Однажды я шла по селу, впереди меня шагал малыш в школу (было начало сентября). Заметив меня, он решил произвести впечатление и стал напевать:

Хорошо, хорошо солнце в мае светит.
Это очень хорошо и большим, и детям.

Так мы и шли до школы: он – напевая, а я – любуясь им.

В первый день нашего прибытия в село нас поселили в одной избе, где был мальчик лет 5-6-ти. Мы устраивались на новое житьё, носили бесчисленные баулы, рюкзаки и прочее наше снаряжение, суетились, наводили порядок; здесь был в основном женский состав отряда. Мальчик молча наблюдал за нами, рассматривал нас и наши тюки. Поздно вечером, когда все легли спать и уже начали засыпать, в полной тишине и темноте с печи, где он спал с бабушкой, раздался его голос: «Кто же вы будете? Девки, бабы или доярки?». Мы, рассмеявшись, ответили ему, что скорее доярки, зная, что все колхозники жили летом на полевых станах в отдалении от сел, как бы уезжая, как и мы, из своих домов.

Старшее поколение жителей относилось к нам заинтересованно и уважительно, особенно, когда убеждались в серьезных намерениях нашей работы среди них. Один долгожитель, когда мы пришли к нему побеседовать, удивляясь нашим знаниям, спросил, сколько нам лет. И когда мы ответили – 25, он заметил: «А я-то парень древний, мне 105. Я еще воевал с Колчаком, был и в японском плену». Вообще про Колчака и русско-японскую войну 1905 года нам рассказывали во многих сибирских селениях. Там жили воспоминания, легенды, предания о тех далеких событиях.

Часто жители старались нас уберечь от каких-либо природных и климатических неприятностей (жары, суховеев, песчаных бурь и т.п.), говоря, как и в какую погоду лучше одеться. Наша хозяйка на вопрос, какая сегодня погода, сказала: «мляво» (от слова «млеть»), лучше поберечься от жары и духоты. Вообще погода была непредсказуемая и для нас не всегда привычная и комфортная. Часто днем было 30º жары, даже в сентябре, а ночью в ведрах замерзала вода, и мы ее размораживали, чтобы умыться. Однажды в жару я решила искупаться. Это было на Байкале, где мы работали около Усть-Баргузина («Эй, баргузин (ветер), пошевеливай вал…»). Я вошла в воду и как ошпаренная выскочила обратно на берег. Вода в озере не поднимается выше 8º даже в жару. Плыть там невозможно. Зато нам удалось в предрассветное время порыбачить с рыбаками на их катерах, половить омуля. Правда, готовили пищу мы сами, т.к. их кухня нам не нравилась. Они готовили рыбу по рецептам коренных сибирских народов: сначала давали рыбе стухнуть, затем ее либо солили (своеобразная консервация), либо варили и жарили. Тухлой даже жареная рыба казалась нам несъедобной. Но в нашем приготовлении мы наслаждались омулем.

Довольствоваться местной пищей мне пришлось, когда я попала в сельскую больницу. Дело в том, что в Забайкалье отсутствует йод в растениях, воде, а это приводит к зобным заболеваниям. Местное население спасается тем, что получает йод в препаратах в специальных медицинских пунктах. Короче, моя щитовидка вышла из строя, дала осложнение на сердце, с чем я и попала в лечебницу. Нас в этом селе хорошо знали, т.к. мы работали здесь уже второй сезон, причем проводили массовое подворное обследование. Жители прониклись к нам со-

чувствием, понимали, как мне «невесело» лежать в больнице в чужом месте. Они начали меня навещать и приносить передачи. Надо сказать, что забайкальские села огромные – по 800–1000 дворов, растянутые на многие километры, поэтому передвижение там происходило в основном на велосипедах или на автобусах, ходивших по маршруту с одного конца села на другой. И вот такие передачи мне несли нескончаемым потоком, их было так много, что пока я лежала несколько недель там, кормилась этими передачами вся больница. В этих «гостинцах» были в основном круто сваренные гусиные яйца огромных размеров, молоко, оладьи непонятного вкуса и черемша. К такой пище я так и не привыкла. Сама больница представляла собой большой барак, разделенный на мужскую и женскую половины, где было по одной огромной палате и где лежали больные со всякими болезнями. В нашей женской палате даже лежали роженицы с младенцами.

Забайкалье. 1960 г.

По выходу из больницы меня решили отправить домой в Москву. Наша экспедиционная машина довезла меня до Кяхты, откуда самолетом я должна была добраться до Читы, а далее поездом до Москвы. В Кяхте (а это наша граница с Монголией) я ждала вылета и глядела окрест. Там, за границей-проволокой, которая проходила рядом, в нескольких метрах, стояли монгольские часовые и разгуливали монголы в своих одеяниях-халатах. Было похоже, несмотря на часовых и разделяющую проволоку, что это не государственная граница, а просто соседнее село. Наконец я села в крошечный самолетик. Летело нас двое – пилот и я, никаких попутчиков не было. Но тут началось нечто. Самолет летел на небольшой высоте, так что мог задеть крылом сопки, поэтому пилот, лавируя, ставил самолет в вертикальное положение и, когда неожиданно высовывалась очередная сопка, резко его поворачивал на 180º. Я каталась по салону, так как там не было пристежных ремней, и пилот предложил мне доползти к нему в кабину и сесть на место второго пилота. Я возненавидела эти сопки. А как они были хороши ранним летом, когда покрывались цветами, особенно тюльпанами! Смотреть на них из села было одно наслаждение. Там, где не было цветов, разгуливали овцы, поедая траву и перескакивая с одного места на другое как блохи. С дальнего расстояния они выглядели маленькими точками на склонах сопок.

Эти сопки еще раз обернулись для нас неприятностью, если можно так назвать песчаную бурю, которая застала нас, когда мы однажды в ясную погоду решили прогуляться и поднялись на одну из них. Неожиданно налетел ветер, солнце скрылось, нас засыпàло песком, но хуже всего, что мы потеряли дорогу и с величайшим трудом спустились по склону и добрались до села.

Возвращаюсь к нашему полету. С грехом пополам мы (вернее, я) долетели до Читы, меня высадили прямо на поле, рядом поставили мой рюкзак и ушли. Когда я отлежалась и пришла в себя, то выбралась из аэропорта и уехала в город. Но тут оказалось, что покупая железнодорожный билет до Москвы, я отдала почти все имеющиеся у меня деньги (меня неправильно рассчитал начальник отряда), а ехать надо было неделю. С такой скоростью тогда ходили поезда. От голодной смерти меня спасли соседи по купе – геологи, которые возвращались в Москву. Они кормили меня на свои суточные.

В первый наш сезон мы застали в Забайкалье страшное природное явление– землетрясение. До начала его мы приехали в Улан-Удэ и остановились в краеведческом музее. Получили отдых, пошли гулять по городу и зашли в кинотеатр. Там в зале на каждом кресле лежали небольшие листовки с «Правилами поведения в общественных местах», отпечатанные местным отделом культуры Исполкома. В одном из правил было написано: «Двум лицам спариваться на один билет категорически воспрещается». Слава богу, у нас на каждого было по билету. После кино в радужном настроении вернулись в музей, где был наш ночлег. Землетрясение разразилось неожиданно ночью на Байкале, достигло семи баллов, может быть и более. Под воду ушло несколько селений. Наша машина стояла во дворе музея. Из-за жары решили ночевать тут же, во дворе. Несколько человек устроились в машине, в спальных мешках. Старшие участники экспедиции расставили раскладушки прямо на земле и спали там. Когда начало трясти, мы уже спали, и спросонья я не поняла, что это землетрясение. Кругом грохотало, нашу машину качало с одного бока на другой. В кузове стояла огромная 200-литровая бочка с бензином. Тогда нам в экспедициях «выдавали» бензин, просто так его купить было нельзя. Затычка из бочки выскочила, и бензин полился на нас, спящих в мешках, из которых мы не могли выскочить. Снаружи раздавались вопли: «Свят, свят, свят!». Мне в кромешной темноте и хаосе показалось, что наш шофер, вернувшийся ночью из ресторана, куда он отпросился отдохнуть, завел машину, и мы с дикой скоростью несемся вниз по склону. Вся эта картина и ощущения проносились в голове какие-то секунды. Наконец, нам удалось вылезти из машины. Во дворе в раскладушках, которые сложились, барахтались наш начальник отряда Г.С. Маслова и сотрудница А.А. Лебедева; вверху, на галерее музея, кричала жена директора музея (там была их квартира). Она, в белой ночной рубахе до пят, с развевающимися волосами, и кричала это «свят». К музейному двору примыкала только что отстроенная гостиница, еще незаселенная. На ее торцовой стене на наших глазах образовалась огромная трещина, от стены отваливались кирпичи, обнажились гостиничные номера. Утром мы обнаружили перед фасадом музея вывороченные трамвайные рельсы и потоки, текущие из прорвавшихся в земле труб.

В этот же день мы покинули Улан-Удэ и направились в Читу. Там на другой день, обедая в ресторане, мы ощутили толчки (а это от Улан-Удэ почти день пути), правда, уже не сильные, но наши тарелки с супом «запрыгали» на столе. В Чите мы передали машину другому отряду и отправились в Москву.

Несмотря на перипетии, мы хорошо поработали в Забайкалье, собрали большой материал. Все невзгоды забывались, т.к. мы тогда были молоды, многое могли вынести. Собранного материала хватило нам на написание монографии «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири» (часть II – Забайкалье. Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1975). Вспоминаются минуты отдыха от многочасовой работы и не совсем устроенного быта, во время которого мы даже пытались делать стенгазету. В то время такие стенгазеты существовали везде – в организациях, на предприятиях, в школах и т.п. Нашу газету мы назвали «Розовая лошадь». Не помню, откуда пришло такое название. Сверху газеты, где помещался заголовок, были изображены наши профили и бегущая вскачь розовая лошадь, и все это в цвете, т.к. оформляли газету экспедиционные художники. Ниже заголовка шли небольшие тексты с

нашими впечатлениями и описаниями экспедиционных будней, с карикатурами. Правда, «издавать» такую газету нам не хватало времени, появились всего два или три номера.

Наши впечатления о забайкальских селениях пополнялись за счет коротких приездов в соседние бурятские улусы. Они были не похожи на русские селения. В каждом доме у бурят сохранялись на заднем дворе юрты – остатки их кочевой жизни, и в них они проводили много времени, молясь или совершая те или иные обряды. Центральное место в улусах занимали небольшие площади, где не было таких обычных для русских сел строений административного, торгового характера; на некоторых воздвигали общественный туалет. Такими неустроенными и неуютными в те годы были бурятские улусы. При нашем появлении жители выходили из своих домов и рассматривали нас, расспрашивали о нашей жизни и об экспедиции, показывали нам газету «Бурятская правда» («Бурят унэн»). Нам удалось посетить бурятский Иволгинский дацан, где ламы охотно разрешили присутствовать на их молении. От этого посещения на память остались фото молящихся, наше совместное фото с ламами на крыльце дацана и подаренные нам статуэтки буддийских богов. Мне достался Зон-Хова, которого я храню до сих пор как память о наших путешествиях по Забайкалью.

Забайкалье. Дацан. 1960 г.

Здесь приведены некоторые воспоминания лишь об одной экспедиции по региональному изучению русского населения. Таких моих воспоминаний об экспедициях в другие 16 регионов страны, осталось столько, что, по-моему, хватит на целую книгу. Что касается наших научных открытий, то они опубликованы в трудах института, поэтому здесь я не касаюсь их.

А. А. Закурдаев

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ИЗ ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИИ В ЮНЬНАНЬ (КНР) 2001 года

(по полевым материалам автора)

18 мая 2001 г. был предпоследним днем нашего пребывания в деревне Буланшань[1]. Медленное течение жизни среди булан, дай и хани[2] постепенно подходило к концу. Сонливое состояние, вызванное жарой, сменилось философским настроением, рождавшимся под шум тропического ливня. По утрам уже не доносиллсь голосов буддистских монахов, приходивших просить милостыню, гама детей, только что проснувшихся и выбежавших на улицу поиграть в танец "Чжугань"[3]; не слышно было криков свиней, выволоченных на дорогу для забоя, и, конечно, пения цикад, набиравших силу звука к обеденному времени. Всё это одним разом сменил дождь. В тот день он шел всю первую половину дня, и только во второй половине у меня появилась возможность посетить буддистский монастырь, находившийся в четырех километрах от деревни Буланшань. По дороге я встретил мужчин, несших на своих спинах мешки с рисом. Мы познакомились, обменялись благопожеланиями и разошлись.

Монастырь находился на вершине невысокого холма близ деревни Синьнаньдун. Его окружала небольшая изгородь, выложенная из камня; к единственным воротам вела лестница, по обеим сторонам которой построены низкие каменные перила в виде дракона. Удивительное сочетание древних культов и буддизма, выраженное в одном архитектурном сооружении, сразу привлекло мое внимание. Головы драконов у первых ступеней как бы встречали посетителей. Подъем по лестнице вдоль их длинных туловищ, в двух местах, выгнутых в спине, заканчивался крыльцом, крыша которого была увенчана своеобразной тыквой-горлянкой.

Один из старших монахов, облаченный в рясу оранжевого цвета, стоял под крышей и с любопытством наблюдал за приближающимся гостем. Когда я подошел к нему, представился и спросил разрешения посетить монастырь, на лице монаха засияла широкая улыбка, демонстрировавшая радушие и гостеприимство. Действительно, он и остальные монахи показали мне всю территорию монастыря, ответили на все мои вопросы и, в целом, подробно представили картину своей жизни здесь[4]. Однако самое интересное и главное заключалось в том, что эти люди, одетые в желтые рясы, переживали молодость, с которой сопряжены любопытство, азарт, игра, риск. То, что могло быть абсолютным запретом у их почтенного учителя (в то вре-

мя он находился в Таиланде на семинаре), в их сознании имело относительный характер. Курение, разговоры о женщинах, мотоциклах, заработках, игре в карты – всё это составляло часть их традиционного интереса к жизни. Конечно, для булан буддизм – религия, проникшая в их культуру извне, и не все, вхожие в монастырь, являются искренне верующими. По словам жителей Буланшань, монашеский образ жизни – вынужденная мера, и причины, объясняющие ее, достаточно прозаичны – изучение грамоты и облегчение родительского бремени по содержанию семьи….

И вот в большом строении, где находились статуя Будды и очаг, на котором монахи приготовили чай, мы вели непринужденную беседу. Вдруг один из них привстал и протянул руку к биноклю, висевшему у меня на плече. «Это что?» – спросил он. «Бинокль» – ответил я. «А для чего он нужен?» – «Чтобы ближе видеть предметы, находящиеся на отдалении». Монах, спросив моего разрешения, взял оптический прибор и поднес к своим глазам. Я не увидел в его выражении никаких признаков удивления, будто он каждый день смотрел в бинокль. Однако после того как он, повертевши бинокль в разные стороны, неожиданно посмотрел в объективы, его выражение лица тут же изменилось и приобрело столь восхищенный вид, что заинтригованные монахи накинулись на него с расспросами. Он, не отрывая глаз от бинокля, широко улыбнувшись, сказал: «Какое всё маленькое!»

Фото 1. Деревня Буланшань

Бинокль пустили по кругу, и каждый из присутствовавших монахов смотрел то в объективы, то в окуляры. Вид, открывавшийся через окуляры, нравился им больше всего. Очень скоро монахи вышли на улицу и поочередно (сначала старшие, следом младшие) смотрели в бинокль на привычные для них строения и предметы, изучали муравьев и других насекомых. Однако вид маленького изображения приводил их просто в неописуемый восторг. Деревня Синьнаньдун, открывавшаяся с холма, стала популярным объектом наблюдения. Тот факт, что с помощью бинокля ее можно было визуально отдалить, изумлял их. Почему им так нравились уменьшенные и отдаленные объекты? Одно из объяснений этого, как мне кажется, заключается в том, что булан (во всяком случае, этих деревень) живут в изрезанной холмами местности среди джунглей. Поэтому близко стоящие предметы, вполне возможно, вызывали реакцию отторжения в пользу отдаленных видов.

Развлечение с биноклем продолжалось почти до момента расставания. Монахи как дети носились с ним вдоль изгороди и рассматривали всё, что хотели видеть удаленным и панорамным.

В целом, посещение монастыря и особенно эта забава оставили в моей душе глубокое впечатление. Мне показалось, что эти люди хотели, хоть ненадолго, убежать от реальности, как бы вырваться за пределы экологической среды, окружавшей их.

Вечером снова пошел проливной дождь. После ужина я и двое моих спутников вернулись в свою наполовину деревянную, наполовину бамбуковую хижину и легли спать. В доме было сыро. Дождевые капли просачивалась с крыши, капали на мой спальный мешок и временами на лицо. Я находился в дреме, и было непонятно, шум ливня – это сон или реальность. Неизвестно, сколько времени длилось это состояние, но я вдруг пробудился. Стояла темная ночь. Дождь перестал. Где-то в углу или под кроватью что-то шуршало, но это не вызывало интереса, так как было лишь частью того мира звуков, который наполнял здешнюю атмосферу. Я лежал и думал о том, что пройдет еще несколько дней, и полюбившаяся мне жизнь людей тропического горно-лесного ландшафта сменится привычной городской жизнью. Затем как-то естественно пришла мысль о еде. Не то чтобы я проголодался, наоборот, ужин был достаточно плотным. Хозяин щедро накормил нас традиционной пищей, представлявшей собой рис с зеленью. Мясо готовили по особым случаям, и единственное, что можно было заказать, – это свиной хвост в масле. В целях экономии рис, как правило, подавался в разваренном виде и больше напоминал кашу. Соли почти не добавляли, отчего вкус длинных листьев зелени и блюда в целом был пресным. Однако проблема заключалась не в этом. Скажу так: пища, видимо, богатая клетчаткой, способствовала активной работе желудочно-кишечного тракта. Так что пришлось встать и отправиться на улицу. Я снял пакет, в котором на ночь оставлял свою обувь, во избежание проникновения в нее разных насекомых. Надел кроссовки и вышел из хижины.

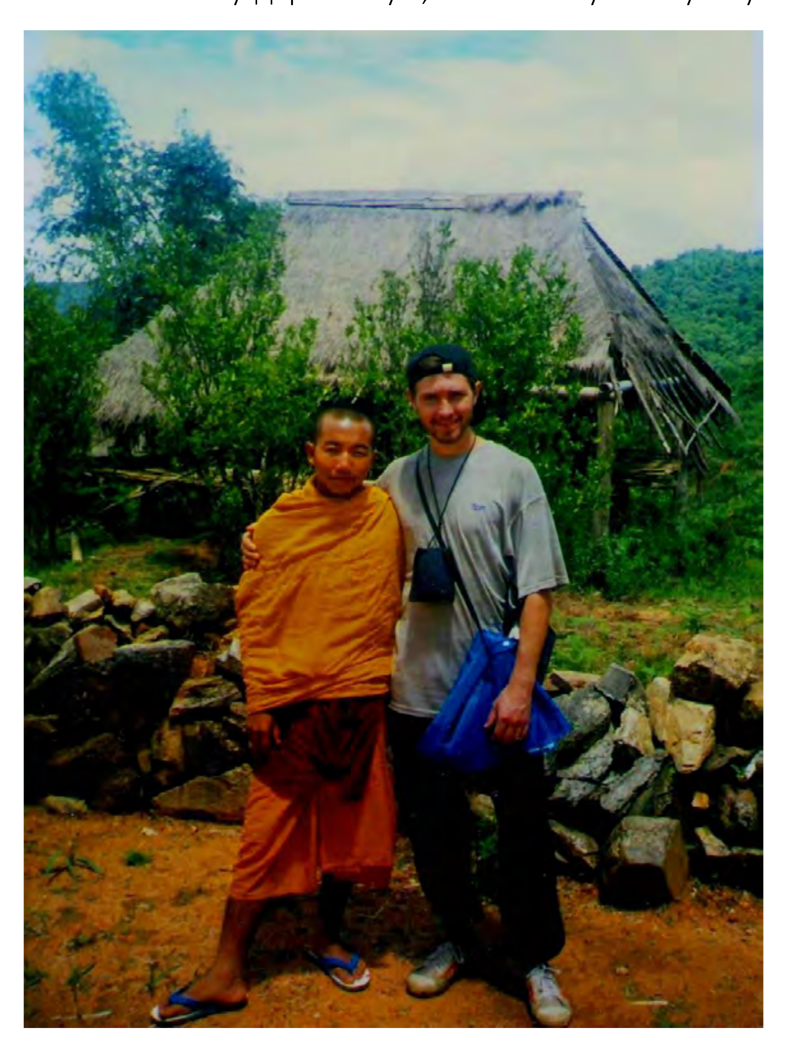

Фото 2. В буддийском монастыре

Место, где человек справлял нужду, находилось приблизительно в ста метрах от нашего ночлега. Дорога едва просматривалась при естественном свете луны и звезд. После нескольких шагов мне показалось, что что-то зашевелилось под правой стопой. Я поджал под себя пальцы ноги и ускорил шаг. Движения в кроссовке продолжились, и теперь я полностью осознавал их реальность. Ума не приложу, как какое-то существо попало в мою кроссовку? Вроде бы и смешно, да в тот момент, я только и торопился достигнуть заветного места, освещенного единственным уличным фонарем, чтобы разрешить неожиданную интригу в моей обуви.

…Внутри оказалось жесткокрылое насекомое длиной 4–5 сантиметров. Его черный и ярко-красный цвета заставили меня отскочить в сторону. В голову тут же пришла мысль о том, что это могло быть что-то ядовитое или, во всяком случае, что-то способное причинить вред. Поверхностное знание о насекомых порождало различные сценарии развития этой щекотливой

ситуации. Однако сброшенное на асфальт существо сначала застыло на месте, а затем, открыв свои жесткие надкрылья, вспорхнуло и исчезло в темноте ночи.

Я вернулся в дом и какое-то время пребывал в состоянии недоумения – в этой цепи действий предопределенность и логика так тесно переплелись между собой, что возникло естественное ощущение веры в провидение.

19 мая 2001 года. Сегодня мы покинули деревню Буланшань и отправились в городок Мэнлун. Путь пролегал по пересеченной местности, участками поросшей густой растительностью. Общее расстояние приблизительно составляло 50 километров. Вроде бы немного, но в сезон дождей маршрут мог занять три дня. Кроме этого, наши опасения в условиях джунглей отклониться от маршрута в сторону границы Мьянмы, до которой было всего 5-10 километров, заставляли нас более тщательно осуществлять ориентирование на местности.

Дождь моросил все утро. Дул небольшой ветер, несший влагу с Тонкинского залива. Около 11 часов беспросветная масса кучевых облаков разделилась на части, но дождь не перестал, а, наоборот, усилился. Между плывшими по небу тучами ярко светило солнце. Впереди показалась радуга, оба конца которой скрывались где-то за склонами гор. Мы шли по узкой проселочной дороге и наблюдали поднимающиеся испарения дождевой влаги. Несколько километров дорога шла по дну горной долины. С левой стороны как бы нависали джунглевые заросли, с правой текла какая-то речушка, а чуть выше нее раскинулись террасы, на которых встречались редкие крестьяне, занимавшиеся возделыванием чая.

Фото 3. В джунглях

Шаг был легким, и мы, периодически поглядывая на буйволов, пасшихся у водопоя, скоро пересекли ровное дно долины. Дорога пошла в гору и там, скрываясь в лесных дебрях, петляла в разных направлениях.

Неожиданно дождь перерос в ливень. Его крупные капли звонко разбивались о земную поверхность. Дорога, только что пригодная для пешего перехода, превратилась в грязевой поток красновато-коричневого цвета. Движение по такому бездорожью замедлилось.

Через некоторое время единственный видимый путь, связывавший нас с внешним миром, начал постепенно сужаться. Чем уже он становился, тем хуже становилось ориентирование. Тропа, закрывавшаяся прибиваемой дождем растительностью, буквально сливалась с джунглями. Она тянулась то по правому склону, то по левому, и не выходила за пределы одного горного кряжа. Из-за непогоды мы не слышали шума речного потока и, ориентируясь по карте, только знали, что река течет где-то справа.

Пятичасовой путь в северо-восточном направлении привел нас в деревню Вэйдун. Однако из-за ливня было безлюдно. Мы прошли в полуоткрытые ворота и направились к беседке, находившейся в десяти шагах от входа в деревню. Наконец, появилась возможность хоть немного отдохнуть, расслабить мышцы плеч и спины, но не прошло и пяти минут, как нас охва-

тил холод. Мышцы вновь напряглись, и чувство неприятного озноба пробежало по телу. Здесь, на северном склоне, царили влажность, прохлада и полумрак. Во избежание простуды мы переоделись в сухую одежду, но всё равно было как-то зябко.

Кроме нас в беседке не было никого. Казалось, что и в домах также отсутствовали люди. На наши приветственные слова никто не откликался. Облокотившись на колени, мы сидели на скамейках и ели фрукты. Вокруг высокой стеной громоздился темный лес. Дождь по-прежнему шумел и размывал дорогу.

Через несколько минут послышались крики. Мы обернулись и увидели двух бегущих из деревни полуголых темнокожих мальчишек 10–12 лет. Они вбежали в беседку и, улыбаясь во весь рот, сели на скамейку по левую сторону от нас.

Восхищенные их детской непосредственностью, мы поздоровались и спросили название деревни. Однако они продолжили улыбаться. Стало понятно, что дети не говорили по-китайски. Мальчишки вели себя достаточно свободно, и вот они уже подошли к нашим рюкзакам и с интересом разглядывали разные лямки да ремешки. Периодически оба вопрошающе поглядывали на нас, будто спрашивали разрешения примерить к своим маленьким плечам необычный для их глаза большой заплечный мешок.

Прошло минут тридцать, дождь ослабел, и мы снова собрались в путь. Мы помахали ребятам на прощанье, а они, прижавшись к бамбуковым опорам забора, проводили нас всё теми же улыбающимися лицами.

Дорога шла по северному склону. Приблизительно через километр мы пересекли небольшую речку. На южной стороне соседнего кряжа раскинулись террасированные рисовые поля. Дно долины было довольно широким и также изрезано участками обрабатываемых земель. Несмотря на явные признаки человеческого труда, тропический ливень создавал иллюзию отсутствия чего-либо антропогенного. Во время движения ты видишь перед собой только “реки” бегущей дождевой воды, а вокруг едва различимый пейзаж, тонущий в водяной дымке.

Еще около трех километров пути по равнинной местности преодолены. Мы вновь пересекли границу джунглей. Тропа пошла вверх по склону и, следуя рельефу горы, скрывалась в лесу. Внизу, у подножия, текла река Наньах[5], служившая нам ориентиром вплоть до самого Мэнлуна.

Скоро на тропу указывали лишь ее очертания, едва высматривавшиеся поверх пышно растущей зелени. Однако если бы трудность заключалась только в этом! В джунглях существовало полным-полно подобных очертаний, дезориентировавших нас. В условиях влажного тропического леса, отделявшего деревни на большие расстояния, признаки хоженой тропы оставались незаметными для чужого глаза. Каждый раз, когда мы оказывались в точке пересечения таких тропинок, выбор падал на ту, которая находилась ближе к реке.

С того момента, как я и мои спутники погрузились в мир удивительной природы, нам чаще стали попадаться змеи. В подавляющем большинстве случаев это были зеленые, не больше метра, судя по месту нахождения, древесные пресмыкающиеся. Они либо свисали приблизительно на уровне головы, либо падали за несколько шагов перед нами, видимо от того, что впереди идущий человек рюкзаком задевал ветви, по которым они ползали. Во избежание неприятностей мы не проявляли к змеям специального интереса, а продолжали идти.

Смеркалось. Решили попутно искать место для установки палаток. К нашему разочарованию, растительность росла столь густо, что встал вопрос о возможности ночлега вообще. Деревья стояли близко друг к другу, и лианы, опутывавшие их сверху донизу, показывали всю тщетность наших попыток найти подходящее место. Ко всему прочему сам склон был неудобен для этого.

Мы осторожно продвигались по скользкой тропинке то вниз, то вверх, но даже такая внимательность не исключала падений и скольжений по выпирающим из-под земли древесным

корням. За несколько часов движения по этому участку пути наши фигуры превратились в «грязевые произведения» природы. Мы не знали, сколько еще предстояло пройти, прежде чем найдется хоть какой-нибудь пятачок ровной земли.

Дождь перестал, но его отсутствие не воспринималось как послабление – вода обильно капала с крон деревьев. Наши рюкзаки, хотя и были накрыты дождевиками, промокли и, как нам казалось под конец дня, прибавили в весе по несколько килограмм.

Мы спускались по тропинке, справа от которой открывался вид на речку Наньахэ. Там на берегу стояла девушка, одетая в голубую кофту с коротким рукавом и своеобразную юбку, представлявшую собой разноцветный кусок ткани, обернутый вокруг талии. Позади ее к ногам прижималась девочка в бежевой кофточке и аналогичной юбке розового цвета. Неожиданное появление таких людей посреди джунглей очень удивило нас. На первый взгляд, девушке было не больше 18 лет, а девочке – около 6-8 лет. Как они могли оказаться в такой глуши? Обе стояли босыми ногами в мокрой траве и внимательно наблюдали за нашим спуском. Как только мы подошли к ним, девушка сказала нам что-то на своем языке и жестом показала следовать за ней.

Через 100–150 метров мы достигли небольшой деревни, состоявшей из восемнадцати построек свайного типа. Дома располагались на террасированных участках шириной до десяти метров. Между ними не было никаких заборов и ограждений, маркировавших собственность территории. Повсюду гуляли куры и свиньи, но отсутствие в поле зрения людей создавало атмосферу заброшенности и даже какой-то мистики.

Фото 4. Деревня народа лаху

Нас привели к большому дому, стоявшему на полутораметровых деревянных сваях, установленных на каменных основаниях. Сооружение, ввиду массивной четырехскатной соломенной крыши, спускавшейся до уровня свайных опор, выглядело достаточно тяжеловесно. В дом вела входная лестница, состоявшая из первой и двух последних ступеней, поэтому подъем по ней больше напоминал карабканье.

Девушка указала нам место, куда можно поставить рюкзаки, и прошла внутрь. Мы последовали за ней.

Внутреннее пространство дома представляло собой единственную комнату. Пол и стены были сделаны из расщепленного бамбука. Справа от входа находился очаг, возле которого лежала собака. В самом дальнем правом углу, сбившись в кучу, сидели пятеро детей. Необычным было отсутствие каких-либо перегородок. На разграничение пространства по степени значимости указывали только циновки и вещи, расположенные вдоль участков стен, удаленных от входа.

Как только мы вошли, девушка жестом пригласила нас к очагу выпить горячей воды, приготовленной в глиняных пиалах. Поблагодарив ее за оказанное гостеприимство, я спросил, как

далеко отсюда находится Мэнлун. В этот момент она подошла к стене, раздвинула связки расщепленного бамбука и что-то прокричала. Через несколько минут в дом вошла женщина средних лет и по-китайски поздоровалась с нами. В ходе непродолжительной беседы выяснилось, что здесь проживают представители народа лаху[6]. Жители деревни не говорят на путунхуа[7], и чтобы изменить ситуацию, эту женщину направили сюда с целью преподавания языка подрастающим детям, так как взрослые поддаются обучению плохо. Мы также узнали, что девушка, приведшая нас, оказалась хозяйкой дома и, к нашему удивлению, была многодетной матерью.

Ответив на некоторые из интересовавших нас вопросов, женщина быстро откланялась и вышла из дома.

Скоро в дом вошла бабушка, которая поприветствовала нас кивком головы. Она медленно прошла к очагу, достала длинную курительную трубку и, удобно разместившись у огня, закурила. Ее вид внушал уважение. Спустя минут пять хозяйка принесла живую курицу. Пожилая женщина, зажав клюв между большим и указательным пальцами, крепко обхватила голову птицы своей широкой ладонью. В течение некоторого времени курица рвалась в разные стороны, но рука почтенной бабушки, продолжавшей курить, так и не дрогнула. Зрелище было впечатляющим. Невозмутимое, хладнокровное выражение лица, казалось, говорило о том, что иным способом здесь, в окружении высокой стены джунглей, не выжить. После того как последние судороги жертвы прекратились, бабушка откинула ее в сторону и, взяв в освободившуюся руку курительное приспособление, как бы по-новому затянулась….

Фото 5. Хозяйка дома

Честно говоря, было так интересно узнать более подробную информацию об этой деревне и ее жителях, что в тот момент, когда девушка приступила к ощипыванию курицы, я отправился к учительнице.

Я нашел ее сразу около дома террасой выше. Она сидела на скамейке и будто знала, что кто-нибудь из нас будет искать ее.

Увидев меня, она сразу пригласила сесть рядом. Однако не успел я опуститься на скамейку, как женщина начала задавать вопрос за вопросом о том, кто мы, откуда, как здесь оказались, с какой целью идем в Мэнлун и т.д. Конечно, сложилось впечатление, что человек, проживший здесь (по ее словам) три года, истосковался по родной речи, да вообще по гостю с Большой земли. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, оживленную беседу, рассказывать о жителях деревни учительница отказалась. Использованное в ее речи сочетание “бу яо” можно интерпретировать по-разному: от отсутствия личного желания, заинтересованности до объективного запрета (сверху). Поэтому мотивировка отказа осталась тайной.

Я вернулся в дом. Ужин был почти готов – хозяйка добавляла в содержимое котла какую-то зелень. Собака по-прежнему лежала около очага и созерцала тлеющие угли. У стены сидели дети и о чем-то тихо разговаривали.

Хозяйка была очень щедра на добавки и то и дело подливала рисовую кашу в мою пиалу, в которой то тонула, то всплывала куриная голова, недавно трагически побывавшая в руке почтенной женщины, сидевшей напротив меня. Под конец ужина, когда стемнело, в дом вошел молодой мужчина, как оказалось, хозяин дома. Он улыбнулся в знак приветствия, обошел комнату и сел со всеми у очага.

Фото 6. Дети хозяйки

Проделанный в тяжелых погодных условиях путь измотал нас, и мы, поблагодарив хозяев за еду, отправились готовиться ко сну.

Нам постелили циновки в дальнем левом углу, напротив входа. Мы поставили у стены рюкзаки и гитару, которую мой спутник прихватил с собой. Переодевшись в сухое белье и закутавшись в теплый спальник, я тут же, как говорят, провалился в сон….

Спустя некоторое время меня разбудил хозяин дома. Я открыл глаза: он, стоя на коленях, пытался открыть чехол для гитары. Оценив свои тщетные попытки, он жестом позвал меня к очагу. Огонь едва искрился. Стояла глубокая ночь. Все спали.

По его просьбе я достал гитару и продемонстрировал игру разными видами аккомпанемента. Он был так восхищен звуками, извлекавшимися в ходе переборов, что просил меня повторять снова и снова. Наконец, удовлетворив его любопытство, я убрал гитару в чехол и отправился спать.

Не прошло и минуты, как я услышал возле себя шорох – подошедший хозяин тихонько взял гитару и стал светить на нее фонариком. Под звук шуршания я заснул….

Спустя какое-то время я снова проснулся. Негромкие мужские голоса сотрясали покой ночной тишины. Я приподнял голову и увидел трех незнакомых мужчин, сидевших у огня и рассматривавших гитару. Они передавали инструмент по кругу. Каждый внимательно рассматривал его: щипал струны, ощупывал лады на грифе, подставляя резонаторное отверстие под свет огня, пытался изучить внутреннее пространство корпуса гитары. Словом, инструмент подвергся тотальному изучению. Однако самое интересное ожидало меня чуть позже. Может быть, минут через десять в дом вошли еще пятеро молодых мужчин. Все они уселись вокруг очага, куда хозяин предусмотрительно добавил пару дров. Свет от огня стал ярче и больше. Разговор приобрел оживленный характер. Одни, судя по интонации, восклицали, другие активно жестикулировали, и вот инструмент снова пошел по кругу.

Как долго продолжалось знакомство с чужеземной диковинкой, не знаю. Я только почувствовал, что вот-вот погружусь в сон, и надо бы встать, чтобы уберечь гитару от случайного повреждения…. Именно в этот момент, меня снова разбудил хозяин. В его глазах прыгали огоньки страсти. Я понимал, что ему очень хотелось, чтобы в его доме, собравшем, наверное, всех сверстников деревни, зазвучала гитарная музыка….

Около часа я наигрывал и исполнял для них разные произведения, начиная от классики и заканчивая роком. Из всего сыгранного слушателям особенно понравились мелодии, исполненные перебором, и прежде всего «Подмосковные вечера». Кстати, интересно, что эту же песню полюбили и представители народа ва деревни Юнбуло[8].

Светало. Я, откланявшись, отправился спать. Голова гудела, но душа была наполнена незабываемыми впечатлениями.

Как же не хотелось просыпаться, опять взваливать на себя рюкзак и топать по влажным джунглям. Остаться бы здесь....

На завтрак хозяйка подала свежеприготовленный рис, но, прежде чем сесть за еду, по просьбе хозяина пришлось сыграть несколько мелодий.

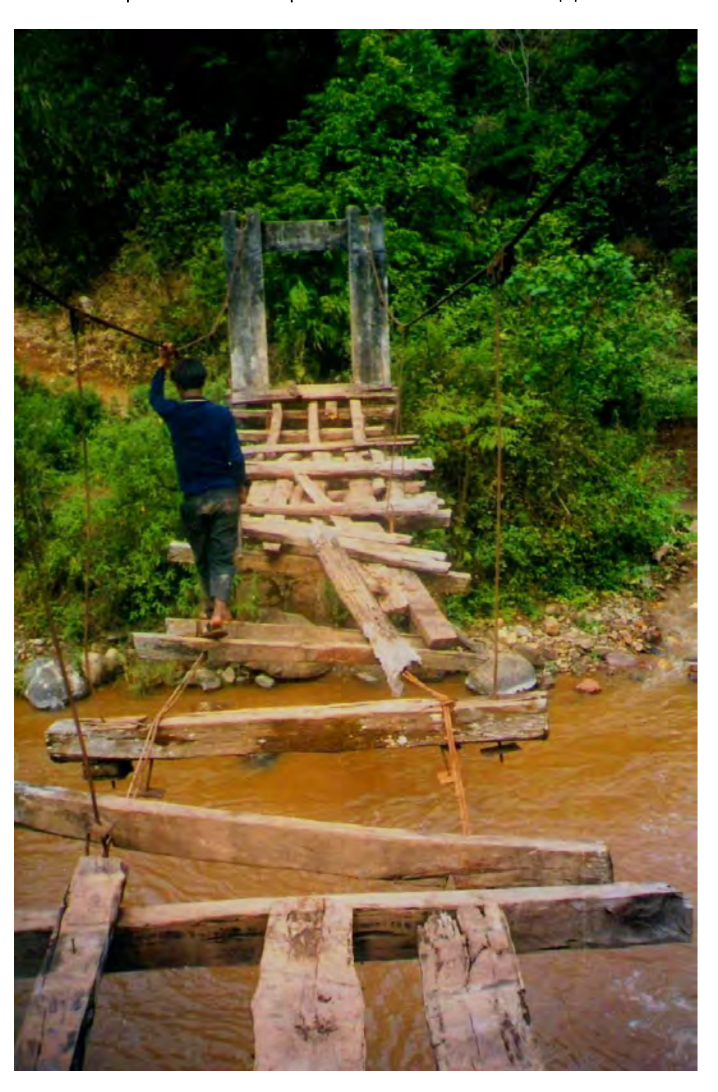

Фото 7. По мосту через речку Наньахэ

Перед выходом я в знак благодарности подарил хозяевам два горшочка, расписанных в хохломском стиле.

Мы вышли на улицу. Пасмурное утро предвещало дождь. Взвалив на спины рюкзаки, мы попрощались с гостеприимными лаху и по указанной ими тропинке отправились дальше. Влажный тропический лес вновь лишил нас личного пространства.

Через час снова пошел дождь, переросший в ливень. Тропинка петляла по склону, угол которого местами был слишком крутым. Поэтому, чтобы не сорваться вниз, приходилось хвататься за лианы. Время от времени мы встречали древесных змей, ползавших по веткам, так что не останавливались на одном месте надолго. Приблизительно за четыре часа мы преодолели труднопроходимый участок пути и вышли к реке Наньахэ. Дальше дорога пошла вдоль берега, и очень скоро показались очертания деревни Лулацунь.

Расположенная на открытом пространстве, деревня была связана коммуникационными линиями. В ней мы нашли жителей, умевших говорить по-китайски. Из разговора с ними выяснилось, что Мэнлун находится в двух днях пути, но в связи с тем, что наступил сезон дождей, может потребоваться больше времени. В ответ на вопрос о наличии транспортного средства, способного доставить нас туда, нам сказали, что, вероятно, в деревне Маньбо найдется человек с машиной.

Мы отправились в указанное место, находившееся приблизительно в шести километрах. Вняв совету местных жителей идти не вдоль берега реки Наньахэ, а напрямик, через гору, мы достигли деревни Маньбо уже через полтора часа. В отличие от населенных пунктов, расположенных в зоне уже преодоленных труднопроходимых джунглей, здесь мы обнаружили

фруктовую лавку, в которой, правда, продавались только бананы. Продавщица любезно предложила нам попробовать этот фрукт, и, к нашему удивлению, вкус был просто восхитительным. Сочная кремовая мякоть банана содержала что-то похожее на косточки (может быть, семена). Размер плода не превышал пятнадцати сантиметров и был достаточно большим в диаметре. По словам продавщицы, в этих местах произрастает большое количество этого вида растения. Китайцы называют его бацзяо.

Завороженные вкусом экзотического плода, мы купили сразу 10 килограмм, тем более, что общая стоимость обошлась нам всего в 6 юаней (около 21 рубля по курсу 2001 г.). Пока мои спутники наслаждались поеданием бананов, я отправился на поиски человека с машиной.

Очень скоро удалось выяснить, что такой человек действительно проживает в этой деревне, и у него есть машина, однако в данный момент он работает в поле и вернется только к вечеру. Нам ничего не оставалось делать, как ждать его возвращения.

Кто бы мог подумать, что местные жители так чутко воспримут потребность забредших в их края иностранцев. Не прошло и часа, как появился мужчина средних лет. Он пригласил нас во двор своего дома, выслушал нашу проблему и сказал, что готов вывести нас отсюда за 80 юаней (около 280 рублей). Мы, конечно, находились не в той ситуации, при которой можно было просить скинуть цену, но, тем не менее, попробовали – ведь по тем временам для тех районов 80 юаней считались большими деньгами не то что в день, но и в месяц. После непродолжительного разговора он согласился уступить нам 20 юаней.

Мы сидели у ворот дома в предвкушении скорого и более-менее комфортного возвращения в привычную городскую цивилизацию. И вот хозяин скрылся за брезентом, закрывавшим вход в так называемый гараж, и через минуту нас оглушил рев непонятного механизма. Брезент подняли, и на свет рывками выехало шестиколесное «чудовище». Длина транспортного средства приблизительно составляла четыре метра, причем половина приходилась на незащищенный капотом двигатель, детали которого едва ли относились к заводскому производству. Мотор представлял собой авантюристический проект, и его части, расположенные без учета экономии пространства, связывали друг друга длинными трубками, проводами и ремнями. Вся эта система, приводившая в движение механизм, покоилась на треугольной, наполовину заржавевшей железной раме. Тяжесть двигателя была распределена на переднюю и среднюю подвески. Остальная часть машины состояла из двухместной кабины и небольшой грузовой платформы, к бортам которой были приварены железные скамейки. Мы переглянулись, улыбнулись и погрузились в кузов. Осталось с ветерком доехать до Мэнлуна. Однако приятные ожидания сменились реальностью. Как только мы выехали за пределы деревни, наш транспортный спаситель застрял в

Фото 8. Спасительный транспорт из деревни Маньбо

глубокой грязи. Даже не знаю, каким чудом нам удалось вытолкнуть его из ям, образовавшихся от пробуксовки.

Проехав не больше ста метров, нам снова пришлось толкать машину. Поскольку двигателю не хватало мощности для въезда на гору, мы, чтобы не создавать дополнительной тяжести, поднимались пешком. Около часа продолжалась эта занимательная история.

Наконец, дорога пошла вниз по склону. Крепко взявшись за борта кузова, мы с опаской стали смотреть в сторону обрыва, куда могло занести ревущее на всю округу шестиколесное "чудовище". Такое количество ощущений, наверное, не получишь даже в парке аттракционов. Честно говоря, мы не знали, какое положение лучше принять, чтобы не травмироваться или вообще не вылететь из машины. Из-за жесткой подвески небольшая ямка или выступ чувствительно отзывались на нашем равновесии. К счастью очень скоро бездорожье сменилось худо-бедно асфальтированной дорогой, и примерно через час мы прибыли в Мэнлун, где удачно успели купить билеты на последний автобус до Цзинхуна – административного центра округа Сишуанбаньна.

Так завершился данный этнографический выезд в отдаленные районы проживания малых народов провинции Юньнань. Когда я перечитываю путевые записи, сделанные 12 лет назад, перед глазами всплывает красочная картина удивительной природы и гостеприимных людей, живущих в ней.

Большое спасибо авторам данного проекта за предоставленную возможность поделиться неформальными этнографическими впечатлениями.

Примечания

[1] Деревня Буланшань находится в южной части уезда Мэнхай автономного округа Сишуанбаньна провинции Юньнань КНР.

[2] *Булан* – народ мон-кхмерской языковой группы австроазиатской языковой семьи, дай – народ чжуан-дунской языковой группы паратайской языковой семьи, хани – народ тибето-бирманской языковой группы сино-тибетской языковой семьи.

[3] Танец «Чжугань» – танец, в котором участники делятся на две категории: тех, кто задает ритм танца, и тех, кто танцует. Первые, находящиеся в положении сидя, глубокого приседа и стоя, двигают бамбуковыми шестами по определенным траекториям и задают ритм ударами друг о друга. Вторые, следуя заданному ритму, в моменты расхождения бамбуковых жердей совершают подскоки, повороты, наклоны и другие движения.

[4] Подробнее см.: Анимизм и другие архаические верования в XXI веке (на примере народа булан) // Религии в XXI веке: архаика и современность: Сборник статей. М.: Каллиграф, 2012. С. 104–119.

[5] *Наньахэ* – один из притоков реки Ланьцанцзян (китайское название реки Меконг).

[6] *Лаху* – народ тибето-бирманской языковой группы сино-тибетской языковой семьи.

[7] *Путунхуа* – государственный диалект китайского языка.

[8] В этом экспедиционном выезде (апрель-май 2001 года) до приезда в районы проживания народа булан автор посетил деревни Чжункэ и Юнбуло (где проживают представители народа ва) уезда Симэн района Сымао провинции Юньнань.

А.Е. Тер-Саркисянц

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОВЕДЕННЫХ 50 ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Моя экспедиционная деятельность началась в далеком 1956 г., когда я, будучи студенткой кафедры этнографии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, по рекомендации преподавателя кафедры Михаила Владимировича Витова поехала вместе с сотрудницей Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Людмилой Николаевной Чижиковой в Рязанскую и Пензенскую области, где мы изучали жилища местного населения. Из сохранившихся о той поездке эмоциональных воспоминаний в памяти осталось бедственное положение колхозников, которые ничего не получали за свои отработанные трудодни (число этих трудодней просто отмечали в конторе «палочками»), посещение в Рязани известного этнографа Натальи Ивановны Лебедевой, которая жила в совсем маленькой, скромно обставленной комнатке, а также поездка в Тарханы Пензенской области, где находилась часовня, а в ней склеп, в котором был захоронен поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

Затем во время учебы в Университете я ежегодно выезжала в долговременные (по 2 месяца) маршрутные экспедиции, которыми руководил М.В. Витов. Мы объездили огромные территории бывшего СССР – были на Севере (в Архангельской и Вологодской областях), в Белоруссии, на Украине, в Поволжье и Прикамье. Это были нелегкие поездки, приходилось ездить на третьих полках поездов и в трюме парохода, летать в небольших самолетах, в которых сильно укачивало. Спасала только наша молодость. Участники нашего отряда собирали этнографический материал по разнообразной тематике (в зависимости от тем курсовых и дипломных работ), а меня М.В. Витов определил и на сбор антропометрических данных, которые надо было собрать в каждом посещаемом нами пункте у ста мужчин. Сначала я занималась только измерительными признаками, а сам М.В. Витов определял более сложные описательные признаки, но потом он мне доверил и их. На собранных и обработанных уже в Москве этнографическхн и антропометрических данных мною была написана и защищена дипломная работа на тему «Некоторые вопросы этнической истории населения Верхнего Прикамья».

Сразу после окончания в 1959 г. Университета моего сокурсника Владимира Николаевича Басилова и меня приняли в штат Института этнографии АН СССР: его – в сектор Средней Азии и Казахстана, а меня заместитель директора Института Людмила Николаевна Терентьева взяла в руководимый ею сектор народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера. Первой

моей работой в Институте была нумерация страниц рукописи монографии Людмилы Николаевны «Колхозное крестьянство Латвии». После зачисления в штат Института летом 1959 г. я в качестве руководителя группы присоединилась к отряду М.В. Витова, затем наша группа уже самостоятельно выезжала в ряд областей Украины и Белоруссии, где вместе со своей бывшей сокурсницей, позднее тоже зачисленной в штат Института Тамарой Цвелодуб мы собирали в основном материалы по антропометрии: она определяла измерительные признаки, а я – описательные.

После состоявшегося в 1951 г. Всесоюзного этнографического совещания, которое одной из приоритетных задач этнографической науки объявило исследование современности, в Институте этнографии АН СССР была создана Комплексная экспедиция по изучению современного быта народов СССР. В составе этой экспедиции в сентябре 1959 г. Л.Н. Терентьева командировала меня в Смоленскую область, где я должна была присоединиться к выехавшему ранее отряду, которым руководила Людмила Васильевна Маркова. В составе отряда были также сотрудники Института Мира Орлова и художник Михаил Михайлович Санников. Перед выездом Людмила Николаевна попросила меня привезти для отряда продукты – консервы, крупы, масло, сыр, чай, сахар и т.д. В результате у меня собрался совершенно неподъемный рюкзак, и мне приходилось каждый раз просить кого-нибудь из мужчин поднести его. А ехать надо было с пересадками – сначала на поезде до Смоленска, затем на автобусе до районного центра и уже на телеге до села Микулино. В нашу задачу входило найти в Смоленской области передовой «колхоз-маяк», собрать полевые материалы по современности, в том числе записать биографии передовых колхозниц. В тот год в сентябре была очень дождливая и холодная погода, приходилось почти всё время ходить в резиновых сапогах и греться у печки. Мылись мы в бане «по-черному», где с непривычки я чуть не угорела. В комнате, в которой нас определили на постой, было множество мух, и кто-то из нас даже сочинил стишок:

Сижу я под иконами, на мух с тоской гляжу,
Смоленской этнографии нигде не нахожу.

Помню, в этой комнате на печи лежала пожилая женщина, лет за 80. Я ее угостила привезенным из Москвы виноградом, и когда она поела, спросила: «Вкусно было?». Она ответила, что было очень вкусно и, что поразило меня, тут же переспросила: «А как это называется?».

С Ариадной Павловной Новицкой выходим из магазина. Карелия. Декабрь 1959 г.

Третьей в 1959 г. экспедицией была незабываемая зимняя поездка в Карелию. Поскольку в конце года в Институте оставались деньги, которые надо было срочно освоить, Л.Н. Терентьева организовала отряд под руководством Веры Николаевны Белицер, в который вошли Ариадна Павловна Новицкая, художник М.М. Санников и я. Поскольку это был декабрь, в Институте нам выдали меховые тулупы и валенки. В таком одеянии и в зимней меховой шапке, надвинутой на лоб, местные жители порой принимали меня за цыгана. Мы поехали поездом до Петрозаводска, где Вера Николаевна осталась работать, а затем втроем отправились по селам. Природа в Карелии была изумительная: высоченные, покрытые

инеем (мороз был 40 градусов) лесные деревья возвышались на фоне сине-розового неба. Села были расположены по берегам замерзших озер, около каждого дома была своя баня. Нас угощали морошкой и засоленной рыбой, которую из-за специфического запаха мы ели с трудом. Из-за полярной ночи более или менее светлое время составляло днем примерно часа три. Я сейчас уже точно не помню, в каких селах мы работали, запомнилось только одно село – Маслозеро, если не ошибаюсь, Медвежьегорского района. Ехали мы туда на телеге в течение восьми часов и из-за сильного мороза по дороге даже вынуждены были пить по несколько глотков спирта (который нам тоже выдали в Институте). Когда мы с таким трудом добрались до этого села, нас ожидало разочарование: собирать полевой материал было не у кого, поскольку большинство взрослого населения находилось в состоянии опьянения после завезенных накануне в магазин ящиков с водкой. Хозяйка дома, в котором мы остановились, не стала на ночь тушить свет, объяснив это тем, что им недавно провели электричество, за которое они, независимо от часов его работы, платят, поэтому она решила его не выключать. Чтобы заснуть, пришлось загораживать лампу газетой. К числу приятных воспоминаний относится распространенный среди местного населения подледный лов рыбы на замерзших озерах, к чему мы иногда тоже присоединялись. В Москву мы вернулись только перед самым Новым годом.

Пойманная во время подледного лова рыбка. Карелия. Декабрь 1959 г.

Летом следующего, 1960-го года мне посчастливилось в составе уже более многочисленного отряда под руководством В.Н. Белицер вновь поехать в Карелию и любоваться ее уже летними красотами: густыми зелеными лесами, голубыми озерами, огромными, оставшимися с ледникового периода валунами. В Петрозаводске мы познакомились с работавшим в то время в местном Институте Владимиром Владимировичем Пименовым. В селах участники нашего отряда (кроме В.Н. Белицер и А.П. Новицкой, которые всегда ночевали в помещениях, в основном в школах) нередко предпочитали спать на раскладушках и в спальных мешках на берегу озер. Утром Вера Николаевна приходила и будила нас со

В костюме местной карелки. Карелия. Лето 1960 г.

На озере во время отдыха. Карелия. Лето 1960 г. (слева направо: А.Е. Тер-Саркисянц; водитель, фотограф, художник Института Михаил Михайлович Санников и Ариадна Павловна Новицкая)

словами: «Ну, карельский санаторий, пора вставать!». Летом в Карелии был уже полярный день, почти всё время было светло. Единственное, что мешало нам – это множество комаров. Наш фотограф (имя не помню) даже смастерил себе своего рода накомарник, обмотав марлей какой-то каркас, в котором ходил весь день. Незабываемой в то лето была поездка в Кижи, где были памятники народной деревянной архитектуры, в частности, возведенная с помощью топора и без единого гвоздя замечательная Преображенская церковь XVIII в., после постройки которой, по легенде, мастер выбросил топор в озеро. Тогда мы были единственными посетителями острова, никаких туристов в то время еще не было. Уже под вечер, чтобы выбраться оттуда, я пошла к капитану остановившегося там парохода и попросила взять нас на борт.

Летом 1961 г. я возглавила экспедиционную группу, в которой были сотрудники нашего Института Лариса Мацкевич, Тамара Цвелодуб и фотограф Александр Линдерберг, и мы присоединились к отряду под руководством известного искусствоведа Ивана Васильевича Маковецкого, в который входили также фольклористы и музыковед. Маршрут наш проходил по Владимирской, Горьковской и Кировской областям. Хотя в целом поездка была интересной, неприятный осадок от нее остался в связи

С Ларисой Мацкевич около нашей экспедиционной машины. Карелия. Лето 1960 г.

В отряде И.В. Маковецкого (он – в центре). Лето 1961 г.

с тем, что А. Линдерберг без конца у меня просил выданные мне на экспедицию деньги в долг, заверяя, что ему вот-вот должны прислать. В результате наша группа оказалась без денег, а когда я попросила у И.В. Маковецкого дать нам немного денег в долг до Москвы, он отказался и отправил нас раньше времени домой. Помню, что в поезде по дороге из Кирова в Москву у нас были только мятные подушечки.

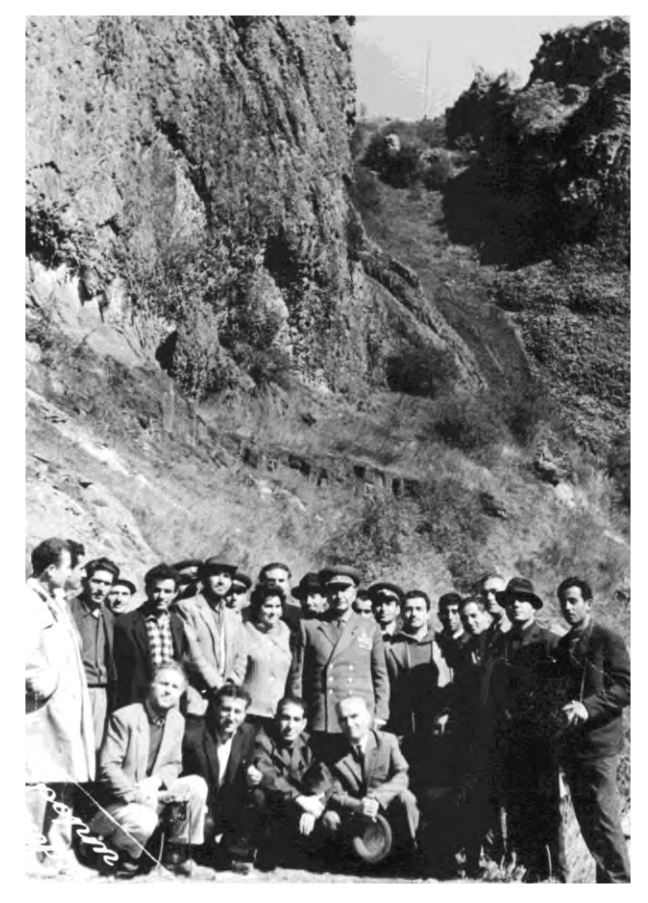
В это время Людмила Николаевна планировала связать мою дальнейшую судьбу с изучением этнографии башкирского народа, для чего в 1960 г. отправила меня вместе с В.Н. Белицер и Тамарой Федянович в командировку по городам Поволжья, в том числе в Уфу. Там я познакомилась с известными башкирскими учеными – Р.Г. Кузеевым и Н. Бикбулатовым. Однако замечу, что уже осенью 1960 г. я впервые побывала в Армении (где 1-го октября в Ереване состоялась моя свадьба), посетила многие древние и средневековые памятники. Эта поездка очень впечатлила меня, и я про себя подумала, что лучше мне заняться изучением этнографии своего народа. Что касается языка (армянского я тогда совсем не знала), то всё равно при изучении любого народа пришлось бы изучать его язык, поэтому я решила, что займусь изучением армянского языка. Способствовали моей дальнейшей специализации и личные обстоятельства. В 1962 г. у меня родилась дочь, а когда летом 1963 г. я намеревалась поехать с ней на море, к своему дяде в Латвию (к этому времени мой декретный отпуск по уходу за ребенком, который тогда давали только на год, закончился), и пришла к Людмиле Николаевне, она посоветовала мне уволиться, а затем вернуться в Институт через аспирантуру. И я с легким сердцем уволилась, а по возвращении осенью 1963 г. более года работала эпизодически по трудовым соглашениям, занималась чисто технической работой, в том числе подготовкой к изданию докладов к предстоящему в августе 1964 г. в Москве VII Международному Конгрессу антропологических и этнографических наук, и одновременно готовилась к поступлению в аспирантуру, уже в сектор Кавказа. Правда, заведующий этим сектором Валентин Константинович Гарданов первое время был решительно настроен против меня, объясняя это тем, что у меня маленький ребенок, и главное, я не знаю языка. Тогда меня очень поддержала заведующая аспирантурой Института Галина Александровна Сергеева, заверив, что язык я выучу.

Осенью 1964 г. я сдавала экзамены в аспирантуру нашего Института. На одно место в очную аспирантуру, кроме меня, претендовали трое сотрудников Института – Эстер Годинер, Алексей Кузнецов и Анна Седловская. Лучше экзамены сдали Э. Годинер, я (все на пятерки) и А. Кузнецов (с одной четверкой). Поскольку А. Кузнецов имел уже опыт этнографической работы, побывав в Индонезии; на это единственное место взяли его, Э. Годинер зачислили в заочную аспирантуру, а в отношении меня было написано письмо в Президиум АН СССР с просьбой выделить еще одно место в очную аспирантуру, куда меня зачислили с 1 декабря 1964 г. После этого встал вопрос о теме диссертации. Назначенный моим руководителем В.К. Гарданов предложил мне тему «Армяне-репатрианты», но я посчитала, что мне такую тему не осилить. Зимой 1965 г. я поехала в Ереван, чтобы посоветоваться в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР с местными этнографами. В результате обсуждения мы остановились на теме «Современная семья у армян». С этого времени моя экспедиционная деятельность и научная карьера стали связаны с изучением этнографии армянского народа. По возвращении в Москву я познакомилась в Институте языкознания АН СССР со специалистом по армянскому языку Этери Григорьевной Туманян и попросила ее позаниматься со мной. Несмотря на свою занятость и троих детей, Этери Григорьевна любезно согласилась. Через два года я смогла сдать кандидатский минимум по армянскому языку (по английскому языку минимум был сдан раньше).

С армянскими этнографами. Армения. Лето 1966 г. Слева вторая стоит Татьяна Блюмович, четвертая – Ирина Долженко

Уже в первый год обучения в аспирантуре я была в трех экспедициях: в июне-июле и сентябре-октябре 1965 г. я поехала вместе с армянскими этнографами в маршрутные экспедиции по многим районам Армении в составе отряда под руководством заведующего сектором этнографии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР Дереника Суреновича Вардумяна. Именно ему, прекрасному знатоку народного быта, я во многом обязана своим приобщением к армянской этнографии. Особо я благодарна также сотрудникам этого Института Лиле Варданян, Рафику Варданяну, Юрию Мкртумяну и Карлену Сехбосяну за поддержку и помощь, оказанную мне в сборе полевого материала во время моих первых поездок по Армении, в частности за помощь с армянским языком, поскольку я тогда порой просто стеснялась спрашивать на нем и не всё понимала из-за местных диалектов. Осенью в районе Джермука мы повстречались с Маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном и сфотографировались вместе с ним. В августе 1965 г. я провела самостоятельную стационарную экспедицию в селе Мргаван Арташатского района (это село было выбрано по совету моего свекра; здесь он родился и здесь жили его родственники). С целью сбора как можно большего полевого материала я пригласила принять участие в поездке четырех студенток кафедры этнографии исторического факультета МГУ: Татьяну Блюмович, Ирину Долженко, Машу Ситкину и Людмилу Тульцеву. Мы занимались в основном заполнением составленных в то время в нашем Институте посемейных анкет, дополнив их некоторыми специфическими для армянского быта вопросами. Поскольку в это время года в Араратской долине, где находилось исследуемое село, стояла страшная жара, мы могли работать только по утрам и вечерам (но вечерами на нас нападали комары), а днем отлеживались на втором этаже дома, где было немного прохладнее. Т. Блюмович и И. Долженко поехали со мной в Армению и в следующем, 1966 г.; сначала мы работали в составе отряда под руководством Д.С. Вардумяна в районах Ширака, а

Встреча с маршалом СССР И.Х. Баграмяном. Армения. Осень 1965 г.

затем провели экспедицию в живописном селе Бджни Разданского района Армении. В 1967 г. я в составе экспедиционного отряда под руководством Д.С. Вардумяна была в районах неповторимого по своей природе Зангезура. В целом за проведенные в течение трех лет аспирантуры экспедиции мне удалось собрать большой полевой материал и написать диссертацию на тему «Современная семья у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР)», которую 29 октября 1968 г. я защитила на Ученом совете Института этнографии АН СССР, получив ученую степень кандидата исторических наук. В 1972 г. диссертация была опубликована в издательстве «Наука» в виде монографии и на прошедшем в нашем Институте конкурсе на лучшую книгу 1968 г. заняла третье место, что для меня, молодого специалиста, было весьма приятно.

Вместе с Т. Блюмович, И. Долженко, Д.С. Вардумяном и Р. Варданяном в Ленинакане (ныне – Гюмри). Армения. Лето 1966 г.

В 1968 г. вместе с армянскими этнографами мне посчастливилось впервые побывать в Нагорном Карабахе – на родине моих предков по отцовской линии. Мой прадед, Тер-Аракел Тер-Саркисянц, был священником в селе Пирджамал (ныне – Вардадзор) Шушинского уезда, в котором до сих пор сохранились полуразрушенная церковь, в которой он служил, и добротный двухэтажный каменный дом его семьи. Один из его сыновей, мой дед Мирза Тер-Саркисянц, родился в этом же селе в 1868 г., окончил Шушинскую епархиальную школу. После женитьбы на Заруи Шахилжанянц (родом из села Хндзиристан) жил в Шуши, где был директором школы и преподавал армянский язык и литературу. Начиная с юношеского возраста в нем пробудилась тяга к литературе. Уже с 1884 г. его рассказы под псевдонимом *Митсар* публиковались во многих периодических изданиях Кавказа. В 1914 г. в Шуши увидел свет сборник его рассказов «Катилнер» («Капли»), посвященный проблемам, волновавшим в то время его соотечественников. О трагических событиях, произошедших в Нагорном Карабахе в 1917–1921 гг., которые он не только наблюдал как очевидец, но и был их активным участником, дед оставил объемистый рукописный труд,

С армянскими коллегами в ограде храма Гандзасар (XIII в.). Нагорный Карабах. Лето 1968 г.

один экземпляр которого хранился в нашей семье, а второй – у другого его внука, поэта-переводчика Вруйра Баласана в Ереване. В начале 2000-х годов свой экземпляр этого рукописного труда я сдала в Научно-исследовательский институт древних рукописей «Матенадаран» им. Месропа Маштоца, а другой экземпляр, переданный мне двоюродным братом – в Национальный архив Республики Армения. Дед скончался в 1927 г. на посту преподавателя армянского языка и литературы средней школы им. Ст. Шаумяна в Баку, куда его семья была вынуждена переселиться в связи с учиненными в Шуши в марте 1920 г. армянскими погромами. В 1898 г. в Шуши родился мой отец, Ерванд Тер-Саркисянц, который после окончания в 1917 г. реального училища для получения высшего образования уехал в Москву, где сначала, в 1917–1919 гг., преподавал в 12-ой Советской трудовой школе Бауманского района, а затем поступил в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В Москву для продолжения образования отправился и его старший брат Гайк, который был принят на этнолого-историко-филологическое отделение Лазаревского института восточных языков.

После этой первой поездки в Нагорный Карабах Д.С. Вардумян не раз вспоминал следующий эпизод, случившийся со мной. Когда мы с коллегами впервые подъехали на нашей экспедиционной машине к подножию горы, на высоком плато которой располагался город Шуши, а затем уже пешком поднимались по склону этой горы мимо армянского кладбища, меня охватило необычайное волнение, из глаз непроизвольно брызнули слезы, я буквально зарыдала и долго не могла успокоиться. Видимо, сработала генетическая память о моих предках, живших в этом городе, а затем вынужденных покинуть его. Вспомнилось о том, как мой отец неоднократно говорил, что мечтал бы приехать в Шуши, чтобы «поцеловать камни», оставшиеся на месте сожженного родительского дома, но, к сожалению, это ему так и не удалось как из-за жизненных трудностей того времени, так и из-за его скоропостижной кончины в 1958 г.

После этого я еще восемь раз приезжала в Нагорный Карабах с целью сбора полевого этнографического материала: в 1969 г. – вновь в составе экспедиции Института археологии и этнографии АН Армянской ССР; затем уже сама руководила экспедиционными группами из Москвы в 1972, 1974, 1975, 1987 и 2007 гг., а в 2001 и 2011 гг. совершила индивидуальные поездки. Особенно удручающее впечатление произвела на меня поездка осенью 1987 г., когда члены нашей экспедиционной группы (кроме меня в ее работе участвовали сотрудница нашего Института Татьяна Березина и аспирант Виктор Агаджанян) столкнулись с многочисленными фактами ущемления национальных чувств армян Нагорного Карабаха, которые целенаправленно вели к окончательному отторжению их от Армении. Так, местным армянам было запрещено слушать радиопередачи из Еревана, они были также лишены возможности смотреть телепередачи из Еревана и, в большинстве мест, из Москвы. По существу, работала только одна телепрограмма из Баку и в последние годы из Ирана (без звука). Не

В традиционном костюме карабахской армянки за прялкой. Нагорный Карабах. Село Хндзиристан. Лето 1968 г.

могли пользоваться учебными телепрограммами и в армянских школах области, так как они были на азербайджанском языке. Большое недовольство карабахских армян вызвало введение с 1986 г. в курс школьной программы предмета «История Азербайджана», причем в одних школах этот предмет был введен в качестве обязательного в сетку часов вместо изучавшегося ранее предмета «История армянского народа», который становился факультативным, в других школах оба предмета изучались на одном уроке – «История СССР». Беглое знакомство с учебником «История Азербайджана», изданном в Баку в 1984 г. на армянском языке, показало, что о Нагорном Карабахе в нем имелось всего одно предложение, повествующее о дате образования автономии. Все приведенные в учебнике имена были только азербайджанскими, за исключением имени дважды Героя Советского Союза летчика-штурмовика Нельсона Степаняна, о котором, очевидно, невозможно было уже умолчать. С этого же времени в школьную программу был введен в качестве обязательного и азербайджанский язык, хотя до этого дети уже изучали армянский, русский и иностранный (где были преподаватели) языки. Сельские школы были очень бедны наглядными учебными пособиями, книгами на родном языке. Учителя были недовольны и тем, что им в последние годы взамен учебных программ из Еревана стали присылать учебные программы из Баку на непонятном для большинства из них азербайджанском языке. Эти факты находили сильный эмоциональный отклик в армянской среде, особенно среди молодежи, наиболее чувствительной, как известно, к любым социальным искажениям. Весьма грустное впечатление производило состояние многочисленных (по неполным данным того времени, около 2000) историко-архитектурных памятников Нагорного Карабаха, большинство которых было построено в Средневековье. Не способствовали нормальным межнациональным взаимоотношениям обоих народов и начавшие появляться с 1960-х годов работы ряда азербайджанских историков и архитекторов, в которых с недружественных (скорее даже враждебных) по отношению к армянскому народу позиций намеренно искажались исторические факты. Мы видели, что армянские села, по сравнению с азербайджанскими, были крайне неудовлетворительно материально обеспечены: плохие дороги, нерегулярное автобусное сообщение, удручающее впечатление от зданий некоторых сельских школ и детских садов, недостаток в ряде сел питьевой воды из-за запрета бурить артезианские скважины, постоянная нехватка стройматериалов и т.п.

По возвращении в Москву я написала докладную записку о сложившейся в Нагорном Карабахе тревожной ситуации для «вышестоящих», как тогда говорили, инстанций и передала ее в дирекцию нашего Института в первой декаде января 1988 г., т.е. за полтора месяца до начала карабахских событий. К сожалению, на нее не было обращено должного внимания. И лишь после 20 февраля 1988 г., т.е. после известного решения внеочередной сессии Облсовета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) XX созыва о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о переходе НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, она была размножена и послана в различные инстанции, а мне приходилось неоднократно выступать в разных аудиториях, давать интервью многим журналистам, в том числе зарубежным, поскольку никто практически не знал, что собой представляет Нагорный Карабах, какова его территория и численность, какие народы там живут, не говоря уже об истории этого края и о причинах начавшегося освободительного движения карабахских армян. С тех пор прошло 25 лет, а азербайджано-карабахский конфликт, корни которого уходят в досоветские времена (что придает ему особую остроту), так до сих пор не урегулирован как из-за противоположных позиций Азербайджана и Армении по ключевым вопросам, так и из-за исключения по требованию Азербайджана из переговорного процесса Нагорного Карабаха, являющегося основной заинтересованной стороной конфликта.

Помимо многих моих экспедиционных поездок по Армении и Нагорному Карабаху, в том числе в качестве руководителя Армянской группы Кавказской экспедиции, в работе которой в разные годы участвовали сотрудники Института Ирина Амирьянц, Светлана Дмитриева, Сергей Иванов, Марина Семашкевич, Ирина Семашко, Любовь Соловьева, Наталья Пчелинцева, я выезжала в экспедиции и в другие республики бывшего СССР.

С армянскими коллегами. Армения, лето 1971 г.

Так, летом 1973 г. Ярослава Сергеевна Смирнова и я участвовали в работе Северо-Осетинского отряда Кавказской экспедиции в Дигорском районе Северной Осетии, где с помощью студентов Северо-Осетинского госуниверситета нами было проведено первое такого рода массовое этносоциологическое исследование населения на Северном Кавказе: в восьми селах было заполнено свыше 900 вопросников по современному быту осетин. В памяти осталось также воспоминание о нашем восхождении на красивейший высокогорный ледник, куда мы, едва поспевая за студентами, добрались, изрядно вспотев. Испытывая поэтому сильную жажду, я сразу же с удовольствием выпила из речки на его вершине ледяную воду и, вопреки всем предостережениям окружающих, не заболела.

В 1978 г., воспользовавшись руководством диссертационной работой азербайджанского аспиранта из Нахичеванской АССР Гадира Гадирзаде, я вместе с ним поехала в эту республику, где посетила несколько старинных армянских сел, в которых еще оставалось немногочисленное армянское население (по переписи 1979 г. всего 1,5%) и собрала полевой материал по их современному быту. Это были села Азнаберд (самое большое), Ариндж, Цхна и Верхняя Аза. Сейчас в этом регионе уже не осталось ни одного армянина; в 2005 г. было полностью уничтожено средневековое армянское кладбище в Старой Джуге (Джульфе) с многочисленными уникальными *хачкарами* (каменными крестами), после чего оно было превращено в военный полигон.

Осенью 1980 г. вместе с Ириной Семашко мы приехали в Батуми, где совместно с В.К. Гардановым и коллегами из Батумского НИИ работали над составлением вопросника, предназначенного для сбора этносоциологического материала по современному быту аджарцев. Из Батуми на пароходе мы прибыли в Сухуми (ныне – Сухум), где нас встретил известный абхазский этнограф Шалва Денисович Инал-ипа и повез в Абхазский НИИ. Оставив наши чемоданы в библиотеке этого Института и взяв в сумки немного вещей, рассчитанных на несколько дней, мы поехали сначала в села Атара Армянская и Лабра Очамчирского района. Целью нашей поездки в Абхазию было изучение современного быта историко-этнографической группы амшенских армян, переселявшихся со второй половины XIX в. на Черноморское побережье Кавказа из Турции, где они подвергались гонениям. Переселению армян (как и греков) в Россию способствовала также активная политика царского правительства в связи с необходимостью заселения и освоения этой территории, опустевшей после ухода по окончании Кавказской войны в 1864 г. части абхазов, адыгов, абазин и убыхов в Турцию. Когда мы вернулись

в Сухуми, чтобы взять наши вещи для дальнейших поездок, библиотека Института оказалась запертой, и мы были вынуждены продолжить нашу экспедицию практически без необходимых вещей, что к тому же было затруднительно из-за дождливой и довольно прохладной погоды. Чемоданы свои мы смогли взять только по возвращении из экспедиции, а уже в Москве узнали, что на следующий день после нашего отъезда в этом институте произошел пожар, в котором сгорели многие научные материалы.

С В.К. Гардановым, И. Семашко и с грузинскими коллегами. Батуми. Осень 1980 г.

В 1988 г. вместе с Ириной Амирьянц мы провели экспедицию в высокогорных районах Грузии – Ахалцихском, Ахалкалакском и Богдановском, где изучали современный быт компактно проживавших там армян, предки которых переселились в этот регион из Карса и Эрзерума согласно заключенному в 1829 г. Адрианопольскому договору после очередной русско-турецкой войны. В Богдановском районе жили тогда и молокане, с бытом которых мы тоже познакомились. Спустя какое-то время заместитель директора нашего Института Леокадия Михайловна Дробижева призналась мне, что во время нашей поездки ей звонил первый секретарь ЦК КП Грузии Дж.И. Патиашвили и интересовался, чем мы занимаемся в Грузии, хотя в нашем удостоверении было об этом написано.

В тяжелые 1990-е годы, когда авиасообщение с Ереваном практически прервалось, Армянская группа Кавказской экспедиции продолжила свою экспедиционную деятельность на Юге России, где уже с давних пор проживала многочисленная армянская диаспора. Так, в 1990 и 1996 гг. были осуществлены поездки в Мясниковский район Ростовской области к донским армянам, 12,5 тыс. предков которых (наряду с 18,4 тыс. греков) были по указу Екатерины II 1778 г. переселены из Крымского ханства. После полуторагодичного мучительного перехода, унесшего жизни почти трети мигрантов, к концу 1779 г. армянские переселенцы дошли до низовий Дона, где им отводилось 86 тыс. десятин земли рядом с крепостью Св. Димитрия Ростовского и разрешено было основать один город и пять селений. Правительство согласилось на выдвинутые переселенцами условия – предоставить им определенные льготы и привилегии: освобождение от государственных податей и служб на 10 лет, от воинской повинности на 100 лет; разрешалось строительство церквей и проведение в них церковных обрядов в соответствии с законами и традициями армян; свободная торговля внутри и вне государства; они получали также право строить своими силами фабрики, заводы, купеческие мореходные суда. Вскоре на Дону прежние жители крымских городов основали город Нор Нахичеван (Новая Нахичевань), позднее – Нахичевань-на-Дону, в окрестностях которого сельские переселенцы основали пять селений (позднее еще два). Собранный во всех селениях полевой материал показал, что хотя эта группа более двух столетий проживает в окружении преимущественно русского населения, с которым она имеет постоянные контакты в разных сферах жизнедеятельности, в целом ей удалось до наших дней сохранить свой этнокультурный облик (устойчивое

национальное самосознание, традиции, в большой степени – язык) и не раствориться в среде преобладающего на данной территории этноса. Кстати, в 1990 г., когда только зарождалось казачье движение, я впервые увидела в станице Старочеркасской одетых в форму казаков, которые обращались друг к другу не иначе, как «Ваше превосходительство», что тогда произвело на меня неизгладимое впечатление, а ночью они мне даже приснились.

В 1991 г. вместе с Ириной Амирьянц была осуществлена экспедиционная поездка в города Крыма – Симферополь, Ялту, Старый Крым и Феодосию – для сбора полевого материала по крымской армянской общине, имевшей там давнюю историю, начиная с I в. до н.э. В XIV–XVIII вв. армяне по численности среди населявших Крым народов занимали второе место после татар. По генуэзским источникам, в одной только Кафе (Феодосии) в середине 70-х годов XV в. из 70 тыс. жителей около 47 тыс. были армяне. Поэтому, а также благодаря той значительной роли, которую армяне играли в экономической и политической жизни Крыма, юго-восточную часть полуострова в Средние века называли Морской Арменией (*Armenia maritima*). Но после того, как русское правительство вывело 12,5 тыс. армян из Крыма в Россию и особенно в связи с массовой насильственной депортацией из Крыма в 1944 г. представителей многих народов, в том числе и 11 тыс. армян, армянская община в Крыму практически прекратила свое существование. И только с 1960-х годов армяне вновь стали селиться в Крыму, причем это были в основном выходцы из Армении, Нагорного Карабаха, Грузии, Средней Азии. Мигрировав в Крым из разных регионов, переселенцы какое-то время сохраняли свой язык и этнокультурные традиции той группы, к которой принадлежали. Но постепенно их культура подверглась существенной нивелировке, чему способствовали дисперсность расселения в Крыму, высокая доля межнациональных браков, преимущественно с русскими женщинами, а также специфика общей этнокультурной ситуации курортной зоны. Процесс возрождения общеармянских национальных традиций в Крыму начался с конца 1980-х годов. В 1989 г. в Симферополе было учреждено Крымское армянское общество «Луйс» («Свет»), отделения которого позднее были образованы в ряде крымских городов и поселков. В экспедиции особое внимание мы уделили изучению большой работы, которую в то время проводило общество «Луйс», помогая армянским беженцам из Азербайджана, реставрируя армянские архитектурные памятники в Крыму, восстанавливая старинное армянское кладбище в Симферополе, организуя культурные акции (дни уроженцев Крыма художника И. Айвазовского и композитора А. Спендиарова), выпуская ежемесячную газету «Голубь Масиса», открывая воскресные армянские школ для детей и взрослых, реставрируя армянские церкви и т.д.

В 1992–1994 и 1997–1998 гг. Армянская группа работала в нескольких районах Краснодарского края, на территории которого в разные периоды было создано несколько армянских колоний. По переписи 1989 г. жителями края были более трети российских армян (182,2 тыс. из 532,4 тыс.). Существенные изменения в этнодемографический состав этого края внесли политические события, вызвавшие с 1980-х годов огромный стихийный поток сюда вынужденных мигрантов разных национальностей (русских, украинцев, армян, турок-месхетинцев, крымских татар, курдов и др.), в большинстве своем беженцев, из различных регионов бывшего Союза. Поэтому, помимо сбора полевого материала по современному быту проживавших там армян, особое внимание мы уделяли резко обострившейся в этом многонациональном регионе межнациональной напряженности, особенно между активизировавшимся казачеством и турками-месхетинцами, крымскими татарами, армянами, что нередко поощрялось и ксенофобией региональных властей. Наряду с этим хорошо запомнилась встреча в поселке Вперед Апшеронского района с самобытной группой хемшилов – потомков насильственно исламизированной в Турции группы амшенских армян. После вхождения в 1878 г. части турецкого Понта в состав Российской империи был образован Батумский округ, хемшилы оставались проживать

там, но в 1944 г., наряду с представителями других «неблагонадежных» народов были депортированы в Киргизию и Казахстан, а когда им разрешили вернуться, то несколько семей в 1980-е гг. переехали в Краснодарский край, где жили амшенские армяне. Мусульманская религия четко сказалась на всем их быте – интерьере жилища, одежде, пище, внутрисемейных отношениях, на обязательно совершаемом обряде намаза. И лишь амшенский диалект западноармянского варианта языка, на котором они говорили, свидетельствовал об их прежней этнической идентичности. Когда я попросила посмотреть их паспорта, то увидела, что в графе «национальность» у одних записано «хемшил», у других – «турок», у третьих – «турок-хемшил», что свидетельствовало об их измененной идентичности.

В 2000-е годы мною было проведено 8 (из них 7 индивидуальных) экспедиционных выездов. В 2002–2006 гг. в 43 селах восьми (из десяти) областей Республики Армения был собран полевой материал по вопросам адаптации армян к новым условиям постсоветского времени. В 2001, 2007 и 2011 гг. я выезжала в города и села Нагорно-Карабахской республики, причем для исследования были выбраны те села, в которых я уже собирала полевой материал в предыдущие годы, что давало возможность выявить определенные тенденции этнокультурного развития карабахских армян за прошедшее время, особенно за последний период (с 1988 г.), отмеченный конфликтом с Азербайджаном и трагизмом пережитой войны. Именно в 2011 г. состоялась моя 50-я (начиная со студенческих времен) этнографическая экспедиция.

Собранные в экспедициях за эти годы полевые этнографические материалы легли в основу подавляющего большинства моих публикаций (более 200), в том числе 17 книг и брошюр, из них монографий: «Современная семья у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР)» (М.: Наука, 1972. 208 с.), «Армяне. История и этнокультурные традиции» (М.: Восточная литература РАН, 1998. 397 с.), «История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в.» (М.: Восточная литература РАН, 2005. 686 с.; 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2008. 686 с.). Также подготовлена к печати рукопись монографии «Армяне Нагорного Карабаха. История, культура, традиции» (свыше 70 а. л.).

В.К. Малькова

ФОТОРОССЫПЬ (ФОТОВОСПОМИНАНИЯ) ИЗ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА

У меня сохранилось немало фотографий из жизни нашего института в 70-х – 80-х гг. (страшно подумать!) прошлого века. Посмотреть на них молодым интересно, а старшим сотрудникам – приятно. Хотелось бы вместе с коллегами вспомнить те советские годы, когда мы все были молодыми, веселыми энтузиастами этнографической науки, когда не только жили впечатлениями от общеизвестных социалистических трудностей, но и азартно работали, с удовольствием отдыхали, ездили в этнографические и этносоциологические экспедиции и писали научные работы.

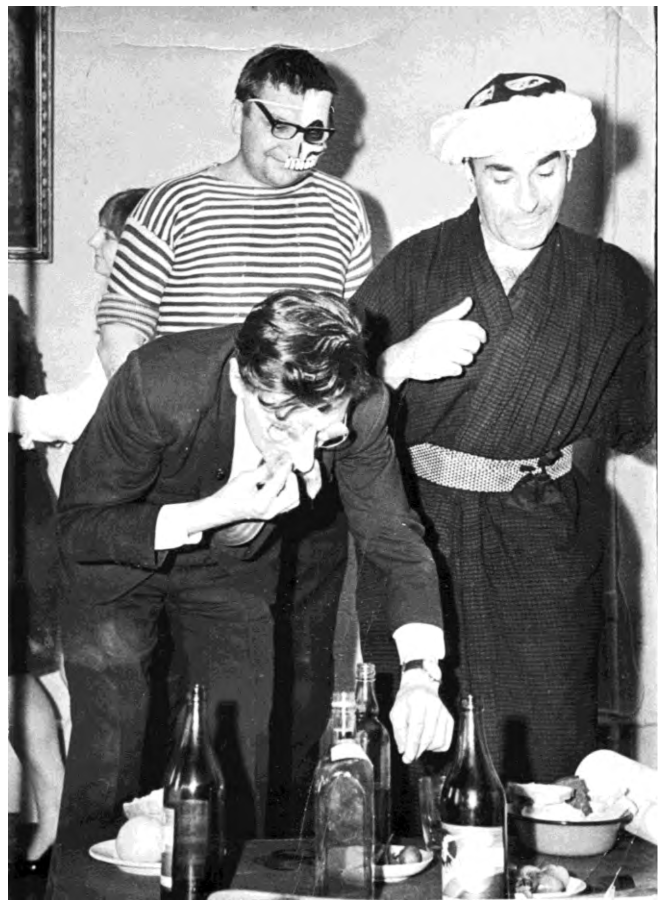

В советский период наш институт, как и в нынешнее время, участвовал в организации выборов власти. Вот – документальное свидетельство: комсомолка Вера Малькова – секретарь избирательной комиссии (1972 г.)

В 70-х гг. Институт этнографии славился на всю Академию Наук своими замечательными капустниками. Главным организатором и вдохновителем была Наталья Романовна Гусева – специалист по Индии из сектора Юго-Восточной Азии. Она писала сценарии и была режиссером спектаклей. А ее муж-художник оформлял наши веселые спектакли. Особенный успех имели два спектакля, в которых принимали участие молодые в то время, но уже из-

вестные ученые – Ю. Симченко, Д. Васильев, С. Арутюнов, М. Крюков, В. Шамшуров, М. Членов, Н. Жуковская, Р. Джарылгасинова, А. Тер-Саркисянц, сама Наталья Романовна… И, конечно – комсомолки – спортсменки: Л. Остапенко, В. Малькова и другие.

На нижних фото – фрагменты из капустника. Сюжет - защита диссертации в нашем институте под условным названием «Восстановление черепов по лицам». Диссертантку играла Алла Ервандовна Тер-Саркисянц, а Любочка Остапенко и Вера Малькова – ее подруг. В заседании Диссертационного совета участвовали, кроме членов Ученого совета (М. Крюков и М. Членов), еще и «гости из регионов» – С. Арутюнов, М. Членов (он перевоплощался), а также «восстановленные» по лицам черепа: уголовник (Ю. Симченко, ему восстановили только пол-лица, см. его маску), Баба из Костенок (Роза Джарылгасинова) и Иван Грозный (Дима Васильев). И всё это действо происходило на большой нашей сцене, в зале заседаний на ул. Дм. Ульянова, 19, под большим портретом Ленина.

Членов, Арутюнов и Симченко уже на банкете

Конфликт между членом Ученого совета (М. Крюков) и Бабой из Костенок (Р. Джарылгасинова). Уголовник (Ю. Симченко) наблюдает

Здесь уже заключительный этап защиты – подсчет голосов и поздравление диссертантки (В. Малькова, А. Тер-Саркисянц, Л. Остапенко, С. Арутюнов). Председатель Ученого совета – М. Членов объявляет результаты

И, как полагается, – «Банкет-защита» (М. Членов и В. Малькова).
А рядом – оглушительные аплодисменты зрителей (в центре – Н.Р. Гусева)

Запомнился и второй капустник – о проведении международного Этнографического Конгресса в Москве, в котором принимал участие и наш институт.

Об этом событии говорили все теле- и радиоканалы мира.

На экране дикторы – Н. Жуковская и М. Крюков. А в зале – массы зрителей. В первом ряду – С.А. Токарев, за ним видно Анохину

Валера Шамшуров с баяном, он так вдохновлял всех!

На сцене – участники и гости Конгресса. И указатели для них

На Конгресс этнографов в то время приходили и «ходоки-информаторы». Один из них – М. Членов – беседует с этнографом (М. Крюков)

На Конгресс приехали и шпионы. Красивой американской шпионкой была Л. Остапенко

Сценарии капустников были не только очень смешными, но и запутанными. Позднее шпионка превратилась в русалку и вместе с нашими этнографами плавала около корабля под названием «Витязь Тумаркин» в Индийском океане. А советские этнографы, которые в реальности впервые после Миклухо-Маклая побывали около Новой Гвинеи – это С. Арутюнов, В. Шамшуров и М. Крюков

*Здесь Л. Остапенко,
В. Шамшуров и
С. Арутюнов*

На Конгресс прибыла и «папуаска», которую прекрасно сыграл М. Членов. Ему долго искали подходящий антураж…

А это этнограф (Л. Остапенко) опрашивает бабушку-информаторшу (В. Шамшуров)

***

Как интересно и весело мы жили в те времена!!!!

Выпускали большие стенгазеты ко всем праздникам, рассказывали обо всех ярких событиях в институте. Газету вывешивали перед бухгалтерией, где в то время мы все получали зарплату. Обычно перед газетой собиралось много народу, все обсуждали. Смеялись.

По праздникам устраивали интересные вечера, приглашали известных артистов, показывали модели одежды (приглашенных оплачивал местком). У нас в гостях были А. Миронов, А. Ширвинд, был «Кабачок "13 стульев"», цыганские ансамбли, модные тогда джазовые группы; однажды был даже уфолог или экстрасенс, показывали кадры со снежным человеком.

Снимок одного из костюмированных вечеров в нашем большом зале заседаний. Костюмы привозили из студии «Мосфильм», брали напрокат. И всё это почти всегда оплачивал наш местком

А этот вечер – посвящен 30-летиюПобеды. На сцене – девушки-комсомолки-«фронтовички». Перед микрофоном – В. Малькова и Н. Дубова. Сидят – Н. Шанина, Т. Долгих

* * *

А еще мы работали на субботниках. Вот подтверждение.

На снимке – В. Малькова и И. Гришаев около Дарвиновского музея. Это был участок нашего института много-много лет.

А ниже – мы отправляемся на один из субботников; Коган, Нитобург, Файнберг, Малькова, Остапенко. Здесь нашим участком были газоны около кинотеатра «Улан-Батор»

Разумеется, все еще и работали. Вот документальное доказательство.

Ю. Бромлей проводит заседание Научного совета по межнациональным проблемам. Рядом – Ю. В. Арутюнян. А вдали – В. Малькова и Л. Остапенко ведут протокол

О наших экспедициях в то время – (конец 70-х) особый разговор.
Где только мы не побывали!!! Чего только не повидали!!!!
Вот несколько фото из этносоциологической экспедиции в Киргизию.

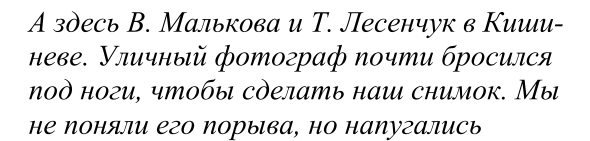
Руководил экспедицией Игорь Гришаев, участники – В. Малькова, И. Субботина, аспиранты и местные ученые

Красиво, правда?

Здесь В. Малькова и Т. Долгих в зимней этносоциологической командировке в Казани, 1971 г.

А здесь В. Малькова и Т. Лесенчук в Кишиневе. Уличный фотограф почти бросился под ноги, чтобы сделать наш снимок. Мы не поняли его порыва, но напугались

А здесь уже – в новом здании на Ленинском проспекте,
в новом секторе этносоциологических
и этнопсихологических исследований. 1990-е годы.
Многие из этих сотрудников работают сейчас в других институтах

Это отдел этнополитических исследований.

Знаменитые «нулевые» годы. Выездная конференция Сети этнологического мониторинга в «Липках».

Много веселились, много ездили…

Когда же написано столько книг???!!!

Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис)
В.К. Малькова
ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖУРНАЛИСТИКИ ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ
Москва 2004
Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис)
Promotion of Tolerance and Improving Interethnic Relations, Russia
Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России
В. К. Малькова
МОСКВА – многокультурный мегаполис
Москва 2004
Проект финансируется ЕС
Проект реализуется Консорциумом, возглавляемым Немецко-русским обменом (Германия)
В.К. Малькова
...НЕ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗЖИГАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ...
Книга об этнической журналистике
из опыта анализа российской прессы

В.К. Малькова
МОСКВА МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИЭТНИЧНАЯ МОСКВА В НАЧАЛЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
Как видит и показывает ее столичная пресса
Малькова В.К.
Тишков В.А.
КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО
Книга первая
ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК В ИНТЕРНЕТЕ
Москва 2009
В.К.Малькова
МОБИЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
Москва 2011

КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО
Книга вторая
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ БРЕНДЫ ТЕРРИТОРИЙ, РЕГИОНОВ И МЕСТ
Москва 2010
КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО
КНИГА ТРЕТЬЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА
Ростов-на-Дону – Пятигорск 2011
Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Южный научный центр
КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ БРЕНДЫ И ОБРАЗЫ ТЕРРИТОРИЙ, РЕГИОНОВ И МЕСТ

И.А. Аржанцева

О ЧЕМ МОЛЧАЛ ТОЛМАЧ, ИЛИ ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ДАМЫ СО СЛОНОМ

В чем было бесспорное преимущество существования такого государства, как Советский Союз? Любой археолог, этнограф, геолог, словом, все те, чья научная жизнь связана с «полем», независимо от их политических убеждений, ответят на это сразу и довольно неожиданно: можно было ездить, куда хочешь в бескрайних пределах Империи, участвовать в каких угодно экспедициях, заниматься археологией любых времен и народов «от Китая до Дуная». Не составляло особого труда после обязательной университетской экспедиции в Новгороде или Смоленске смотаться в Сибирь, Молдавию или Среднюю Азию. Именно так я и поступила в 1977 г., когда решила поехать в Самарканд после археологической практики в Поволжской экспедиции. Самарканд был выбран по нескольким причинам. Во-первых, само имя города звучало необыкновенно красиво (Самарканд – Мараканда – смарагд [драгоценность]), и прочно ассоциировалось с теми сказочными картинками, которыми иллюстрировались старые издания «Тысячи и одной ночи». Вторая причина была более специфична. На первом курсе я получила «неуд» по общему курсу археологии СССР. Вопрос, на который я не смогла ответить, касался раннесредневековых государств Средней Азии. Хотелось поехать и взглянуть на предмет моего позора. А третья причина была основной и решающей – мой научный руководитель был в хороших отношениях с директором Самаркандского Института археологии и договорился о том, что меня возьмут поработать в местную экспедицию на правах археолога-практиканта (то есть, делать всё, что скажут). Так я попала в Самарканд, думая, что приехала ненадолго, «только посмотреть» и вкусить экзотики. Я и не предполагала тогда, что вместо положенных трех недель я проведу здесь в первый же год три месяца и вернусь в Москву лишь под угрозой отчисления из Университета. Я не знала, что застряну в Средней Азии на целых восемь лет, что от этой «сладострастной отравы» уже никогда не освободиться. Каждый раз, возвращаясь после длительной экспедиции из Самарканда или Ферганы в Москву, я обнаруживала, что говорю с заметным самаркандским акцентом, и в лице моем проступают совсем не славянские черты. Мне даже казалось, что у меня появился эпикантус. Наверное, оттого, что я питалась одним виноградом и не могла наесться до конца. Про меня ходили легенды в местном самаркандском Институте археологии, что «вот из Москвы приехала – она только виноград кушает». За восемь лет азиатской жизни я побывала в нескольких стационар-

ных[1] археологических экспедициях, включая и легендарную Хорезмскую. Работы на среднеазиатских поселениях, городищах и крепостях полностью перевернули мои представления о полевой археологии, полученные в Московском университете. Учебник Авдусина, по которому сдавало экзамен по полевой археологии несколько поколений археологов, пришлось забыть раз и навсегда. Вместо небольших и неглубоких, всегда очень аккуратных раскопов, изображенных в учебнике, где юноша и девушка, типичные комсомольцы и отличники, в рабочих чистеньких комбинезонах аккуратно нарезали лопатами на ровные ломти мягкую как масло землю, передо мной открылись раскопы, разрезы и шурфы фантастических глубин и лунных рельефов. Чего стоил только девяти метровой глубины шурф на шахристане Ахсикента, средневековой столицы Бабура в Ферганской долине, или разрез Ахемендиской стены на Афрасиабе? Их сделала вместе с тремя местными рабочими и исследовала каждый сантиметр слоя моя коллега О.Н. Иневаткина. Или знаменитый семнадцати метровый шурф на Цитадели Афрасиаба, исследованный замечательным археологом Г.В. Шишкиной. Вот тогда я поняла, что такое настоящая стратиграфия: от самого верха до низа Галина Васильевна выделила, расчистила и зафиксировала все прослойки, полы, строительные и ремонтные периоды, завалы и разрушения. Это было удивительное, завораживающее зрелище: разрез столетий по вертикали от самых поздних домонгольских слоев до Ахеменидов VI в. до н.э. Именно этот шурф стал ключевым объектом в дальнейших хронологических и структурных исследованиях уникального памятника.

Большую часть «азиатского периода» своей археологической жизни я провела в Самарканде. Но в Ферганской долине, на раскопках Ахсикента, где наша экспедиция жила в кишлаке Шаханд, я получила пожалуй самые сильные «этнографические» впечатления, погрузившись совсем в иное бытие. Кишлак был большой и совершенно средневековый. Я не припомню там современных построек: квартальчики саманных домов за высокими глинобитными дувалами (стенами), теснились вдоль главной улицы с арыком на высоком берегу Сырдарьи. По-русски там многие не говорили, что для нас по тем временам (конец 1970-х годов) было удивительно. Каждую среду в кишлаке бывал довольно большой и оживленный базар, куда женщины постарше (как торговки, так и покупательницы) приходили в парандже с плотной волосяной сеткой (чачваном), полностью скрывавшей лицо. Встречаясь со знакомой и желая с ней поговорить, обе женщины приподнимали сетки, и одна из них накидывала свой чачван на голову другой. Так они могли стоять и разговаривать довольно долго. Так же поступали и с покупателями, вернее, с покупательницами (с мужчинами, естественно, одним чачваном не накрывались). Когда я пыталась поторговаться за коробочку хорошей сурьмы (ею мы по тогдашней моде подводили глаза), женщина, торговавшая всеми этими восточными косметическими сокровищами, подтянула меня к себе за руку и накрыла своей паранджой. Торг продолжился в загадочном полумраке. Базар был обильный (дело было осенью) и очень дешевый. Стоимость большинства фруктов определялась странной и непонятной поначалу формулой: 3–1, 2–1 и т.д. То есть, когда ты спрашивал, сколько стоит килограмм чего-то, тебе показывали сначала, например, три пальца, а потом один. Так, когда я приценивалась к роскошным гранатам с крупными, розовыми, светящимися зернами, мне показали три пальца. Я и решила, вполне логично, что стоимость одного килограмма – 3 рубля. По московским меркам – совершенные копейки за волшебные плоды. За выложенные 3 рубля мне навалили огромную сетку гранатов, которую я с трудом дотащила до базы. Я приписала такую избыточную щедрость восточному гостеприимству, но наш повар Ахмад-Ака, местный житель, объяснил мне алгоритм определения стоимости местной продукции: 3 на 1 означает 3 килограмма на один рубль. Соответственно, 2 на 1 – это уже подороже. То есть на три рубля меня отоварили аж девятью килограммами. Жители нашего кишлака Шаханда специализировались на изготовлении восточ-

ных сладостей: они делали халву, т.е. были «халвачами», как это называлось на местном диалекте. В соседнем кишлаке пекли в тандыре замечательные лепешки. Третий кишлак знаменит был своей ферганской самсой (треугольные пирожки из слоеного теста) с тыквой и луком. Какой-то кишлак неподалеку был известен своими стеганными халатами-чапанами, сшитыми из бухарского лощеного шелка «бекасам», и т.д. Такая средневековая специализация была вполне оправдана. Каждый кишлак поставлял свою продукцию на ближайшие базары. Базарные дни бывали ежедневно, но устраивались по такому принципу, что за каждым кишлаком в окрестностях был закреплен определенный базарный день: в понедельник – в одном кишлаке, во вторник – в другом и т.д.[2] В нашем Шаханде базар был в среду, как я уже говорила. Мы были патриотами своего кишлака, и для нас базарным днем была среда. Начальство экспедиции каждую среду отпускало нас на базар, где нами особенно были любимы ряды «халвачей» с выложенными столбиками кругами белой кунжутной халвы. Настоящая восточная халва сильно отличается от того, что продавалось и продается в российских магазинах под видом халвы. Кунжутная халва (у нас известная как тахинная) была белой, довольно мягкой, вязкой как свежие ириски, с карамельным вкусом. Готовилась она из сахара, яичных белков, орехов и мыльного корня (корень *колючелистника* по-научному), который присутствовал во многих восточных сладостях, как пенообразующий компонент. Мы поглощали эти сладости в огромных количествах. К концу экспедиции щеки наши заметно округлялись и джинсы с трудом сходились на бедрах. Но по молодости лет о калориях и лишних килограммах никто не думал, тем более, что уходили они так же легко, как и приобретались. Главный пятничный, базар недели происходил в соседнем городке Джумашвое (джума – араб. пятница), бывшем тогда районным центром. Пару раз начальство экспедиции отпускало нас туда. С бензином в те годы (1978–1979 гг.) были проблемы, машины нам для такого баловства не давали, но 12 км, отделявшие нас от вожделенного восточного базара, были не проблемой. Мы ходили туда и обратно пешком. В один из таких базарных дней мы попали на «праздник канатоходцев», как мы его называли между собой. Наверное, у него было какое-то официальное название, более соответствующее советским реалиям. Не знаю. Но для меня и моих коллег это было необычное зрелище, ассоциирующееся со средневековыми акробатическими мистериями. Наверное, городок Джумашвой специализировался на канатоходцах, так как в представлении участвовали и стар и млад (фото). В дни пятничного базара в Джумашвое по соседству с основным базаром открывался скотный, где торговали скотом, крупным и мелким, оптом и в розницу. Покупка скота – это было серьезное дело. Покупатель, прицениврившись, затем долго и страстно торговался с продавцом, причем исключительно при помощи посредника – долола. Долол – обязательный участник всех торгов на базаре, без него не проходит ни одна сделка. Когда я поинтересовалась, а зачем вообще нужен долол, разве нельзя сторговаться самим, на меня посмотрели, как на идиотку (и были правы). Эта традиция тянется тоже с давних времен. Нам довелось увидеть одного из самых лучших (или, по крайней мере, самого артистичного) долола во всей Ферганской долине. Это был очень маленький и подвижный старичок в рваном синем чапане и традиционной белой головной повязке, с хитроватым выражением морщинистого лица. Он очень умело вел дело, энергично жестикулируя, что-то выкрикивая, ежеминутно хлопая себя руками по бокам и приседая. Кроме того, он был, судя по всему, весельчаком и записным острословом. Мы не могли, конечно, оценить во всей полноте его шутки, но, судя по тому, как смеялись моментально окружившие его люди и как заразительно смеялся он сам, широко открывая почти беззубый рот, он был просто виртуозом… Со стороны это походило на спектакль в духе Commedia del Arte с характерными персонажами, расписанными сценами и предписанными жестами. Мы как завороженные наблюдали это представление в течение двух часов, не понимая ни слова по-узбекски, но этого и не требовалось. Вокруг спокойно жу-

ющей коровы (предмета купли-продажи) разыгрывался целый спектакль. Продавец, демонстрируя совершенства своего товара, патетически простирал руки к рогам и вымени невозмутимого животного; покупатель всем своим видом выражал сомнение, при этом выказывая определенную заинтересованность. Посредник-долол выступал двойным агентом (он получал проценты от сделки как с продавца, так и с покупателя): он то одобрительно похлопывал корову, то в чем-то пытался убедить продавца (что-то вроде: брат, ну она не стоит таких денег, какие ты просишь). Он хлопал по рукам поочередно то продавца, то покупателя (его задачей было заставить их хлопнуть по рукам друг друга, что означало бы, что, наконец, договорились о цене), вдруг, как бы рассердившись, внезапно разворачивался и делал вид, что уходит. Тогда участники сделки с криками пытались его удержать, хватаясь за рукава халата (так вот почему у него халат разорван у плечей!). Долол как бы нехотя опять вступал в дело, и всё повторялось сначала в неизменном порядке. Наконец, ударили по рукам, сделка завершилась, долол отпустил какую-то завершающую шутку – все покатились со смеху. Базар продолжался.

Но основную часть своего среднеазиатского периода я всё же проработала на Афрасиабе, городище древнего Самарканда, описанном во многих письменных источниках, хрониках и легендах. На этом месте Самарканд находился со времени своего основания и до того момента, как он был захвачен и разрушен татаро-монголами в 1220 г. Город, переживший до этого в VII веке арабское завоевание, на сей раз не смог оправиться от такого удара. Дворцы и жилые кварталы так и остались лежать в руинах, оросительные каналы были разрушены. Через какое-то время город постепенно стал возрождаться, но на другом месте, чуть в стороне от развалин (сделав, таким образом, подарок будущим археологам, так как древнейшие слои города не были нарушены поздними перестройками). Название «Афрасиаб» возникло гораздо позже, в XVIII веке, и, по мнению лингвистов, происходит от слов «Апар Сиоб», что означает «над Черной рекой (водой)». С северной стороны холм Афрасиаба действительно омывается речкой Сиоб (тадж. Черная вода). В древности она получила свое название от того, что сквозь ее прозрачные воды были видны черные камни на дне. Здесь, на Северном холме Афрасиаба, находится древняя Цитадель, с которой и начался весь Самарканд. Здесь же, рядом с Цитаделью, мы работали на остатках Соборной мечети, где заперлись и были сожжены во время осады 1220 г. войсками Чингисхана последние защитники города. При раскопках здесь был вскрыт огромный слой пожара с обгоревшими человеческими костями, обрывками кольчуг, множеством наконечников стрел. Но больше всего поразило меня на Афрасиабе не это бесстрастное свидетельство прошлой трагедии. И даже не величественная Цитадель с семнадцатиметровой толщей напластований строительных остатков от Ахеменидов до татар. Прямо на городище, на его юго-восточной окраине, в маленьком райском саду располагался небольшой археологический музей. В одном из его подсобных помещений мы хранили свои раскопные инструменты, так что бывали в музее каждый день. Но осмотреть как следует экспозицию всё не было времени. В первый (и последний) дождливый день работы на раскопе были отменены, мы пошли в музей. Спланированный армянскими архитекторами, он был построен в стиле раннесредневекового восточного паласа с центральным залом и небольшими помещениями по периметру. Сам Центральный зал был оформлен в этом же стиле: с колоннами, поддерживающими крышу и диванами-суфами, идущими вдоль всех стен по периметру. Больше ничего в этом зале не было. Только стены были необычно украшены: на ярко-синем фоне диковинные шествия людей, животных и птиц, какие-то девушки в лодках, всадники, стреляющие из луков. Сначала мне показалось, что это современная, хорошо стилизованная роспись армянских художников, оформлявших музей. Я была крайне поражена (и смущена своим невежеством, с трудом припоминая лекции по общему курсу археологии), когда от своей коллеги Ольги Иневаткиной узнала, что это и есть знаменитые росписи Афрасиаба. И написаны они в

VII в. н.э. Я отказывалась верить: настолько яркие и смелые сочетания красок, настолько своеобразен и прихотлив уверенный рисунок, буквально предвосхищающий «модерн». Некоторое время я была уверена, что меня разыгрывают в традиционном студенческо-археологическом духе. Но на этот раз речь о розыгрыше не шла. Это были те самые росписи, которые украшали дворец правителя (афшина) Согда накануне арабского завоевания. Вернее, в музее в тот момент находились копии этих росписей. Сами же росписи вместе с остатками дворца археологами были засыпаны землей до лучших времен. Вот с этого момента, когда я увидела эти росписи и узнала их историю, моя археологическая судьба на ближайшие десять лет была решена. Прежде всего, замечательна история их открытия. Официальная история исследования этого памятника об этом попросту умалчивает, или же просто скромно упоминает, что росписи были открыты в ходе полевых работ экспедиции в таком-то году. На самом деле росписи эти были открыты самым распространенным в археологии путем, то есть случайно. Произошло это в 1965 г. Тогда в Самарканде еще не было Института археологии. То есть работы на Афрасиабе, конечно, велись. Здесь работала экспедиция Ташкентского государственного университета под руководством известного археолога-востоковеда Василия Афанасьевича Шишкина. Работали в экспедиции археологи, студенты-энтузиасты и несколько жителей из ближайших кишлаков (мне потом по наследству досталось несколько замечательных стариков-рабочих, проработавших на Афрасиабе около тридцати лет). Тогда до планомерных широкомасштабных раскопок было еще далеко.

К 1965 году недалеко от Афрасиаба был построен новый аэропорт города Самарканда. К нему нужно было строить современную дорогу. Строить в обход городища – это большой крюк, долго и дорого. А если проложить дорогу через центральную часть Афрасиаба, то это будет самый короткий путь до аэропорта. Правда, Афрасиаб уже тогда считался памятником старины союзного значения, но это препятствие было каким-то образом преодолено. Археологи, работавшие на Афрасиабе, уже тогда говорили, что невозможно строить дорогу через городище, где культурные напластования достигают многих метров, что Афрасиаб – памятник уникальный, единственный в своем роде. Но кто же слушает археологов? Работы начались уже осенью, после того как экспедиция В.А. Шишкина (одного из противников строительства) закончила свои сезонные работы и уехала в Ташкент. Непонятно, каким счастливым ветром на городище занесло двух местных археологов, которые, идя по своим делам, решили сократить путь и пройти по городищу. И что же они увидели вместо знакомого «лунного» афрасиабского пейзажа? Они увидели картину деятельной жизни и кипучего социалистического строительства. Всюду кучи щебня, арматуры, экскаваторы черпают землю, тарахтят трактора. Навстречу им ехал огромный бульдозер и лихо катил перед собой огромную глыбу чего-то. Присмотревшись, насколько это было возможно в этих условиях, археологи ужаснулись: это был кусок стены с росписью на ней. На ярчайшем синем фоне прекрасная дама в роскошном убранстве сидела под белым балдахином на белом слоне (вот все, что словесно смогли воспроизвести очевидцы). Никто, кроме этих археологов да рабочих-строителей, никогда больше эту прекрасную даму не видел. Еще через несколько метров такого передвижения кусок стены, естественно, разрушился. И неизвестно, сколько еще таких кусков было прежде. Очевидно, что строительными работами было задето и разрушалось какое-то крупное сооружение, скорее всего богатый дом, украшенный росписями. Так оно и оказалось. Неподалеку археологи обнаружили вывернутые из земли куски стен, вокруг земля была перемешана с белой штукатуркой и цветным крошевом – остатками росписей. Судя по останцам торчащих стен, здание было солидных размеров. Отчаянные крики археологов произвели мало впечатления на рабочих. И можно себе вообразить, какую реакцию вызвала попытка приостановить работы немедленно. Единственное, что могли сделать в этой ситуации местные археологи, это позво-

нить в Ташкент Шишкину. Василий Афанасьевич приехал буквально на следующий день и с ним маленькая группа студентов и археологов, среди которых была и его единственная дочь – Галина Васильевна Шишкина. И в то время как Василий Афанасьевич бросился «по начальству», археологи буквально сидели на земле, не давая технике работать, потом начали осторожно разбирать завалы, делать замеры, кисточками расчищать штукатурку, описывать. Рабочие отчаянно ругались, но и им становилось интересно. Надоело целый день сидеть на одном месте в заведенном бульдозере и ругаться. Они стали подходить поближе, любопытствовать. Что же такое они разворотили и ради чего пачкаются в пыли и терпят такие неудобства вполне образованные люди? Оказалось – интересно. Уже определенно вырисовывались контуры большого сооружения, лежали большие куски стен с остатками ярких росписей. К чести строителей надо сказать, что строительство на этом участке они прекратили, тем самым сохранив для истории один из безусловных и ныне признанных шедевров. Но урон ему был нанесен ощутимый. Степень этого ущерба была выяснена позже, когда в результате раскопок было открыто все помещение с росписями. Вернее, за три года раскопок с 1965 по 1967 г. был открыт целый дворцовый комплекс, и среди дворцовых зал несколько помещений с росписями. Но этот зал № 1, широко известный археологам и историкам Востока как «зал послов», до сих пор остается непревзойденным шедевром раннесредневековой живописи Согда. А ведь к моменту открытия живописи Афрасиаба уже была известна живопись и Пенджикента, и Варахши. Но ни буйная фантазия варахшинского мастера, ни монументальные батальные сцены на стенах дворцов Пенджикента не могли сравниться с великолепным шествием афрасиабских послов и придворных на ярко-синем фоне. Сюжету и интерпретации «Зала послов» сейчас посвящена огромная научная литература. Этот зал заслуженно назвали «этнографической энциклопедией раннесредневековой Средней Азии»: здесь в церемониальной процессии были представлены сами согдийцы, корейцы в традиционных головных уборах с птичьими перьями, тюрки с длинными косами, иранцы (чаганианцы) в роскошных халатах и драгоценностях, китайцы с шелковыми дарами, диковинные народы, этническая принадлежность которых не поддавалась интерпретации. То, что росписи были открыты и спасены дважды, знают немногие. Дело в том, что сразу после такого своеобразного открытия и замечательного спасения живописи основной задачей археологов было раскопать само дворцовое помещение и сделать копию росписи, которую решили оставить пока in situ (на месте) и засыпать, так как попросту не было музея с соответствующими лабораториями и условиями, куда можно было бы поместить снятую роспись. Не было и специалистов. Кроме того, краски живописи стремительно «гасли» от дневного света и пыли. Так, группой самаркандских и ташкентских художников при участии археологов в год открытия росписей были сделаны цветные копии в масштабе один к одному. Живо передавая цветовую гамму, копии во многом были не точны, а многие мелочи, столь драгоценные для археологов, были искажены или вовсе опущены. Тем не менее, именно эти копии были помещены через несколько лет во вновь отстроенный музей на Афрасиабе, а оригиналы были оставлены в раскопе и засыпаны еще на 10 лет. Росписи были лишены своего основного «документа» – прорисовок, единственно могущих служить базой для научного исследования. Техника создания прорисовок проста, но чрезвычайно трудоемка. Через прозрачную пленку шариковой ручкой копируются все линии, даже самые мельчайшие штрихи; затем они переносятся на плотную бумагу, то есть эти пленки накладываются на лист ватмана и той же ручкой с сильным нажимом продавливаются все линии (руки после таких упражнений очень сильно болят, а пальцы немеют). А уж затем рисунок по этим следам обводится карандашом[3]. Эта методика была разработана и успешно применялась в Пенджикентской экспедиции на протяжении уже нескольких лет. Но там работали студенты-археологии из Ленинградского университета и реставраторы из Эрмитажа. Мы же никогда не

сталкивались с такими работами. Летом 1978 года Галина Васильевна Шишкина, начальник Афрасиабской экспедиции, добилась, наконец, разрешения от дирекции Института археологии на повторное вскрытие живописи с тем, чтобы сделать прорисовки. На самом деле, повторное вскрытие было проведено по настоянию реставраторов, чтобы снять живопись со стены, покрыв ее полимером, и отправить в лабораторию, которая к этому времени была уже организована в Институте. За право сделать перед этим прорисовки с живописи Галине Васильевне и впрямь пришлось бороться. И вот разрешение, наконец, получено. Рабочие вырыли глубокую траншею вдоль западной стены «зала послов», частично захватив южную и северную стены, там, где они примыкают к западной стене. В этом глубоком и узком раскопе мы провели последующие три месяца, мешая реставраторам и путаясь в прозрачных пленках, на которые копировали росписи. Отряд наш я бы назвала сильно недоукомплектованным: под руководством Галины Васильевны трудились Ольга Иневаткина, я, Маринка Сунцова (мы учились с ней вместе на кафедре, и я заманила ее в это лето в Самарканд, посулив сказочную археологию). Этим же летом к нам присоединилась архитектор Надия Рахимбабаева, прекрасная, как китайская принцесса в лодке на Северной стене «Зала послов». Жизнь протекала в каком-то особом режиме, совсем не похожая на веселую студенческую жизнь в экспедициях. Скучно, правда, нам тоже не было. На раскоп ежедневно наведывались толпы туристов из разных городов Советского Союза. Представители абсолютно разных городов и республик задавали нам три абсолютно одинаковых вопроса: 1. Много ли золота нашли? 2. Девушки, вы замужем? 3. Сколько вам платят? Мы придумали повесить плакат у входа на раскоп со стандартными ответами: 1. Золота нет. 2. Да. 3. Платят мало. Этот плакат дирекция приказала убрать, усмотрев в нем клевету на советскую действительность. А вот другой, где сообщалось о времени нашего кормления, нам удалось сохранить. Дирекция здесь как-то растерялась.

Трое из нас (я, Ольга и Маринка) жили в ближайшем кишлаке Боги-Майдане у хозяйки Айши-апы. Галина Васильевна и Надия ежедневно возвращались в Самарканд, в свои квартиры. Мы там тоже бывали с целью вкушения плодов цивилизации (главным образом позвонить домой в Москву и помыться горячей водой в настоящей ванне). Но чаще всего, особенно осенью, под конец сезона, мы так уставали, что на поездки в город сил не оставалось. Хотя город Самарканд был совершенно сказочным. В отличие от современного (а я была там последний раз в 2013 г.), превращенного в туристический аттракцион, явивший миру гигантоманию Тимуридов во всем ее бирюзовом великолепии, Самарканд конца 70-х прошлого века все еще хранил на себе налет средневековой атмосферы, по крайней мере, старая часть города. Площадь Регистан («регистан» в переводе с персидского означает «песчаное место») в это время только еще начала расчищаться и оформляться для лучшего обзора трех знаменитых медресе: Улугбека, Шердор и Тилля-Кари. Особенно мне нравилось медресе Улугбека с полуобморочно заваливающимся набок минаретом. Такой «наш ответ городу Пизе». К усыпальнице Тимура и Улугбека, знаменитому Гур-Эмиру, в те годы можно было пробраться только через узенькие улочки старой махалли. Иногда, когда мы оставались ночевать в микрорайоне у Галины Васильевны, по утрам мы добирались до раскопа автобусом, который шел через знаменитый базар возле мечети Биби-Ханым, располагающейся недалеко от Афрасиаба. Автобус был забит пёстро одетыми «апайками»[4], едущими на базар со своим женским домашним товаром: лепешками, зеленью, пирожками, яйцами, каймаком[5], горячей кукурузой, самсой, изюмом, орехами и знаменитым самаркандским деликатесом – солеными косточками[6]. Автобус наполнялся божественными запахами и гвалтом женской болтовни на несравненном самаркандском двуязычном диалекте (таджикском и узбекском). А учитывая и сильный русский компонент – диалект был трехязычным[7]. Мужчины, торговавшие «солидными» товарами – дынями, арбузами, мясом – возили свой товар на базар на тележках, в которые были впряжены маленькие

светло-серые ослики. Да и сами предпочитали этот вид транспорта. Дыни и арбузы лежали грудами на базарной площади, специально отведенной для этого. Торговля велась прямо с земли, никого санитарный контроль не донимал, да и никого это не волновало. Здесь было огромное количество сортов дынь, о многих из которых я никогда не слышала. От демократичных, ароматных, маленьких «астраханок», похожих на желтые мячики, до загадочных, невиданных доселе, сортов зимних дынь, зеленых с бурыми разводами. Эти бухарские дыни имели зловещее название – «Калямури» (мертвая голова), но мякоть их была цвета светлого нефрита, удивительно нежная и сладкая, с запахом земляники. Таких деликатесов я не ела ни до, ни после. Одуряющие запахи разогретых солнцем дынь смешивались с запахом располагавшейся по соседству рыбожарки, непременной принадлежности крупных восточных базаров. Этот базарный шум и смешение несовместимых запахов у подножья гигантского портала Биби-Ханым навсегда связалось в моей памяти с духом Самарканда.

В раскопе мы проводили весь световой день, чтобы успеть сделать побольше. Приходить надо было как можно раньше, чтобы занять наиболее удобные места до прихода реставраторов и до жары успеть сделать свой кусок работы. Реставраторы, особенно их начальство, испытывали к нам сложное чувство, в котором преобладало раздражение. Мы им очень сильно мешали; кроме того, они просто не понимали, что именно мы делаем. Это были не музейные реставраторы, а просто химики, у которых было свое задание – покрыть полимером, снять куски лессовых штукатурок с какими-то невразумительными разводами на ней, уложить на фанерные щиты и вынести из раскопа. Особенной красоты в этом они не видели. Да и то сказать, росписи, вторично вскрытые, простоявшие во время первых полевых сезонов на открытом воздухе, погасли и потемнели. Ярко-красная киноварь сделалась совсем черною, а синий фон неизбежно приобретал темно-серый оттенок. Над раскопом был натянут тент, так что в полумраке человеку несведущему мудрено было рассмотреть торжественный прием иностранных послов при дворе самаркандского правителя Вархумана. Правда, в тенте были довольно крупные дырки, в которые часто заглядывали любопытные старики в белых чалмах и мальчишки из ближайшего кишлака.

Композиция афрасиабской росписи располагается в три регистра – верхний, средний и нижний. Причем, человеческие фигуры изображены несколько больше обычного человеческого роста. Верхний регистр практически по всему периметру зала был разрушен строительными работами, живопись сохранилась метра на 3–3,5 в высоту. Чтобы охватить прорисовками всю площадь сохранившейся живописи, малочисленные силы нашего отряда были организованы следующим образом: средний регистр прорисовывали, стоя на поверхности суфы, примыкающей к стенам; верхний – стоя на столе, позаимствованном безвозмездно и безвозвратно у реставраторов; нижний – лежа под столом. Верхний регистр был самый сложный и неудобный, так как был более всего разрушен. Работать здесь приходилось, вытянув руки и запрокинув лицо вверх; в глаза постоянно сыпалась лессовая пыль. Здесь, конечно, работали Галина Васильевна и Маринка (к тому же они были самые миниатюрные из нас, стол их выдерживал даже вдвоем). Средний регистр – самый интересный и комфортный: здесь приходилось прорисовывать лица, украшения и наряды на уровне человеческого роста. Здесь работали Надия Рахимбабаева, профессиональный архитектор, и Ольга Иневаткина. У Ольги открылся удивительный дар обнаруживать мелкие детали, ранее никем не замеченные. Только она смогла разглядеть возле коврика с сидящими тюрками две крошечные игральные кости. Так вот чем занимались доблестные воины из рода Ашина на приеме у правителя! Она же обнаружила у иранских послов изящно выписанные черты лица и мастерскую моделировку светотенью – прием, восходящий к эллинистическим традициям. Нижний регистр – самый неинтересный, сапоги там всякие, подолы, разная мелочь. Не знаю, уж почему, но именно меня

бросили на этот участок работ. Прорисовывать приходилось лежа. В этом были, конечно, некоторые преимущества, но на меня дольно часто в полумраке наступали реставраторы. Кроме того, Галине Васильевне почему-то казалось, что лежа я меньше разговариваю. Но так думать было, по меньшей мере, заблуждением. Работали мы одновременно с тем, как реставраторы пропитывали полимерами соседние с нами участки живописи. Обильно полив наших любимых персонажей своими убийственными химикатами, реставраторы быстро покидали раскоп, в котором не было никакого движения воздуха, чтобы переждать на свежем воздухе несколько часов, а то и вовсе скрыться до следующего дня. Мы же продолжали работать, так как сроки нас поджимали. Галина Васильевна пыталась нас выгонять из раскопа, чтобы «эти балбесы» (то есть мы) не дышали ядовитыми испарениями. Но поскольку сама она оставалась работать, то и мы старались от нее не отставать. У меня началась какая-то аллергическая реакция на химикаты. Будучи дочерью врача, я сама себе поставила диагноз и сама же назначила себе лечение димедролом. А для верности приняла сразу две таблетки, чтобы, значит, поскорей подействовало. Оно и подействовало на меня прямо под столом, где я лежа трудилась над прорисовками очередных сапог. Я же не знала тогда, что димедрол к тому же сильнодействующее снотворное. Недостача в личном составе была обнаружена по весьма специфическому признаку, который сформулировала Галина Васильевна, почуявшая неладное. Она спросила: «А где Ирка? Почему в раскопе тихо?». А кому шуметь? Я-то сплю под столом, где меня и обнаружили через какое-то время и вытащили на поверхность продышаться. Между прочим, сама Галина Васильевна, работая непрерывно по несколько часов и вдыхая химические испарения, заработала осложнение на суставы. Но мы об этом узнали много позже. Кто же тогда думал об этом? Ведь под нашими руками буквально оживали участники этой церемонии, случившейся здесь тысячу триста лет назад. Я помню, как я испугалась, проведя рукой по росписи и наощупь поняв, что у некоторых персонажей выколоты глаза, а лица перечеркнуты глубокими царапинами крест-накрест. Как объяснила Галина Васильевна, скорее всего это воины Кутейбы, арабского наместника Хорасана и полководца, взявшего Самарканд в 712 году, таким образом «убивали» столь живо написанных персонажей, исполняя исламскую заповедь запрета изображения людей на стенах. А Ольга в восторге показывала мне прорисовки рук иранских послов, приговаривая: «Посмотри, какие у них пальчики. Ты посмотри на этот маникюр». Ногти и впрямь были удивительно хороши, похожие на перевернутые раковины. Таких сейчас не бывает. А как прекрасны были бороды и прически любимых послов, где был выписан каждый волосок. Галина Васильевна, наоборот, умела увидеть в парадных росписях что-то смешное и необычное. Вот китаец на северной стене сидит, задрав халат и стягивая сапожок с ноги перед тем, как переправится через реку. А лошадь его уже плывет, вытянув морду, облепленную мокрой гривой. А вот его более практичный попутчик деловито упаковывает большой тюк перед переправой. Интересно, что там? Наверное, шелк, который затем уже несут в своих руках китайские посланники на западной стене в дар правителю. Однажды Галина Васильевна показала нам своего любимого персонажа. На западной стене между двумя важными тюрками и группой смущенных гостей в диковинных нарядах спиной к зрителям стоял человек в очень простом одеянии и с необычной для того времени прической: его волосы были коротко острижены в кружок. Полуобернувшись к гостям, он приподнял руку с поднятым указательным пальцем в предостерегающем жесте: «Помолчите» или «Подождите». Вот это и был, по мнению Галины Васильевны, толмач – самый главный распорядитель и переводчик всей церемонии.

Мы прорисовали тогда всю западную стену и немного северной стены. Обстоятельства сложились так, что на следующий год мы не смогли уже продолжить эту работу. Несколько десятков ватманских листов с перенесенными на них прорисовками сейчас являются такими

же музейными экспонатами, как и сами росписи. Они опубликованы и растиражированы во многих изданиях и научных статьях у нас и за рубежом. К настоящему моменту существуют, по крайней мере, 11 гипотез по поводу интерпретации «Зала послов». Но ни одна из них не может ответить на два вопроса, которые меня, например, волнуют до сих пор: что же все-таки сказал толмач и как выглядела прекрасная дама на белом слоне.

Примечания

[1] Стационарной называется экспедиция, работы которой проходят преимущественно на одном памятнике (чаще всего поселении или городище) в течение многих лет. В отличие от разведок и маршрутов, когда отряд в течение полевого сезона обследует определенную территорию с целью обнаружения и фиксации археологических памятников. Стационарные экспедиции, как правило, располагаются в одних и тех же местах. Отсюда и устоявшийся и налаженный быт с местным и этническим колоритом в зависимости от того, в какой именно местности проходят археологические работы.

[2] Перемещение базара по дням недели по кишлакам и городам – это была повсеместная практика, берущая свое начало в средневековье. Многие кишлаки, а впоследствии и города, получали свое название от дня недели, когда проходили базары. Столица Таджикистана город Душанбе, например, получил свое название потому, что в понедельник (тадж. «дошанбе») здесь проходил базар.

[3] Этот процесс на нашем сленге назывался «давить». Например, спросишь, бывало: «А где Галина Васильевна?». А тебе отвечают «Да она у себя в кабинете "давит" дракона». Хорошо, если ты в «теме». А если нет?

[4] От «апа» – старшая женщина, мама, бабушка (тюрк.).

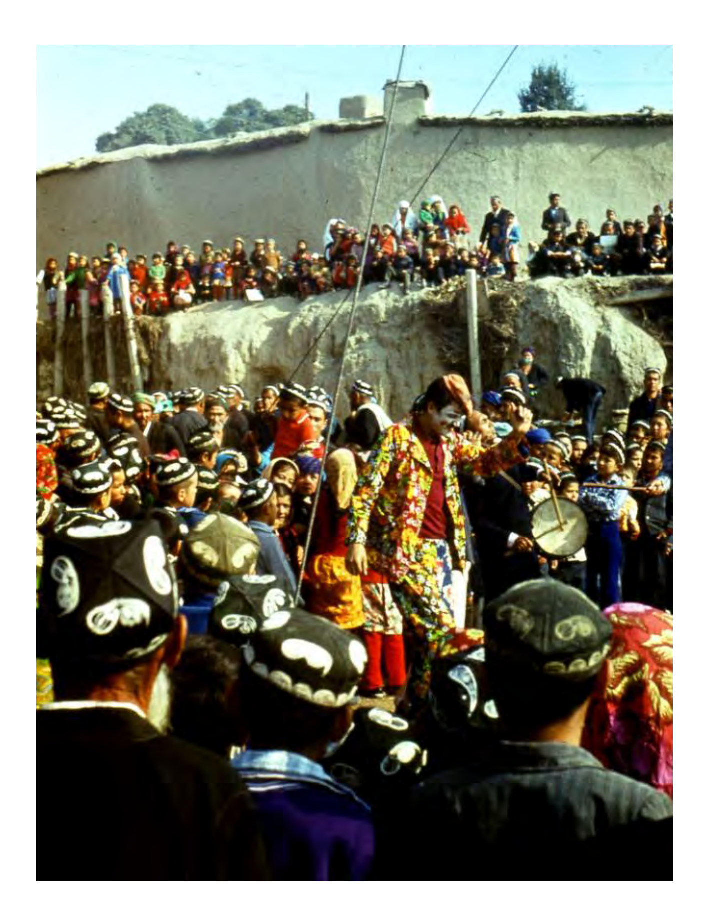
[5] Каймак – удивительно вкусный кисломолочный продукт, который готовится в течение нескольких дней: с кипяченого молока несколько раз снимаются сливки, которые укладываются слоями в глиняную или фаянсовую миску (косу), которую закрывают марлей и держат несколько дней в тепле, желательно не на солнце, но в тени, и чтобы проветривалось. Что-то среднее между сметаной и маслом (вкуснее и того, и другого), желтовато-розоватого цвета. Каймак едят с горячими лепешками и горячей вареной кукурузой.

[6] Солёные косточки – косточки урюка, вымоченные в солёной воде, а затем запечённые в горячей золе. Хорошего качества считаются те косточки, которые во время запекания максимально раскрылись.

[7] Я сама слышала, как в микрорайоне, где жила Г.В. Шишкина, женщина из окна третьего этажа стандартного пятиэтажного дома звала своих детей домой: «Паразитлар, инджо бьё!». Классический образец самаркандского диалекта, где «паразит» взято из русского, «лар» – суффикс множественного числа из узбекского, «инжо бьё» – «иди сюда» на таджикском. Я и сама на раскопе, общаясь с местными мальчишками-рабочими из ближайшего таджикского кишлака Боги-Майдан, к концу месяца изъяснялась скороговоркой на странной смеси языков: «Ман синьга сколько раз айтым, сволочь, не копай здесь ямка». «Ман синьга» – «я тебе» по-узбекски, «айтым» – «я говорю» на таджикском. Остальное – понятно без перевода.

Лицо не славянской национальности. И.А. Ар-жанцева. Фергана, 1979

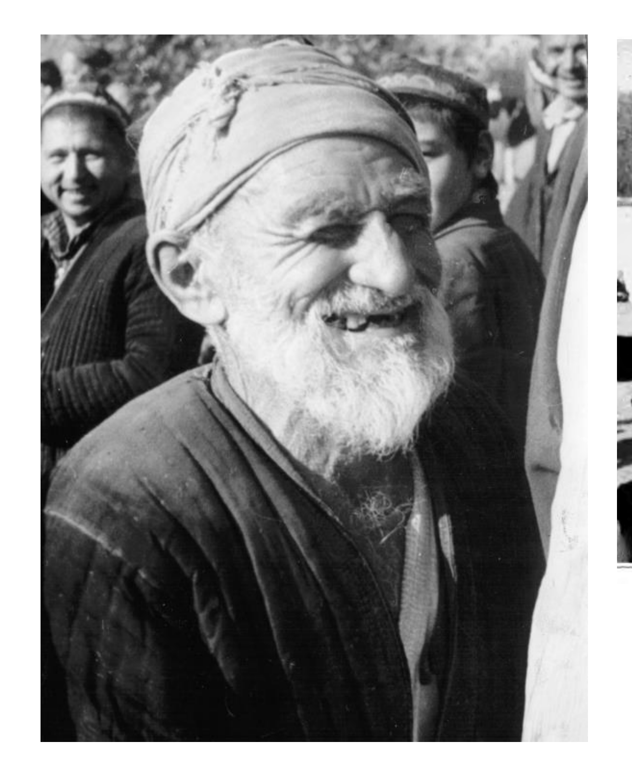
Осенний праздник на рынке в Джумашвое, 1979

Канатоходцы на рынке в Джумашвое, 1979

Канатоходец с колесом. Джумашвой, 1979

Долол на скотном рынке в Джумашвое, 1979

Джумашвой, базар. Отец и сын. 1979

Афрасиаб, Первая ахеменидская стена конца VI в. до н.э., О.Н. Иневаткина, 1990

Афрасиаб. Цитадель

Афрасиаб,
раскоп на Цитадели,
1978

В.А. Шишкин. Афрасиаб.
Открытие росписей. 1965

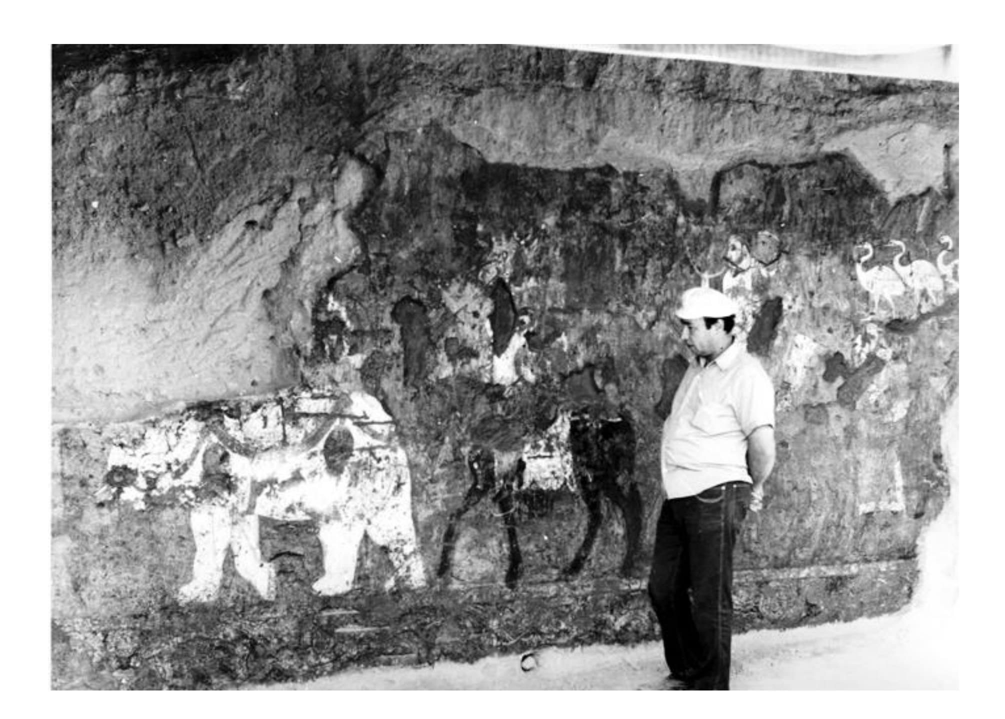
Г.В. Шишкина. Афрасиаб, 1965

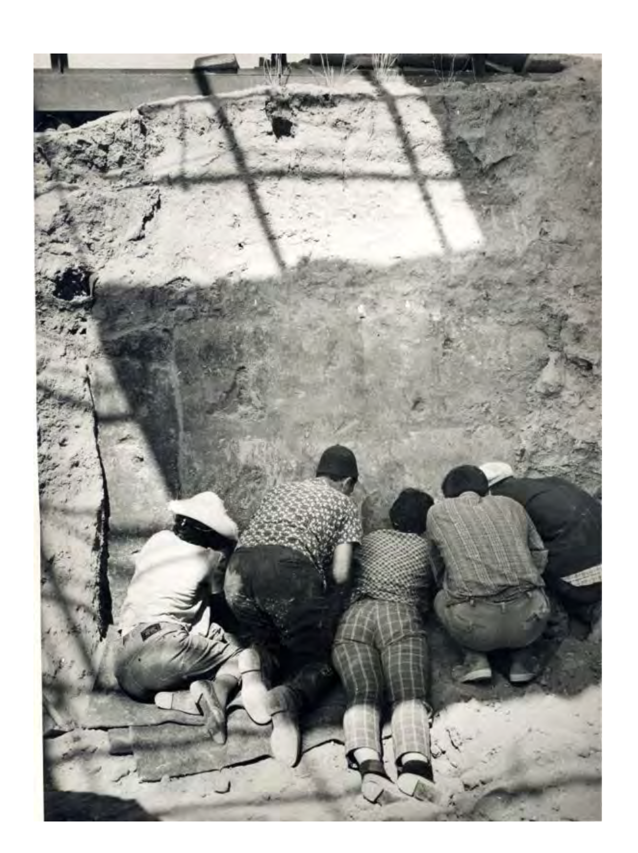

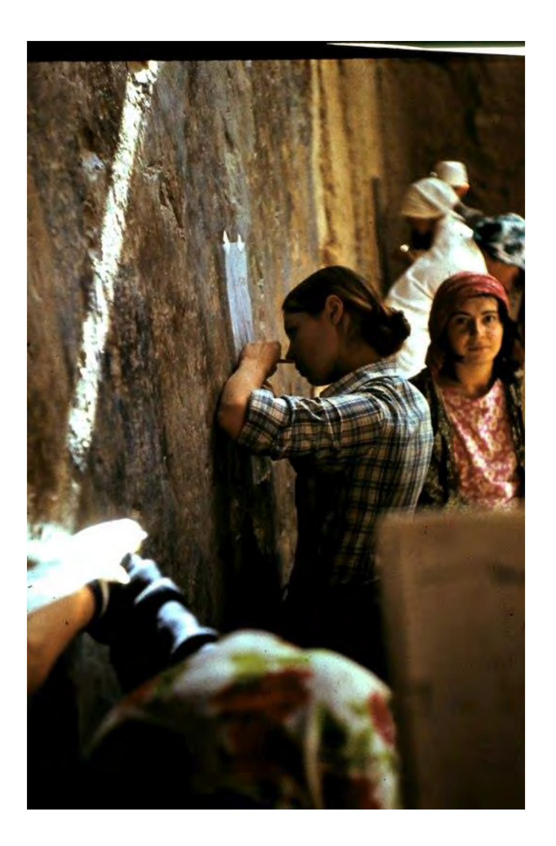
Живопись Афрасиаба. Зал послов. Западная стена. Цветная копия

*Живопись Афрасиаба.
Белый слон без дамы.
Реставратор Анвар
Камбаров. 1965*

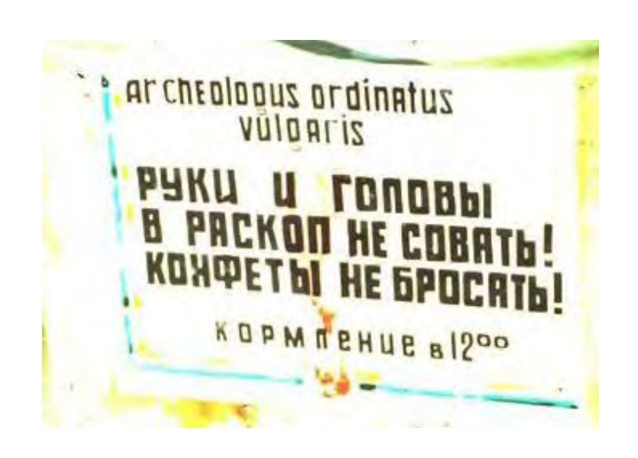
Открытие росписей. 1965

*Прорисовка росписей.
Аржанцева И.А., Иневаткина О.Н. 1978*

Иневаткина О.Н.,
Аржанцева И.А.
Афрасиаб, 1978

Объявление на нашем раскопе

Самарканд. Гур-Эмир, 1978

Самарканд.
Площадь Регистан в момент
реконструкции, 1978

Ослик с тележкой.
Рынок возле Бибиханым.
1978

Самарканд. На рынок.
1978

Бабаи смотрят к нам в раскоп.
Афрасиаб, 1978

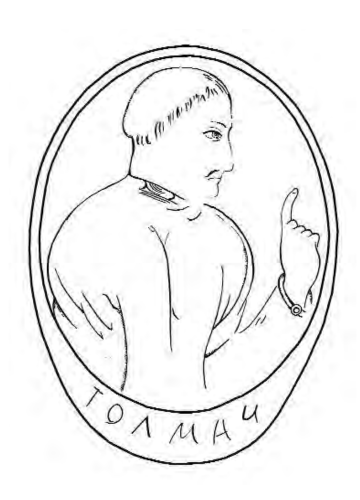
Самарканд. Рынок.
1978

Живопись Афрасиаба. Те самые чаганианские послы

Чаганианский посол. Прорисовка

Толмач

Чаганианский посол. Живопись и прорисовка. 1978

Научное издание

Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН

Утверждено к печати
Ученым Советом
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Составители: И.А. Аржанцева, М.Л. Бутовская
Редактор: Д.В. Громов
Оригинал-макет: О.В. Кульбачевская
Обложка: Е.В. Орлова

Подписано к печати 10.04.2015.
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 13,7.
Тираж 250 экз. Заказ № 43

ISBN 978-5-4211-0116-1

